

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Federal State-Funded Education
Institution for Higher Professional Education

«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 23 (709)

Historical Sciences

Political Sciences

**ACTUAL PROBLEMS
OF FOREIGN AND DOMESTIC POLICIES
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Moscow
FSFEI HPE MSLU
2014

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического
университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 23 (709)

Исторические науки
Политические науки

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Москва
ФГБОУ ВПО МГЛУ
2014

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор издания
доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
И. И. Халева

Издание входит в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий,
в которых публикуются основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук

Редакционная коллегия:

д-р истор. наук, канд. филол. наук, проф. А. Я. Касюк
(*ответственный редактор*)
д-р филос. наук, проф. И. К. Харичкин
(*зам. ответственного редактора*)
д-р полит. наук В. К. Белозеров
д-р истор. наук, проф. Л. Г. Ивашов
д-р истории, доц. И. Кемаль Оглу (Турецкая Республика)
д-р воен. наук, доц. А. Б. Логунов
д-р социол. наук, проф. И. В. Образцов
д-р социол. наук, доц. В. Л. Примаков
д-р истор. наук, проф. В. М. Плотских (Киргизская Республика)
д-р полит. наук, проф. Ю. В. Синчук
канд. истор. наук В. А. Соловьев

© ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. Эл № ФС77-59634
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Учредитель: ФГБОУ ВПО МГЛУ

Над выпуском работали:

Редактор Н. Г. Павлова
Компьютерная верстка Г. П. Лопатиной
Дизайн обложки А. Г. Проскурякова

ФГБОУ ВПО МГЛУ
Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

ОАО Агентство «Роспечать»
Подписной индекс – 18066
Подписано в печать 20.10.2014 г.
Объем 14,3 п. л. Формат 60x90/16
Сетевое электронное научное издание
Заказ № 1216

Перепечатка материалов Вестника МГЛУ
возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания;
ссылка на издание при перепечатке обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бартош А. А.</i> Модель «управляемого хаоса» в культурно-мировоззренческой сфере	9
<i>Воронина Г. Б.</i> О реализации научного проекта «Методология исследования межконфессиональных параметров коммуникации»	27
<i>Галушко А. Ю.</i> Святая гора Афон как элемент балканской дипломатии России в конце XIX – начале XX века	34
<i>Гривастова И. В.</i> Калининградская область как субъект Российской Федерации (ретроспективный анализ)	44
<i>Емельянов А. И.</i> Формирование цивилизационной идентичности на примере государств Латинской Америки	53
<i>Зимонин В. П.</i> Японо-германский прожект «Блок четырех против демократии» и советская дипломатия	62
<i>Лесников Г. П.</i> Субъектно-объектные межгосударственные отношения в системе современного мирового порядка	75
<i>Маткаримова Г. В.</i> Методологические основания снижения этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе	85
<i>Мельникова А. С.</i> Политическая интеграция как объективная закономерность развития международных экономических отношений	94
<i>Минин Е. М.</i> Современное состояние и перспективы развития Арктического региона России	100
<i>Михалев Ю. А.</i> Ударные части и подразделения Русской армии в годы Первой мировой войны	110
<i>Незнанова А. В.</i> Стратегия национальной политики России в условиях глобализации	116

<i>Овасапян А. С.</i>	
Вступление Армении в Таможенный союз и его последствия для геополитической ситуации на Южном Кавказе	122
<i>Петров А. Ю., Комаров С. Г.</i>	
Исторические традиции развития русской православной церкви на Аляске и Алеутских островах	129
<i>Печищева Л. А.</i>	
Германия и Пакистан: развитие торгово-экономических отношений в начале 2000 годов	146
<i>Привезенцев А. В.</i>	
Безопасность государства по взглядам древнегреческого историка Энея Тактика	151
<i>Соловых А. Д.</i>	
Международно-правовая оценка права курдов на самоопределение	164
<i>Спицин А. Г.</i>	
Проблемы глобальной экологии в мировой политике XXI века	174
<i>Стукалова С. Т.</i>	
Ребрендинг PR-отрасли и социальная политика региона	186
<i>Тахер Джабер М. А.</i>	
Историческое значение Мадридской конференции (1991 г.) по ближневосточному урегулированию	192
<i>Щербаков А. И.</i>	
Колониальный вопрос в спектре политических взглядов ведущих партий Германии	204
<i>Шершнёв И. Л.</i>	
Тенденции активизации общественной дипломатии во внутренней политике России	219

CONTENTS

<i>Bartosh A. A.</i> Model of Controlled Chaos in Cultural and World Perception Spheres	9
<i>Voronina G. B.</i> On Carrying out the Research Project «Methods of Investigating Cross-Confessional Parameters for Communication»	27
<i>Galushko A. J.</i> Mount Athos – an Important Element of the Balkan Diplomacy in Late XIX – Early XX Century	34
<i>Grivastova I. V.</i> Kaliningrad Region As A Subject Of The Russian Federation (Retrospective Analysis)	44
<i>Emelyanov A. I.</i> Formation of Civilization Identity by the Example of the Latin-American States	53
<i>Zimonin V. P.</i> Japan-Germany Project of the «Alliance of four Against Democracy» and the Soviet Diplomacy	62
<i>Lesnikov G. P.</i> Subject-Objectivity of State-To-State Relations in the System of Contemporary Global Order	75
<i>Matkarimova G. V.</i> Methodological Underpinnings of Decrease of Ethno-Confessional Tension in Moscow	85
<i>Melnikova A. S.</i> Political Integration as an Objective Law of International Economic Relations Development	94
<i>Minin E. M.</i> Contemporary Condition and Prospects for Future Development in the Arctic Region Of Russia	100
<i>Mikhalev Y. A.</i> Strike Troops and Units of the Russian Army During Interrevolutionary Period in the First World War	110
<i>Neznanova A.</i> The National Strategy of Russia in the Context Of Globalization	116

<i>Hovasapyan Ani</i>	
An Accession of Armenia to the Customs Union and its Consequences to the Geopolitical Situation in the South Caucasus	122
<i>Petrov A. Ju., Komarov S. G.</i>	
Historical Traditions of the Development of the Russian Orthodox Church in Alaska and Aleutian Islands	129
<i>Pechishcheva L. A.</i>	
Germany and Pakistan: the Development of Trade and Economic Relations at the Beginning of the 2000s	146
<i>Privezentsev A. B.</i>	
The Security of the State According to the Views of the Ancient Greek Historian Aeneas Tacticus	151
<i>Solovykh A. D.</i>	
The Legal Evaluation of the Kurdish People's Right to Self-Determination	164
<i>Spitsyn A. G.</i>	
Problems of Global Ecology in the World Politics of the XXI Century	174
<i>Stukalova S. T.</i>	
Rebranding Public Relations and Developing Regional Social Policy	186
<i>Djaber T.</i>	
The Historical Significance of the Madrid Conference (1991) on the Middle East Settlement	192
<i>Shcherbakov A. I.</i>	
Colonial Question in the Spectrum of the German Leading Parties	204
<i>Shershnev I. L.</i>	
Trends of Public Diplomacy Activation in Russian Domestic Policy	219

УДК 327.8

А. А. Бартош

член-корреспондент Академии военных наук,
директор Информационного Центра по вопросам международной
безопасности при МГЛУ
e-mail: isc-mslu@mail.ru

МОДЕЛЬ «УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА» В КУЛЬТУРНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Автор дает определение модели «управляемого хаоса» и рассматривает возможности ее применения для подрыва лингвистической безопасности России и стран СНГ, выделяет основные объекты обеспечения безопасности России и стран СНГ в культурно-мировоззренческой сфере, анализирует факторы, оказывающие позитивное и негативное влияние на решение задач обеспечения лингвистической безопасности России и стран СНГ.

Ключевые слова: модель «управляемого хаоса»; геополитический код; культурно-мировоззренческая сфера; угрозы; геополитические факторы; обеспечение безопасности; лингвистическая безопасность; русский язык; моральные ценности и культурное наследие народов России и стран СНГ.

Bartosh A. A.

Corresponding member of the Academy of military Sciences of the Russian Federation
Director of Information Centre for International Security MSLU

MODEL OF CONTROLLED CHAOS IN CULTURAL AND WORLD PERCEPTION SPHERES

In the article the author gives the definition of a “Model of Controlled Chaos” and considers the ways of its application to undermine the linguistic security of Russia and the CIS states, studies main objects of security assurance in Cultural and World Perception Spheres and analyzes the main constructive and destructive factors in the framework of linguistic security assurance in Russia and the CIS states.

Key words: Model of Controlled Chaos; geopolitical code; Cultural and World Perception Spheres; threats; geopolitical factors; assurance security; linguistic security; Russian language; moral values and cultural heritage of Russia nations and the CIS states.

В условиях глобализации и меняющегося глобального баланса сил в мире появляются новые центры влияния, создается полицентрическая система международных отношений. Динамику и направленность формирования нового миропорядка обуславливает комплекс

противоречий между участниками мирового политического процесса. Главное из противоречий состоит в острой конкуренции между стремящимся к глобальному доминированию Западом, прежде всего США, и странами НАТО и набирающими экономический и политический вес растущими новыми центрами – Китаем, Россией, Индией и некоторыми другими государствами. Географическая площадка такой конкуренции – весь мир.

Одним из результатов противостояния является военно-политическая, социальная, экономическая нестабильность и турбулентность, в основе которой лежат прежде всего внутренние факторы (коррупция, высокий разрыв в доходах различных слоев населения, несостоятельность национальных элит, отсутствие социальных лифтов, нерешенные межнациональные, межрелигиозные проблемы и ряд других). Наряду с действием этих факторов нестабильность и турбулентность могут развиваться как следствие *искусственно создаваемой хаотизации обстановки* в отдельных странах и регионах. В применяемых стратегиях, при всем разнообразии используемых форм и направлений хаотизации, геополитических особенностей объектов ее приложения, просматривается объединяющий системный подход, некоторые общие закономерности, наличие определенных управляющих воздействий и механизмов их реализации.

Системное логико-лингвистическое описание используемых технологий хаотизации может быть представлено в виде «модели управляемого хаоса» как одного из современных инструментов, применяемых Западом в борьбе за глобальное доминирование. Модель – это «1) мысленный или условный образ, аналог какого-либо объекта, процесса или явления, воспроизводящий в символической форме их типические черты; 2) формализованная теория, на основе которой может быть сделан ряд предположений; 3) символическое изображение структуры, типа поведения и образцов взаимодействия в социальных процессах; 4) стандарт для измерения отклонений в реальных процессах от предполагаемых; 5) в психологии – образец для подражания» [14, с. 670].

Применительно к данной статье модель «управляемого хаоса» представляет собой логико-лингвистическое описание процесса по развитию конфронтационной спирали в социальных процессах в выбранной стране или группе стран в интересах достижения заданных социально-политических, военных, экономических, простран-

ственно-географических характеристик государства-мишени (или региона). Содержание процесса определяет цели и задачи модели, этапы конфронтации, индикаторы достижения поставленных задач по каждому из этапов, а также позволяет выработать прогноз возможного внутреннего и международного противодействия.

Предназначение модели заключается в реализации нескольких взаимосвязанных функций:

1) создание структурной оболочки для формирования концептуального инструмента, способного служить основой для разработки вариативных планов развития процесса управляемого хаоса в определенной геополитической зоне (регионе или отдельной стране). Функция прогнозирования служит целям планирования и стратегического управления процессом и является неотъемлемой частью модели. Структурная оболочка представляет собой оптимизированный по составу и набору функций комплекс органов контроля и управления процессами хаотизации ключевых сфер управления коллективной деятельностью людей, включая все три вида управления:

- административно-государственное (политическое) управление;
- управление культурно-мировоззренческой сферой;
- управление социально-экономической сферой;

2) поддержка выбора решения, наиболее полно соответствующего оптимальному варианту развития моделируемого процесса в каждой из сфер управления;

3) обеспечение непрерывного управления моделируемым процессом, включая переход от этапа применения невоенных средств и способов борьбы к этапу жесткой вооруженной конфронтации;

4) обеспечение непрерывного мониторинга деятельности модели и полученных результатов.

Воздействие на ключевые сферы управления коллективной деятельностью людей осуществляется с учетом характера социальных отношений внутри государства-мишени, а также отношений с другими государствами, прежде всего в границах региона, расстановки военно-политических сил и динамики их развития, вероятной реакции институтов обеспечения глобальной и региональной безопасности. Проводимое в этой сфере прогнозирование и стратегическое планирование, как правило, основывается на анализе и оценке вызовов, рисков, опасностей и угроз (ВРОУ), которые могут иметь глобальный, региональный или локальный характер. Анализируются

также комплексы факторов, оказывающих стабилизирующее или дестабилизирующее влияние на обстановку.

В основе модели «управляемого хаоса» как концептуального инструмента, предназначенного для решения задач по направленной координации и организации развития конфронтационной спирали в выбранной стране или группе стран в интересах достижения заданных социально-политических, военных, экономических, пространственно-географических характеристик государства-мишени (или региона), лежат положения теории «управляемого хаоса», или «контролируемой нестабильности». В своей первоначальной версии теория хаоса разрабатывалась главным образом применительно к физическим или химическим процессам. Однако сегодня наблюдается смыкание проблем, касающихся неживой природы, с вопросами, поднимаемыми в области социологии, психологии, этики, гражданского общества в целом, где сознательный выбор, определение верной установки к действию являются предметами специального исследования [11].

Развивая идеи «управляемого хаоса» применительно к человеческому обществу, И. Р. Пригожин утверждает, что на человека налагается ответственность за выбор того или иного пути развития. Человек, зная механизмы самоорганизации, может сознательно ввести в среду соответствующую флюктуацию, – если можно так выразиться, уколоть среду в нужных местах и тем самым направить ее движение. Но направить не куда угодно, а в соответствии с потенциальными возможностями самой среды. Действительно, согласно нашим представлениям, все сложные структуры в мире должны быть нестабильными, носить, например, колебательный характер. В одном режиме они локализуют и удерживают хаос в определенной форме, а в другом – вблизи момента обострения – само это удержание посредством положительной обратной связи способствует действию хаоса, что влечет за собой статистическое поведение системы и ее «радиоактивный» распад [10].

Подтверждением этого вывода являются участвовавшие попытки научного осмысливания проблем контролируемой нестабильности и практического применения технологий управляемого хаоса для придания нужного направления динамике социально-политических систем и организации «цветных революций». Свообразным катализатором такой деятельности выступают действия США и Запада,

направленные на радикальное переустройство мира под стандарты единственной сверхдержавы [5; 6].

В основу алгоритма модели управляемого хаоса помещается известное свойство нестабильности сферы управления коллективной деятельностью людей, которое изначально присуще всем сложным структурам. В теории управляемого хаоса особую значимость имеет способность любой сложной структуры (в том числе и современного государства) в режиме повседневного функционирования контролировать и удерживать хаос в определенных рамках. Вместе с тем в другом режиме, например в период искусственно созданного обострения, само это удержание посредством положительной обратной связи способствует лавинообразному нарастанию действия хаоса, что в конечном итоге может привести к распаду системы.

По замыслу идеологов управляемый хаос по его эффективности и последствиям способен сравниться с оружием массового поражения. При этом используются нетрадиционные, физически не разрушающие средства поражения, для которых не существует национальных границ. Нет и международно-признанной нормативно-правовой базы для противодействия, технологии управляемого хаоса пока остаются вне сферы контроля со стороны международных организаций. Отсутствуют научно обоснованные критерии для контроля, соответствующие индикаторы, фиксирующие состояние ситуации на различных этапах действия модели.

По мнению автора, первоначальный импульс развитию теории и практики «управляемого хаоса» был придан в 1945 г. руководителем политической разведки США в Европе Алленом Даллесом. В своем обращении к Конгрессу будущий директор ЦРУ акцентировал внимание на подрывной деятельности против СССР, прежде всего в культурно-мировоззренческой сфере. Он заявил: «Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников-союзников в самой России. <...> Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театр, кино – все будет изображать, и прославлять самые низменные человеческие чувства. <...> Честность и порядочность будут

осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище. Найдем способ их обогатить и объявить отбросами общества» [3, с. 12].

В дальнейшем, главным образом применительно к административно-государственной (политической) сфере управления, положения «управляемого хаоса» получили развитие в работах западных исследователей, например Джина Шарпа [17]. Вскоре теоретические разработки Д. Шарпа стали подлинным наставлением по подрывной деятельности и прошли испытание практикой в ходе дестабилизации стран Варшавского договора, развала СССР и при проведении ряда цветных революций в начале нового тысячелетия.

В последние годы технологии управляемой нестабильности привлекают все большее внимание ряда влиятельных политологических центров Запада: Римского и Бильдербергского клубов, Трехсторонней комиссии, фабрик мысли, типа «Рэнд корпорейшн» и «Института Санта Фе». Разработанные общие принципы в дальнейшем были конкретизированы и получили практическое развитие в деятельности спецслужб, МВФ, Всемирного банка, ВТО [1].

В историческом контексте можно утверждать, что элементы технологии «управляемого хаоса» были применены внутренними и внешними политическими игроками для развала Российской империи еще в 1917 г. Первое успешное применение полномасштабного варианта модели «управляемого хаоса» относится к временам развала СССР и Организации Варшавского договора, когда был положен конец эпохе биполярного противостояния. Затем последовали и продолжают до сих пор разнообразные «оранжевые революции» и другие события, связанные с дестабилизацией и развалом суверенных государств, нарушением субъектности их развития с целью перевода под внешнее управление. Комплекс проводимых при этом мероприятий ориентирован на массовое сознание населения, на управляющие центры противника с целью глубокой трансформации политической, экономической, социальной и духовной

жизни страны и последующего втягивания переформатированного государства-мишени в орбиту управляемых извне спутников.

Эффективность и прогнозируемая вероятность применения в будущем моделей «управляемого хаоса» обуславливает необходимость внимательного изучения этого феномена как одной из угроз национальной безопасности Российской Федерации. Наша страна по-прежнему остается одной из главных целей в коллиматоре прицела модели.

При всем различии особенностей внутренней и международной обстановки, политических сил и самих сценариев, по которым развивались события в 1917 г., приведшие к крушению Российской империи, а в начале 1990-х гг. к распаду СССР, существует нечто объединяющее эти масштабные геополитические катастрофы. Как представляется, в обоих случаях одной из важных целей, которые ставили перед собой внутренние и внешние инициаторы разрушительных процессов, являлся слом *геополитического кода государства* как исторически сложившейся системы политических отношений с внешним миром, обеспечивающей определенный государственный статус на мировом, региональном и локальном уровнях. Геополитический код государства в общем виде включает национальные интересы и ценности, принятую шкалу идентификации вызовов, рисков, опасностей и угроз (назовем их ВРОУ) и возможные способы их нейтрализации. Геополитический код содержит ответы на ключевые вопросы: кто является союзниками и противниками государства; как сохранить нынешних союзников и привлечь потенциальных; как противостоять нынешним противникам и предотвратить появление потенциальных; как объяснить сделанный выбор гражданам страны и международному сообществу [8].

Устойчивость геополитического кода достигается обеспечением всех видов безопасности: международной, национальной, государственной, политической, военной, экономической, духовной, лингвистической, информационной.

В упомянутых исторических событиях силы, заинтересованные в решительном сломе сложившегося порядка вещей, в качестве инструментов достижения своих целей делали ставку на усиление эксплуатации критичности и создания в Российской империи и СССР обстановки «управляемого хаоса» в административно-государственной, социально-экономической и культурно-мировоззренческой

сферах управления коллективной деятельностью людей. Каждая из этих сфер обладает собственной и достаточно разветвленной спецификой, поэтому в рамках настоящей статьи предполагается рассмотреть лишь часть вопросов, связанных с проблемами хаотизации культурно-мировоззренческой сферы за счет использования лингвопсихологических методов целенаправленного информационного воздействия на индивидуальное и массовое сознание.

Если в применяемых ранее стратегиях воздействия на геополитический код факторы несиловых форм борьбы играли подчиненную роль, то теперь на первый план выдвинулись стратегии действий в глобальном информационном пространстве, насыщенном социальными сетями, неконтролируемыми властями, с целью прямого воздействия на культурно-мировоззренческую сферу. Применительно к России важное место в реализации таких стратегий отводится модели «управляемого хаоса», одной из важных целей которой является подрыв лингвистической безопасности страны.

В рамках культурно-мировоззренческой сферы алгоритмы модели «управляемого хаоса» нацелены в первую очередь на обеспечение контроля над разновекторными и не всегда осознанными мотивациями и в целом над поведением широкого спектра участников общественных процессов. Использование технологий информационно-сетевых воздействий обеспечивает необходимый охват от локального до глобального масштаба. Суть проводимых мероприятий заключается в создании условий для скрытого управления культурно-мировоззренческой сферой с целью преобразования ментального поля населения страны-мишени путем переориентации, ослабления, а затем уничтожения традиционных духовных и культурных ценностей народа.

Таким образом, формируются механизмы управления поведением больших масс людей, сознание которых за счет целенаправленного использования существующих сетевых ресурсов (Интернета, телевидения, кино, литературы, потенциала некоторых образовательных программ, неформальных организаций и религиозных сект) постепенно теряет чувствительность к оказываемому воздействию и одновременно насыщается нужными представлениями и ценностями. Анестезия сознания в сочетании с информационным вторжением осуществляется под аккомпанемент утверждений о якобы сугубо добровольном принятии населением новой когнитивной

модели – образа нужной «картины мира», сформированной населением государства-мишени на базе продиктованных и внушенных ему представлений. Сами эти представления призваны продемонстрировать человеку преимущества якобы более цивилизованного и высококоразвитого Запада по сравнению с отсталыми и давно утерявшими значимость ценностями и интересами, положенными в основу мировоззренческой сферы общества в его собственной стране. Массированное применение подобных технологий привело к нынешним трагическим событиям на Украине.

В рамках такой стратегии модель «управляемого хаоса» осуществляет целенаправленное воздействие системы согласованных по целям, месту и времени пропагандистских, психологических, информационных и других мероприятий как на сознание отдельного человека, так и на «чувствительные точки» (центры принятия решений) административно-государственного (политического) управления, включая сферу обеспечения всех видов безопасности, социально-экономическую и культурно-мировоззренческую сферы.

Применительно к России и странам СНГ в течение многих лет одной из приоритетных целей модели «управляемого хаоса» в культурно-мировоззренческой сфере является русский язык. Госсекретарь США А. Даллес еще в 1948 г. говорил: «...чтобы развалить СССР, не надо атомной бомбы, нужно только внушить его народам, что они могут обойтись без знания русского языка. Нарушатся экономические, культурные, другие связи. Государство перестанет существовать» [16, с. 110]. СССР уже нет, но осталась многонациональная Россия, остался СНГ, и им грозит та же участь, если не принять срочных мер по обеспечению лингвистической безопасности русского языка как национального, межнационального и мирового языка.

По мнению академика РАО И. И. Халеевой, в основе проблемы обеспечения лингвистической (или языковой) безопасности «...лежит изучение аспектов “коллективного бессознательного”, формирующей ментальность индивида, а также некоторой общности – культурно-исторической, социальной, этнической. “Коллективное бессознательное” не поддается прямому наблюдению, его можно исследовать косвенными методами и прежде всего через язык. Изучение ментальности как базовой категории лингвистической безопасности означает изучение индивидуального или массового сознания, выраженного

лингвокультурно окрашенными единицами знания (Ю. Н. Караулов), которые являются своеобразной программой следования опыту всей деятельности человека» [16, с. 104].

Российская ментальность, в максимальной степени лишенная этнической окраски, формировавшаяся веками в результате взаимодействия множества этнических ментальностей, включает в себя весь положительный опыт такого взаимодействия. Таким образом, «в многомерной структуре национальной безопасности лингвистическую безопасность следует рассмотреть в трех основных аспектах: политическом, социальном и личностном (индивидуально-психологическом)» [16, с. 111].

В этом контексте обеспечение лингвистической безопасности русского языка как языка межнационального общения во многом обусловлено тем, что в геополитическом плане Россия как великая евразийская держава призвана, наряду с другими функциями, решать задачу поддержания диалога цивилизаций Запада и Востока. Такой межкультурный диалог в течение многих веков практически воплощается и в культурно-языковом взаимодействии народов России, что в конечном итоге позволяет сегодня говорить о формировании фундамента общероссийской культуры, цементирует которую общегосударственный русский язык. Связующая роль русского языка обуславливала логику процессов, всякий раз приводивших к восстановлению Российского государства в условиях новой политической реальности на основе известных экономических, политических и социокультурных факторов. Именно поэтому русский язык в его взаимодействии с языками других народов страны, многонациональная литература, отечественная история были и остаются приоритетными объектами воздействия со стороны сил, стремящихся расколоть Россию и СНГ [2].

Применительно к нашим партнерам и союзникам в комплексе социальных аспектов деятельности модели «управляемого хаоса» в культурно-мировоззренческой сфере и особенно в деле обеспечения лингвистической безопасности, серьезную угрозу несет наличие в некоторых странах СНГ тенденции к вытеснению русского языка из сфер общения, из образования. Связано это с тем, что придание русскому языку статуса государственного разрушает планы авторов «оранжевых технологий» и национальных властных элит по строительству государства с существенной, а нередко и преобладающей антироссийской составляющей в политике.

Поэтому складывается парадоксальная картина, когда сегодня в большинстве государств СНГ русский язык является распротраненным, но при этом нередко целенаправленно вытесняемым в ходе государственной политики, прежде всего политики в области образования. Именно в этой бюджетной сфере проявляется реальный курс государства. Например, тот факт, что на Украине вступительные экзамены в вузы принимаются только на украинском языке, что количество русских школ сокращается, есть следствие государственной политики. И похожая ситуация или даже худшая – в некоторых других государствах СНГ.

Вот как выглядит статус русского языка в странах СНГ. Белоруссия – статус государственного, Киргизия – статус официального. Это прочная нормативно-правовая основа для использования и защиты русского языка в этих республиках.

Во всех остальных республиках СНГ статус русского языка довольно шаткий. На Украине – государственный язык – украинский. Казахстан – государственный язык – казахский. Законодательно русский язык может официально употребляться наравне с казахским в государственных организациях и органах самоуправления. Молдавия – после принятия закона о языке и «румынизации» молдавского языка русский язык утратил государственный статус, но сохранил статус языка межнационального общения. Таджикистан – государственный язык – таджикский, русский – язык межнационального общения. Армения и Узбекистан – язык национального меньшинства. Азербайджан – статус законодательно не регулируется.

Таким образом, только в Белоруссии русский язык является государственным наряду с белорусским, а в Киргизии официальным наряду с киргизским. В отношении других республик речь идет о тенденции вытеснения русского языка, которая воздействует самым деструктивным образом на социально-коммуникативные стороны жизни граждан России и СНГ.

В Грузии, где русский язык в настоящее время стоит на втором месте по употреблению после грузинского, с сентября 2010 г. разворачивается масштабная программа по привлечению англоязычных добровольцев – преподавателей языка. К 2014 г. планировалось довести общую численность таких энтузиастов до 10 тыс. и с их помощью найти достойную альтернативу русскому языку.

Силы, делающие ставку на ослабление связей между национальными субъектами Российской Федерации, не ослабляют попыток вытеснить русский язык из внутренней политической, экономической и культурной жизни и перейти в основном на язык титульной нации. Такие действия несут за собой опасность изоляционизма и ослабляют суверенную роль федеральной власти.

В. В. Путин в статье, опубликованной в январе 2012 г. в «Независимой газете», поднимает вопрос сохранения русской культурной доминанты, отмечая, что ее носителем являются не только этнические русские. Президент пишет, что этот культурный код пытались и пытаются взломать и его надо укреплять и беречь и огромная роль здесь принадлежит образованию. И в первую очередь речь должна идти о повышении в образовательном процессе роли таких предметов, как русский язык, русская литература, отечественная история – естественно в контексте всего богатства национальных традиций и культур [12].

Каково влияние компонентов геополитического кода на решение задач, которые обеспечивают лингвистическую безопасность русского языка на современном этапе?

Как представляется, на безопасность России, включая лингвистическую безопасность, влияют группы конструктивных и деструктивных геополитических факторов [4]. Способствуют укреплению лингвистической безопасности большая численность населения, все еще сохраняющийся высокий образовательный и культурный уровень народов Российской Федерации, вековые традиции их совместного проживания, наличие единого языкового и культурного пространства.

К числу факторов, имеющих деструктивную направленность, можно отнести сокращение численности населения, серьезные диспропорции в его распределении по территории страны, проживание значительного количества русского населения за пределами России, наличие тенденций к снижению образовательного уровня населения, усиливающееся негативное воздействие на культуру как со стороны внешних, так и внутренних сил, незаконная миграция, сохранение очагов межнациональных конфликтов, появление большого количества псевдорелигиозных сект, рост религиозного экстремизма и ксенофобии. В рамках модели «управляемого хаоса» на усиление разрушительного потенциала многих из этих факторов действуют

как внешние, так и внутренние силы, государства и организации, отдельные влиятельные лица, ведется необъявленная тайная война.

В течение сотен лет сохранение в России культурно-цивилизационного кода на основе русского языка в годы величайших испытаний позволило обеспечить единство страны. В этом контексте сегодня очевидной является вполне реальная угроза целостности России и СНГ, исходящая от политтехнологий «управляемого хаоса», в результате воздействия которых размываются ценности, в том числе и культурные, языковые, объявляется неэффективным государство, провоцируются внутренние конфликты, целенаправленно трансформируются элиты.

Эффективный способ противодействовать подобным попыткам – формирование в каждой из стран СНГ национально ориентированного ведущего слоя общества, национальной элиты, считающей приоритетом развитие сотрудничества с Россией. Крайне важно наличие в составе национальных элит стран СНГ значительных групп лиц, владеющих русским языком. С этой точки зрения важно донести до каждого представителя национальной элиты, что русский язык, безусловно, необходим для реализации индивида как личности в своей стране и за ее пределами. Немаловажно понимание того, что ведение бизнеса с соседями по СНГ невозможно без знания русского языка. Необходим русский язык и многочисленным трудовым мигрантам. Одновременно должно поощряться изучение языков своих соседей российской национальной элитой. Необходимы целенаправленные усилия по возрождению интереса к изучению русского языка за рубежом.

Сегодня очевидной является необходимость широкой поддержки в государствах СНГ стратегии билингвального образования, т. е. обучения людей умению говорить как минимум на двух языках, включая русский. Стратегии билингвального образования давно успешно реализуются во многих странах Европы [9].

Утверждается такой подход и в нашей стране, где в связи с принятием в национальных республиках – субъектах РФ – законов о языке сформирован государственный билингвизм, который характеризуется сосуществованием русского языка как государственного на всей территории России и языков титульных народов – субъектов РФ. Именно такое, базирующееся на прочной правовой основе

государственное двуязычие является важной гарантией как лингвистической, так и, в более широком смысле, национальной безопасности России.

Предметом отдельного рассмотрения является негативное влияние на лингвистическую безопасность мировых глобализационных процессов с характерной для них тенденцией к установлению единых стандартов поведения в экономической, политической, информационной и культурной сфере, ослаблением государственного суверенитета, размыванием национальной самобытности, наметившейся тенденцией трансформации военных конфликтов из межгосударственных во внутригосударственные. С точки зрения социальных аспектов лингвистической безопасности особенно опасна чужеземная лингвистическая экспансия, которая воздействует самым деструктивным образом на социально-коммуникативные стороны жизни граждан России. Тесно связана с этой проблемой намечающаяся однополярная ориентация общества на один из мировых языков, который позиционируется Западом как единственное и незаменимое средство глобальной коммуникации. Противостоять такой негативной тенденции можно, в том числе и за счет укрепления статуса русского языка как официального языка СНГ. В этом контексте важная роль принадлежит модельному закону о языках, где русский язык закрепляется как основной рабочий в рамках коммуникационных обменов в Таможенном союзе, Едином экономическом пространстве, Евразийском союзе [7].

Внешние деформации русского языка сегодня особенно ощутимы в сфере информационных технологий. Русский язык, применяемый в средствах массовой коммуникации (Интернет и сопутствующая компьютерная литература, техника и инструкции по использованию мобильной связи, рынок видеопродукции), чрезвычайно засорен англоязычными словами. Во многих случаях эти слова несут более высокую смысловую нагрузку, чем слова русского языка, т. е. русскому языку в таких текстах отводится явно вспомогательная роль. Несмотря на принимаемые у нас законодательные акты, призванные ограничить подобную экспансию, практические результаты по их внедрению остаются все еще незначительными.

Надо признать, что упомянутый процесс засорения русского языка англоязычными словами носит во многом объективный характер.

Около 70% всех сайтов Всемирной паутины находятся в США, при этом 96% всех коммерческих сайтов исполнены на английском языке. Не у нас появились первые персональные компьютеры, Интернет и мобильные телефоны. Отсюда и засилье иностранных слов в связанных с этими и многими другими новшествами сферах, определяющих сегодня технический прогресс. Выход очевиден: развивать отечественную культуру, образование и науку, высокотехнологичные отрасли промышленности и предлагать свой понятийный аппарат (вспомним, как естественно в свое время вошло в международный лексикон русское слово «спутник»).

Еще одной опасностью является засорение русского языка ненормативной лексикой, понятиями, заимствованными из уголовного жаргона. Процесс этот идет и при участии некоторых отечественных чиновников, деловых людей, которые, не смущаясь (а иногда и не отдавая себе отчета в силу частого употребления таких словечек в повседневном общении), используют жаргонные выражения в выступлениях перед телекамерами. Все эти факторы негативно сказываются на обеспечении лингвистической безопасности русского языка, работают на ослабление позиций России в противостоянии негативным тенденциям в культурно-мировоззренческой сфере.

Здесь уместно привести мысль, высказанную А. И. Солженицыным в интервью газете «Московские новости».

МН. – Умирают ли русский язык и русская литература – в том смысле, что никогда уже им не достичь, а тем более не превзойти образцов (даже не вершин) XIX и XX вв.?

Солженицын. – Несмотря на нынешнее безоглядное засорение русского языка легкомысленным жаргоном и наплыв англо-американской лексики (имею в виду не естественное использование технической терминологии, а модные, комически важные перехваты), я твердо верю, что русский язык не пошатнется и не даст себя безвозвратно засорить – пока будет существовать на Земле хоть остаток русского народа. То же отношу и к русской литературе. Несмотря на обильное замусоривание, она сохраняет ясную и совестливую основу и еще подарит нам образцы, поддерживающие наш дух и сознание [13].

Каковы могут быть меры противодействия угрозам и вызовам в сфере лингвистической безопасности?

1. В рамках развития государственно-политической основы обеспечения лингвистической безопасности, по-видимому, начинать

нужно с совершенствования нормативно-правовой базы с целью создания условий для устойчивого развития общегосударственного языка во взаимодействии с другими языками. Статус русского языка как государственного окончательно закреплен Основным законом страны – Конституцией РФ 1993 г. (ст. 68). Важным политико-правовым фактором обеспечения лингвистической безопасности является Закон о государственном языке РФ, определяющий социальный и правовой статус государственного языка РФ как системообразующий фактор сохранения целостности России. Очередным шагом, как представляется, могла бы стать разработка концепции лингвистической безопасности Российской Федерации, которая должна представить собой эффективный инструмент защиты общегосударственного и живых национальных (региональных) языков народов нашей страны, защиты в языковой сфере прав русскоязычного населения в зарубежье, укрепления СНГ.

2. Необходимо наметить пути к осуществлению взвешенной национально-языковой политики России в межгосударственных отношениях со странами СНГ, в частности, в направлении поиска оптимальных решений в сфере защиты языковых и культурных прав соотечественников – русскоязычной диаспоры, нередко составляющей значительную часть населения этих государств. Это особенно актуально для Украины, а вне СНГ – для стран Балтии.

В культурно-мировоззренческой сфере активно противодействовать влиянию определенных международных сил на молодежь, на политическую и творческую элиту, бизнес-сообщество государственных и попыткам организации там «оранжевых» революций.

3. Важной является задача распространения русского языка как средства международного общения.

Этого можно достичь, в частности, за счет наращивания количества иностранных студентов в российских вузах с целью повышения удельного веса нашей страны в подготовке будущих лидеров и специалистов для стран Азии, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки. Наряду с решением комплекса важнейших для России политических и экономических задач, такой подход будет объективно способствовать упрочению позиций русского языка в мире. Назрела необходимость разработки единого стандарта для изучения русского языка как иностранного. Следует активно продолжать и расширять на другие страны проект, связанный с подготовкой молодых

переводчиков художественной литературы государств СНГ и Балтии, реализуемый под эгидой МГЛУ.

Перечисленный далеко не полный перечень мер требует серьезной работы – начиная от обеспечения безопасности иностранных студентов и до разработки программ, совершенствования квалификации преподавателей, создания филиалов по различным направлениям, решения многих других вопросов по формированию притягательного имиджа российских вузов, повышению престижности и статуса российского образования, включая военное образование.

Целенаправленная деятельность в этой сфере в сочетании с дальнейшими шагами по укреплению суверенитета Российской Федерации будет способствовать недопущению ее изоляции, обеспечению интеграции в мировое сообщество, обеспечению национальной безопасности России в условиях глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винокуров В. В.* Дипломатия и разведка как средство осуществления внешней политики государства: общее и особенное : монография. – М. : Панорама, 2013. – 300 с.
2. *Гронская Н. Э.* Нестабильность языковой ситуации как угроза государственной безопасности // Вестник Академии военных наук. – 2005. – № 1 (10). – С. 81–86.
3. *Дроздов Ю. И.* Записки начальника нелегальной разведки. – М. : ОЛМА-Пресс, 2000. – 416 с.
4. *Ивашов Л. Г.* Россия или Московия. – М. : ЭКСМО, 2002 – 416 с.
5. *Карякин В. В.* Геополитика третьей волны: трансформация мира в эпоху постмодерна. – М. : Граница, 2013. – 432 с.
6. *Лепский В. Е.* Рефлексивный анализ технологий «управляемого хаоса» как оружия разрушения субъектности развития // Журнальный клуб Интелпрос «Рефлексивные процессы и управление». – 2010. – № 1–2. – С. 23–34.
7. Модельный закон «О языках». Принят на XXIV пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ / Постановление № 24-6 от 4 дек. 2004 г. – URL : <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=7850>
8. *Окунев И. Ю.* Внешняя политика для большинства? Новое измерение геополитического кода России // Россия в глобальной политике. – 2013. – Т. 11 – № 2. – С. 40–48.
9. *Падрайг О. Р., Джордж Л.* Билингвальное образование: основные стратегические задачи. – Страсбург : Совет Европы, 2001. – 46 с.

10. Пригожин И. Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–57.
11. Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: МГУУ, 2001. – 276 с.
12. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета, 24.01.2012. – URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
13. Солженицын А. И. Интервью // Московские новости. – 2006. – № 15.
14. Социологическая энциклопедия: в 2 т. – Т. 1. Национальный общественно-научный фонд / гл. ред. В. Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003. – 694 с.
15. Федеральный Закон РФ «О безопасности», от 28.12.2010 № 390-ФЗ. – URL: <http://base.garant.ru/12181538/>
16. Халеева И. И. Лингвистическая безопасность России // Вестник РАН. – 2006. – Т. 76. – № 2. – С. 104–111.
17. Шарп Д. От диктатуры к демократии / Центр гуманитарных технологий, The Albert Einstein Institution, 1993. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3200>

УДК 378

Г. Б. Воронина

кандидат филологических наук, профессор,
профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка МГЛУ;
e-mail: galinavoronina@yahoo.com

**О РЕАЛИЗАЦИИ НАУЧНОГО ПРОЕКТА
«МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ
ПАРАМЕТРОВ КОММУНИКАЦИИ»**

В статье представлены основные результаты научного проекта, целью которого было исследование значимых параметров межконфессиональной коммуникации и разработка на их основе концепции магистерской программы по духовно-нравственному образованию на цивилизационном пространстве СНГ.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; межконфессиональная коммуникация; духовно-нравственное образование; параметры межконфессиональной коммуникации; нравственно-конфессиональный параметр; историко-культурный параметр; этнопсихологический параметр; жанрово-стилистический параметр; концептуальные основания магистерских программ.

Voronina G. B.

Ph. D. (Philology), Professor, Department of German Lexicology
and Stylistics, MSLU; e-mail: galinavoronina@yahoo.com

**ON CARRYING OUT THE RESEARCH PROJECT
«METHODS OF INVESTIGATING CROSS-CONFESSIONAL PARAMETERS
FOR COMMUNICATION»**

The article presents the principal results of carrying out a research project whose main goal was to investigate valid cross-confessional communication parameters to underlie the concept in Master's degree programme for moral education within the CIS civilization area.

Key words: cross-cultural communication; cross-confessional communication; moral education; cross-confessional communication parameters; moral-confessional parameter; historico-cultural parameter; ethno-psychological parameter; genre-stylistic parameter; conceptual foundations of Master's degree programmes.

Распад СССР, утрата приобретенных усилиями многих поколений национальных традиций нанесли ощутимый удар по сложившейся в России системе ценностей. Наступление глобальной культуры не

могло не привести к усилению роли этнических механизмов социальной регуляции на постсоветском пространстве, к возрастанию интереса к проблеме культурной идентичности и духовно-нравственного оздоровления общества. Эти вопросы стали главной темой общественного дискурса России в последнее время. Решающее значение в определении стратегии и ценностной основы развития российского общества имело выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на итоговой пленарной сессии дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. Президент обратил внимание на то, что экономический рост, благосостояние страны и ее геополитическое влияние являются производными «от состояния самого общества, от того, насколько граждане той или иной страны чувствуют себя единым народом, насколько они укоренены в этой своей истории, в ценностях и в традициях, объединяют ли их общие цели и ответственность» [2]. Поэтому «вопрос обретения и укрепления национальной идентичности действительно носит для России фундаментальный характер» [2]. Большое значение в решении поставленных задач имеет система образования, а также русская культура и литература: «Они должны быть фундаментом для самоопределения граждан, источником самобытности и основы для понимания национальной идеи. Здесь очень много зависит от учительского, преподавательского сообщества, которое было и остается важнейшим хранителем общенациональных ценностей, идей и установок. Это сообщество говорит на одном языке – языке науки, знания, воспитания... и это сообщество... в широком смысле слова, скрепляет страну» [2].

Московский государственный лингвистический университет вносит значительный вклад как в духовно-нравственное образование на постсоветском пространстве, так и в укрепление международного сотрудничества стран – членов СНГ в области духовного образования. Достаточно только назвать действующие на базе МГЛУ межвузовский Совет СНГ по духовному образованию, а также Международный сетевой институт духовного образования государств – участников СНГ [3].

Сегодня, как отмечено в выступлении ректора МГЛУ И. И. Халевой на VIII Международном форуме «Диалог языков и культур СНГ в XXI веке», «традиционные модели светского и духовного образования не поспевают за требованиями времени. На повестке дня стоит вопрос поиска и разработки инновационных моделей подготовки

специалистов... Понятие «инновационные модели» применительно к сфере духовного образования – целенаправленное преобразование содержания воспитания и обучения в образовательном процессе в интересах подготовки высокопрофессиональных специалистов»¹. Большая роль в решении этих задач отводится вузовской науке. Научный проект № 6.4505.2011 «Методология исследования межконфессиональных параметров коммуникации», выполненный в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации в 2012 и в 2013 гг. призван решить эту важную задачу. В состав разработчиков входят как специалисты в области лингвистики и межкультурной коммуникации МГЛУ (Ю. М. Казанцева, Н. А. Гончарова, Г. Б. Воронина), так и в области теологии и межконфессиональной коммуникации (Д. В. Лобов, Е. А. Ставицкая, Е. Н. Полежаева). Научным руководителем проекта является ректор МГЛУ, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор И. И. Халеева.

Цель проекта – выявление и исследование значимых межконфессиональных параметров коммуникации и разработка на их основе концепции магистерской программы по духовно-нравственному образованию на цивилизационном пространстве СНГ.

Объектом исследования является межконфессиональная коммуникация и ее параметры. В центре внимания находится взаимодействие религиозных и геополитических факторов в коммуникации, этноконфессиональная идентичность и интеграционные процессы в глобализирующемся мире, лингвистические аспекты межкультурной и межконфессиональной коммуникации.

В основе методологии исследования лежит междисциплинарная парадигма, интегрирующая исследования в области истории, культуры, теологии, психологии, социологии, лингвистики, теории информации и ряда других коммуникативно ориентированных отраслей знания.

Вышеизложенное позволяет говорить об актуальности исследования, отвечающего потребностям общества на современном этапе.

Далее в основных чертах будут представлены межконфессиональные параметры коммуникации.

¹Халеева И. И. Сотрудничество в области духовного образования: Доклад на VIII Международном форуме «Диалог языков и культур СНГ в XXI веке». Минск, 2012 г.

Нравственно-конфессиональный параметр

Как известно, формирование базовых ценностей в истории конкретных культур происходило в тесной связи с уяснением и осмыслением народами религиозно-нравственных моделей. Важно отметить, что в данном случае разработчики проекта не имеют в виду так называемую клерикализации образования. Речь идет о роли мировых религий в истории становления народов, их государств, самобытной культуры и научного знания, о базовых ценностях культурной идентичности и о необходимости ввести этот гигантский пласт человеческого знания в содержание светского образования.

К сожалению, на протяжении длительного времени этот аспект процесса осуществления нравственных ценностей в культуре и науке игнорировался отечественной школой вследствие атеистического характера всей системы образования. Современное светское образование испытывает потребность включения религиозной этики как предмета исследования и преподавания, ибо в ином случае представления о «жизненном мире» человека в его уникальности и самобытности будут неполными и неглубокими. Знание «языка» религиозной морали той или иной культуры есть необходимая составляющая межкультурной, межэтнической и межрелигиозной коммуникации.

Историко-культурный параметр

При изучении истории разработчики проекта считают целесообразным опираться на цивилизационный подход, а не на формационный, в основе которого лежит развитие материального производства. Культурное самосознание выражается в осознании принадлежности к общему культурному кругу. Самобытные, этнически ориентированные культуры группируются в макроциклы, которые принято называть цивилизациями: европейская, русская, христианская, исламская, восточная, западная и т. д. Для цивилизационного подхода важен человек как носитель духовного мира, его личность и его права.

В этом контексте общество понимается как социокультурная система и человек предстает в системе социальных связей. Историко-культурный параметр включает в себя представления о человеке в различных культурах и системах ценностей, включая религиозные, взаимодействие цивилизаций и т. д. Исторически

культура каждого народа (в том числе и ее более поздние светские формы) восходит к древнейшим религиозно-мифологическим актам и верованиям, не говоря уже о таких культурных моделях, как христианский и исламский мир.

Исходя из духовного характера русской цивилизации, становится понятным и очевидным, почему развитие духовно-нравственного образования сегодня является приоритетом, в том числе и на государственном уровне. Именно образование призвано стать проводником духовно-нравственного мировоззрения. Научный проект «Методология исследования межконфессиональных параметров коммуникации» может восполнить и этот пробел.

Этнопсихологический параметр

В соответствии с данным параметром изучаются характерологические особенности общности людей, объединенных на геополитическом, этническом, языковом, культурном, конфессиональном основании, а также осознающих общность своего происхождения и исторического существования как носителей духовно-нравственных и культурных ценностей.

Взаимодействие человека с культурным и социальным окружением обуславливает формирование чувства самоидентификации. Формирование чувства самоидентификации непосредственно связано с процессом формирования самосознания.

По мнению разработчиков проекта, сложность современных этнополитических проблем подкрепляет актуальность изучения формирования этнического самосознания и его влияния на процесс межкультурной и межконфессиональной коммуникации.

Жанрово-стилистический параметр

В соответствии с данным параметром изучаются вопросы интертекстуальности и прецедентности дискурса как информационного пространства социума, сформировавшегося под влиянием ранее перечисленных параметров и представленного в совокупности текстов различных жанров, обращенных к данной проблематике, а также в текстах, которые в осознаваемой или неосознаваемой форме вошли в менталитет народа. Возвращаясь к выступлению президента В. В. Путина [2], особое место в рамках данного параметра должно быть отведено литературе как сфере национального сознания,

сохраняющей связь поколений и передающей от поколения к поколению значимые национальные ценности. Универсальные свойства различных конфессий находят свое выражение в литературе через повторяемость образов, сюжетов, мотивов. При изучении литературного произведения мы сталкиваемся с особым типом межкультурной и межконфессиональной коммуникации: это не прямая передача одним лицом другому лицу или ряду лиц информации о культуре и религии другого народа, а опосредованная – через образную систему литературного произведения. Такой путь является, возможно, более эффективным, чем прямые контакты отдельных представителей разных национальных культур и религий.

Таким образом, главным результатом исследования явились выявленные межконфессиональные параметры коммуникации, позволяющие разрабатывать сопряженные образовательные программы магистерского уровня для вузов стран – членов СНГ. Исполнители научного проекта разработали концепцию магистерской программы «Межкультурная и межконфессиональная коммуникация» для государств – членов СНГ (подробнее о концепции см. [1]). Программа представляет собой взаимосвязанные образовательные траектории, базирующиеся на сочетании фундаментального и специального знания, обязательных и вариативных модулей, включая профили специализации, ориентирующиеся на образовательные потребности личности и общества.

Областью применения результатов проведенного исследования является прежде всего образование, внедрение концепции магистерской программы по духовно-нравственному образованию на цивилизационном пространстве СНГ в учебный процесс, использование параметров межконфессиональной коммуникации для разработки образовательных программ по духовно-нравственному образованию разного уровня. Исследование может служить основанием для дальнейшей разработки конкретных элементов религиозной этики и аксиологии в области теологии, философии, культурологии, религиоведения.

Представленный научный проект позволяет:

– повысить уровень образования в высших учебных заведениях, реализующих магистерские программы по духовно-нравственному образованию;

– выстроить системную и комплексную образовательную программу духовно-нравственного образования на цивилизационном пространстве стран – членов СНГ, в которой органично интегрированы и согласованы все виды магистерского уровня;

– оказать поддержку образовательным учреждениям, предоставляющим качественные услуги непрерывного профессионального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гончарова Н. А., Казанцева Ю. М.* Межконфессиональная коммуникация: новая образовательная область? // Тр. Междунар. ин-та языков государств – участников СНГ и Института регионоведения Консорциума гуманитарных университетов государств – членов ШОС. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 129–137. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 23 (683). Сер. Языкознание).
2. *Путин В. В.* Речь Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kremlin.ru/
3. *Халеева И. И.* Духовное образование: переход на качественно более высокий уровень сотрудничества // Украина и исламский мир. – Киевский муфтият. – 2012. – № 6. – С. 4–5.

УДК 327.7

А. Ю. Галушко

аспирант кафедры теории и истории
международных отношений ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: 7796079@gmail.com

СВЯТАЯ ГОРА АФОН КАК ЭЛЕМЕНТ БАЛКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается значение Святой горы Афон как территории влияния в международной политике в период распада Османской империи и формирования на ее территории независимых государств. Анализируются тенденции развития межцерковных взаимоотношений на горе Афон, их влияние на внешнеполитическую деятельность Российской империи. Уделяется внимание противоречивой оценке афонского фактора в российских политических и церковных кругах.

Ключевые слова: Афон; международная политика; «Восточный вопрос».

Galushko A. J.

Graduate student of the Department of Theory and History of International Relations / The Institute of International Relations and Social-political Studies
MSLU

MOUNT ATHOS – AN IMPORTANT ELEMENT OF THE BALKAN DIPLOMACY IN LATE XIX – EARLY XX CENTURY

The article evaluates the importance of Mount Athos as an area of influence in international politics in the time of the formation of independent states on the territory of the Ottoman. The author analyzes the development trends of interchurch relations on the Mount, their influence on the foreign policy of the Russian Empire, allies and enemies.

The author pays attention to the controversial assessment of Athos factor in Russian political and ecclesiastical circles.

Key words: Athos; international politics; “Eastern Question”.

В 2016 г. исполнится 1000 лет русскому монашеству на Афоне. Именно с Афона преподобный Антоний Печерский принес на Русь, в Киево-Печерский монастырь (ныне – Лавра), понятие «монашество». Появившись на Святой горе во времена правления на Руси князя Владимира, русское присутствие целиком и полностью было связано и даже зависимо от укрепления или ослабления как духовных,

так и церковно-политических и церковно-дипломатических связей с Россией и Русской православной церковью.

Вторая половина XIX в. в этом отношении особенно показательна. Она характеризуется в международной политике столкновением интересов Англии, Франции, Австро-Венгрии, с одной стороны, и России – с другой, в борьбе за преобладание на территории распадающейся Османской империи. «Восточный вопрос», по сути, сводился к контролю над проливами Босфор и Дарданеллы и стоящим в устье Босфора Константинополем. Попытки решить «восточный вопрос» Русско-турецкими войнами не изменили геостратегического положения держав в регионе. Однако национально-освободительные движения в восточных виайлетах обозначили совершенно новый вызов для российской дипломатии. Общность веры с народами и государствами, населяющими регион (греки, болгары, румыны, сербы), не сформировала ожидаемого доминирующего положения Российской империи. Просвещенная общественность этих народов все более скептически относилась к некогда защитнице христианского мира, склоняясь при этом к позиции защиты собственных национальных интересов. Церковный фактор, который мог бы стать объединяющим началом и служить опорой дипломатического диалога, все чаще становился в тот период одной из антагонистических причин. Святая гора Афон в этот период представляла собой «зеркало» межэтнических, религиозных и национальных противоречий, которые коренным образом повлияли на общую расстановку сил в Балканском регионе.

Рубеж XIX–XX вв. стал временем расцвета русской монашеской жизни на Афоне. Однако расцвет этот происходил исключительно благодаря неиссякаемому потоку монашествующих из России. Процесс не контролировался правительством Российской империи. Более того, пожертвования на Святую гору и постриг там не нашли поддержки у влиятельных представителей Русской церкви.

Так, митрополит Филарет (Дроздов) высказался по этому поводу: «О поддержании афонских монастырей забота едва ли нужна, и не обещает пользы. Сии монастыри много выносят из России денег по средствам сборщиков <...> то, что русские идут на Афон <...> не заслуживает поощрения» [11, с. 413]. В то же время, вот что писал церковно-общественный деятель, богослов, секретарь Императорского православного палестинского общества А. А. Дмитриевский

в своем труде «Очерк жизни и деятельности игумена русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария»: «Бесприютные, гонимые и презираемые на Афоне русские святогорские иноки до последнего времени были <...> “блудными сынами” для своего отечества. Русское правительство, духовное и светское, смотрело на выходцев из России, удалявшихся на Св. гору ради подвигов благочестия, как на своевольников и дезертиров» [5, с. 369].

При этом тональность высказываний и мнений российской высшей политической и церковной элиты в значительной степени варьируется на рубеже веков. Другой секретарь Императорского православного палестинского общества В. Н. Хитрово в 1884 г. так отзывался о русском монастыре на Святой горе: «Пантелеимоновский монастырь – это единственный русский клин, вбитый на Востоке, о подобном которому в Иерусалиме можно было только мечтать» [3, с. 259].

Русский посол в Турции А. И. Нелидов в своем письме в 1890 г. указывал на то, что «невозможно взвесить, как велика нравственная польза <...> почитания и насколько Афон полезен и нужен нам с государственной точки зрения» [4, с. 52].

Такая поляриность мнений не оставляет сомнений в том, что российская элита вплоть до Первой мировой войны не могла определиться с важностью и необходимостью активного использования фактора многотысячного русского присутствия на Святой горе как фундамента для возможного решения «восточного вопроса» в пользу России. Более того, фактор единства веры с восточными христианами часто рассматривался российской дипломатией без должной оценки возможного влияния.

О российской церковно-дипломатической политике того времени давал впоследствии нелестную характеристику начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Киприан (Керн): «В восточных патриархатах наша дипломатия научилась видеть простые пешки на шахматной доске, и самое наше церковное дело на Востоке стало нами откровенно мыслиться как одна из сфер влияния нашей политики. Наши дипломаты позволяли себе даже резко и решительно делать патриархам замечания и читать нотации для искоренения некоторых недочетов и злоупотреблений в церковной жизни <...> поведение нашего Синода бывало необъяснимым: почему-то иногда мы не отвечали на приветственные грамоты и обращения

восточных иерархов. В решениях и мнениях митрополита Филарета так часто звучат нотки его высокомерия, то нескрываемого вежливо-го снисхождения к нерусскому аспекту православия» [14, с. 391].

Тем временем этот период международных отношений также характеризуется как этап самоидентификации освобожденных народов Османской империи. И вот тут, казалось бы, общежительный тип проживания представителей Восточных церквей на Афоне, их декларируемая приверженность словам апостола Павла, говорившего, что во Христе «нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни не обрезания, варвара, скифа, раба, свободного» [1, с. 1516] мог стать побудительным мотивом для начала реальной интеграции южно-славянских народов. Однако сложные межнациональные проблемы и противоречия, часто и к сожалению основанные на разном понимании роли Вселенской церкви, и не в последнюю роль различные точки зрения России и западных держав на дальнейшую судьбу стремящихся к независимости от Порты православных народов не позволяли прийти к консенсусу даже единоверцев, последователей восточно-церковной традиции, проживающих на Афоне.

Определенным образом все конфликты приверженцев православия так или иначе отражались на Святой горе. Практически все противоречия требовали при этом непосредственного внимания и участия России, будь то по дипломатическим каналам или через Священный синод.

Греко-болгарский церковный вопрос (или болгарская схизма), ставший на повестке дня в 1860-х гг., выявил не просто противоречия между греками и болгарами, но и ввел в оборот совершенно новое понятие – этнофилетизма, т. е. попытку нации обосновать свою церковную независимость национальными интересами. Надо сказать, что именно это понятие, быть может, стало причиной многочисленных распрей как на Афоне, так и вне его, формируя горячие точки в международных отношениях вплоть до начала XXI в.

Болгарская схизма на Святой горе не стала предметом противостояния на Афоне между греками и болгарами благодаря тому, что монахи болгарского монастыря Зограф отказались поддержать независимость Болгарской церкви от Константинопольского патриархата. Но обращает на себя внимание реакция греческих иерархов, которые занимали ведущие позиции в Константинопольском патриархате. Осуждая болгар за стремление к независимости Церкви, определенная

часть греческих иерархов ставила себя в положение национального превосходства перед другими народами, исповедовавшими православие. Интересно мнение Ф. М. Достоевского, который полагал, что «...греко-болгарская церковная распря, под видом церковной, была, конечно, лишь национальной, а для будущего как бы неким пророчеством. Вселенский Патриарх, порицая послушание болгар и отлучая их и самовольно выбранного ими экзарха от Церкви, выставял на вид, что в деле веры нельзя жертвовать уставами Церкви и послушанием церковным “новому и пагубному принципу национальности”». Между тем сам же он, будучи греком и произнося это отлучение болгарам, без сомнения, служил тому же самому принципу национальности, но только в пользу греков против славян» [6, с. 84].

В чем же выражалось стремление греков к господству или к своего рода эллинизму на отдельно взятой территории, Святой горе?

Эту тему рассмотрел в своей записке сотрудник русского посольства в Константинополе дипломат, востоковед, генерал-майор А. Е. Влангали в 1884 г. «Под общим именем “греков”, – писал автор, – можно разуметь афинское правительство, население королевства, жителей Турции греческого происхождения, патриарха и духовенство и, наконец, греческих иноков на Афоне. Отношение русской стороны к каждому из этих элементов различно. Турецкое население и население королевства по-прежнему расположены к России, хотя последнее все больше склоняется к Западу. Что же касается патриархата и главных духовных начальников православной Церкви, то о наших с ними отношениях я неоднократно имел случай высказываться самым определенным образом. На нас лежит обязанность ограждать, по мере возможности, права и независимость Восточной церкви. Но между интересами этой Церкви и национальными интересами афинских греков» не только возможно, но и необходимо провести “строгую демаркационную черту”, так как Вселенский патриархат нисколько не призван служить оплотом эллинизма» [2, с. 51]. Еще более емкая формулировка дипломата из этого же письма указывает на то, что «афинские политики стремятся к эллинизации всех негреческих элементов; этот эллинизм крайне враждебен и ко всему славянству, и к России. <...> Многие члены здешнего высшего духовенства и греческого общества, к сожалению, заражены идеями эллинизма и более слушаются внушений афинской политики <...> в этом нет сомнения, и против этих-то людей нам и следует

боротся, охраняя поддерживаемую ими независимость Вселенской церкви» [2, с. 59].

Мнение А. Е. Влангали подтверждалось фактами русско-греческих отношений, которые при всей полноте духовных связей порой носили на Афоне и характер откровенной вражды.

Многочисленные изгнания русских монахов из келий и ски-тов, погромы и нападения имели массовый характер в конце XIX – начале XX в.

Влияние на греческих монахов Афинского правительства, очевидно остерегавшегося установления влияния России на Афоне, приводило к совершенно не соответствующим духу православно-го братства событиям в истории Святой горы. Вот что пишет, не один раз участвовавший в посещении Афона по указанию Синода, известный историк, профессор церковного права Московской духовной академии С. В. Троицкий о событиях уже Первой мировой войны: «Столь же дружно действовали греки и болгары в переполнившем чашу терпения союзников гнусном деле снабжения припасами германских подводных лодок. Особенно видное участие здесь приняли болгарский монастырь Зограф и греческий Ватопед. Оба монастыря имеют свои удобные пристани (арсаны), и оба в течение веков пользовались русскими милостями. Кроме того, в Ватопедском монастыре была обнаружена система сигнализации, служащая маяком для немецких подводных лодок, проложенная инженером-немцем за несколько лет до этого. Там же находилась электростанция и база для снабжения подводных лодок. Всего на Афоне было изъято 500 ружей, 130 тыс. боевых патронов, револьверы, динамит, пулеметные ленты.

Глава Протата (Кинот – орган самоуправления Святой горы), известный своей ненавистью к русским, заявлял, что “он и все греки до последней капли крови будут защищать Афон от пришельцев русских” и что “предпочитают турок, даже немцев – русским”» [13, с. 167].

Многочисленные факты сложной истории русско-греческих конфликтов на Святой горе являлись не столько следствием духовных причин, сколько следствием того самого этнофилетизма, подкрепленного национализмом и поддержанного геополитическими противниками Российской империи. Однако факты эти должны быть освещены для осознания важности Святой горы как форпоста всего

Восточного православия, завязанного на государственности многих народов Балкан и Средиземноморья.

Констатируя непоследовательность позиций и действий в отношении Святой горы, можно предположить, что Россия стремилась передать Афону статус наднациональной независимой монашеской республики. Принятый в 1878 г. Берлинский трактат закрепил в статье 62 права монахов Афона следующей формулировкой: «Иноки Афонской горы, из какой бы они ни были страны, сохраняют свои имущества и будут пользоваться без всяких исключений полным равенством прав и преимуществ» [9, с. 74].

Но начало XX в. вновь превратило Афон в арену дипломатического противостояния многих держав. Отличительной особенностью этого противостояния стало участие самих монахов греческого и негреческого происхождения в пропаганде и обсуждении будущего международного статуса Афона. Ситуацию фактически предсказал известный русский дипломат, публицист и философ К. Н. Леонтьев в своей статье «Панславизм на Афоне», опубликованной в 1873 г. Говоря об истоках межнациональных противоречий на Святой горе, автор указывает на то, что «в это глухое и тихое убежище чистого православия пытается проникнуть национальный фанатизм эллинской политики» [8, с. 63].

В 1912 г. Греция фактически объявила Афон своей территорией. Это заставило Россию в 1913 г. поднять вопрос о статусе Афона на Лондонской мирной конференции. Там же Россия представила свой проект, согласно которому Афон должен быть независимой монашеской республикой под общим протекторатом или кондоминиумом государств, в которых большинство населения принадлежит к православной церкви. Проект вызвал ожесточенную реакцию греческих монастырей, подготовивших многочисленные обращения к западным державам. Суть обращений в целом формулировалась с антироссийских позиций и сводилась к невозможности решать судьбу Афона светскими властями. Греческая дипломатия в тот момент тоже решала важные задачи. Бухарестский мирный договор, подписанный в 1913 г. по итогам Балканской войны, и вовсе разжевал границы Греции и Болгарии таким образом, что территория Святой горы перешла во владение Греции.

С этого момента можно говорить о том, что Афон перестает быть наднациональным образованием, а становится территорией

независимой Греции. В 1924 г. в Греции принимается новый «Устав Святой горы», который подписывают все монастыри Афона, кроме русского Пантелеимонова монастыря. А уже в 1926 г. правительство Греции закрепляет успех и принимает «Новое положение об Афоне», в котором первая же статья «А» гласит: «Полуостров Афонский от горы Мегала Вигла (на границе с материком) до оконечности является самоуправляемой частью Греческого государства под духовным управлением Вселенского патриарха. Все монашествующие на Афоне являются отныне греческими подданными, а также все вновь поступающие послушники становятся таковыми без дополнительных каких-либо прошений» [13, с. 174].

Дальнейшие шаги по фактически элинизации Святой горы не оставляли сомнений: греки сделают все возможное, что бы не допустить доминирования русских на Афоне.

Историк С. В. Троицкий в своей статье «Афон и международное право», написанной по просьбе уже священноначалия Русской православной церкви в 1947 г., так писал об этом времени: «Казалось бы, что после Первой мировой войны негреческое население Афона получило на почве международного права более действенную защиту, чем оно имело до войны, но на самом деле оно получило лишь право на такую защиту, которым оно могло воспользоваться лишь в очень малом объеме. Пока Афон входил в состав Турции, великие державы имели два мотива для вмешательства в афонские дела – защиту христианского населения от мусульманской власти и защиту своих подданных от иностранной власти. Но лишь только Афон перешел под власть христианского государства – Греции, первый мотив потерял свое значение сам по себе, а второй – на основании греческих законов, так как не только новый, изданный в 1926 г. Устав Афона, но и самая Конституция Греции (ст. 109) говорят, что на Афоне могут жить только греческие подданные. Еще большее значение здесь имело отделение Церкви от государства и вообще новое направление иностранной политики Советской России, склонной игнорировать религиозные интересы своих граждан. В этом отношении интересна большая статья об Афоне, помещенная в греческом Энциклопедическом Лексиконе. В ней подробно говорится о русских мероприятиях, предпринятых с целью русификации Афона, особенно после основания в 1884 г. «панславистского» Палестинского общества, которое будто бы стремилось к увеличению численности русских монахов

на Афоне «на мириады» и к полному захвату «святого полуострова». Против этих русских планов боролась Вселенская патриархия и турецкое правительство, которое, в конце концов, уразумело, насколько неудобно было бы для него превращение этого священного места в колоссальную русскую крепость – и это при воротах Дарданелл. Но, с торжеством заявляет статья, Балканские войны и, главным образом, последний великий коренной переворот в России окончательно отклонили опасность обрусения Афона [12, с. 145].

Монашеская республика, как называют Афон, представляет интерес для исследователей не только теологии. Присутствие на Святой горе всегда было, есть и будет механизмом внешнеполитического влияния государств, задействованных в решении восточного вопроса. Фактор защиты православного населения Балкан от турецкого геноцида, а в более «приземленном», геополитическом виде – фактор беспрепятственного выхода России к Средиземному морю на рубеже XIX–XX вв., стал движущим механизмом целого направления международной дипломатии. Несмотря на, казалось бы, глубокое понимание важности церковной, в том числе, дипломатии (а министр иностранных дел Российской империи Александр Горчаков, в частности, докладывал императору Александру II, о том, что «нам необходима представительность на Востоке, разумеется, не политическая, а церковная» [10, с. 101]), российская дипломатия в этом вопросе была часто непоследовательна. Не сформировав четкую позицию в отношении русского присутствия на Святой горе, она не могла оказывать существенного влияния на процессы становления национальных балканских государств.

Расширение же влияния на Святые места Востока и Балкан – задача, решение которой позволило бы государству не только поддерживать свою этнокультурную идентичность, но и дало бы возможность сформировать условия для защиты национальных интересов (включая экономические) в меняющейся международной системе координат.

Русский писатель и философ Ф. М. Достоевский справедливо отмечал, что «идея восточного вопроса сводится не только к разрешению проблемы, кому, т. е. какой державе, обладать проливами и территориями Балканского полуострова, но восточный вопрос – это еще и разрешение судьбы восточного христианства. Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб Православия. Судьбы Православия слиты с назначением России» [7, с. 362]. Афон,

безусловно, в данном контексте по исторической значимости представлен в одной категории влияния с Иерусалимом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия // Послание к колоссянам. – М.: Никея, 2013. – 1600 с.
2. *Герд Л. А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898): автореф. ... дис. д-ра истор. наук. – СПб.: ИИ РАН, 2006. – 59 с.
3. *Герд Л. А.* Русский Афон в 1880–1890 гг. в церковно-политическом отношении // Материалы международной научно-богословской конференции «Россия–Афон: тысячелетие духовного единства» / под ред. И. С. Чичурова. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. – 259 с.
4. *Герд Л. А.* Русский Афон. 1878–1914. Очерки церковно-политической истории. – М.: Индрик, 2010. – 52 с.
5. *Дмитриевский А. А.* Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена русского Пантелеимоновского монастыря священно-архимандрита Макария (Сушкина). – М.: Даръ; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2011. – 369 с.
6. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя: в 2 т. – Т. 2. – М.: Книжный клуб 36.6, 2011. – 752 с.
7. *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: в 15 т. – Т. 14. – СПб.: Наука, 1995. – 362 с.
8. *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство. – М.: Типо-Литография И. Н. Кушнарева, 1996. – 63 с.
9. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова. – М.: Политическая литература, 1952. – 463 с.
10. *Смирнова И. Ю.* Церковно-дипломатические отношения России и Иерусалимского патриархата в первое десятилетие после Крымской войны // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2009. – № 4 (142). – Вып. 29. – С. 101–109.
11. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. – СПб.: Синодальная типография, 1886. – 413 с.
12. *Троицкий С. В.* Афон и международное право // Богословские труды. – М.: Индрик, 1997. – № 33. – С. 138–154.
13. *Троицкий П.* История русских обитателей Афона в XIX–XX веках. – М.: Индрик, 2009. – 271 с.
14. *Якушев М. И.* Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века. – М.: Индрик, 2013. – 391 с.

УДК 323(470.26)

И. В. Гривастова

аспирант кафедры политологии ИМО и СПН МГЛУ;

e-mail: grivastova@mail.ru

**КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК СУБЪЕКТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(ретроспективный анализ)**

В статье дается историческая ретроспектива становления Калининградской области и описываются основные этапы формирования ее региональной идентичности как субъекта Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что для достижения основных стратегических целей: повышение качества и уровня жизни, обеспечение конкурентоспособности в макрорегионе, проведение эффективной внутренней политики – необходимо учитывать особенности данной области.

Ключевые слова: Калининградская область; Российская Федерация; история; политика; население.

Grivastova I. V.

Post-graduate Student of the Department of Political Studies,

Institute of International Relations and Social-Political Studies MSLU

**KALININGRAD REGION AS A SUBJECT
OF THE RUSSIAN FEDERATION
(retrospective analysis)**

This article analyzes the historical retrospection, the emergence of the Kaliningrad region, as well as the main stages of its regional identity as a subject of the Russian Federation. The author concludes that in order to achieve the main strategic objectives: to improve the quality and standard of living, to ensure a high level of competitiveness of the Kaliningrad region, as well as to conduct effective foreign policy the peculiarities of the region must be taken into account.

Key words: Kaliningrad region; the Russian Federation; history; policy; population.

Калининградская область – уникальный регион Российской Федерации, входящий в ее Северо-Западный федеральный округ. Это – самая западная и самая маленькая область России.

Но не только в этом ее особенность. Территория области не имеет связи по суше с остальной частью страны. Это российский эксклав в зарубежной Европе, становящийся анклавом внутри Евросоюза и НАТО. Область окружена территориями Польши с юга и Литвы

с севера и востока. С запада Калининградскую область омывает Балтийское море. Попасть на территорию области, если не считать морского пути, можно только через территории иностранных государств. То же правило действует и для жителей Калининградской области. Пассажиры поездов, направляющихся в Калининград из России и обратно, вынуждены получать транзитную литовскую визу. Однако перелет из российских городов в Калининград считается внутренним рейсом [7].

Не только географическое положение, но и история Калининградской области весьма своеобразна.

Начиная с V в. на территории нынешней Калининградской области жили племена пруссов, народа, родственного нынешним литовцам и латышам. К XI в. пруссы проживали общинами, занимались земледелием, охотой, рыболовством и речной прибрежной торговлей. Исповедовали язычество.

После принятия Польшей христианства в 966 г., предпринимались активные попытки христианизировать пруссов. В 1206 г. римский папа Иннокентий III издает буллу о христианизации пруссов. В 1217 г. римским папой Гонорием III объявляется поход против прусских язычников. Это событие стало частью кампании в Восточной Пруссии, известной как Крестовый поход в Пруссию, к которому в 1226 г. присоединился Тевтонский орден [7]. В 1230 г. папа римский дает право Тевтонскому ордену крестить пруссов. Немецкие крестоносцы, имевшие интересы в Восточной Европе, приступили к колонизации новых территорий, на которых в скором времени сложилось государство Тевтонского ордена. Колонизация не проходила мирно. Покорение прусских племен длилось 53 г. За это время было уничтожено около 80 тыс. пруссов; примерно 10 тыс. человек бежало в Польшу, около 5 тыс. – в Литву. Массовая эмиграция продолжалась и после утверждения Тевтонского ордена на Прусских землях [7].

Прусская культура и прусский язык постепенно утрачивали свое значение. Новые феодальные отношения вытесняли традиционный уклад прусского общества. Немецкий язык стал языком торговли и дипломатии. Большинство пруссов постепенно ассимилировались, смешиваясь с массой немецких колонистов.

Государство Тевтонского ордена вело постоянные войны с Польшей и Литвой, расширяя свое влияние в прибалтийском регионе. После принятия Литвой христианства исчерпались правовые

основы нахождения Тевтонского ордена в землях Пруссии, поток крестоносцев и финансирование из Германии начало постепенно иссякать. После поражения при Танненберге (Грюнвальдская битва) в 1410 г. и последовавшей за ним Тринадцатилетней войны, государство Тевтонского ордена утратило значительную часть своих территорий и находилось в тяжелом экономическом положении.

В 1525 г. по приказу великого магистра Альбрехта Тевтонский орден прошел секуляризацию, а государство крестоносцев было преобразовано в светское герцогство Пруссия. Последний великий магистр Тевтонского ордена герцог Альбрехт стал первым герцогом Пруссии. Государственной религией нового прусского государства стал протестантизм лютеранского толка. Таким образом, Пруссия стала первым государством в мире, признавшим протестантизм своей государственной религией. 18 января 1701 г. было провозглашено Королевство Пруссия.

В ходе Семилетней войны, между 1758 и 1762 гг., Восточная Пруссия входила в состав Российской Империи. В немецкой историографии этот период получил название «первое русское время».

В 1758 г. грозная крепость Кенигсберг (ныне Калининград) капитулировала перед русскими войсками. Жители города присягнули на верность императрице Елизавете Петровне. Пруссия, по замыслу русского правительства, должна была стать русской провинцией. В крупные города назначались русские наместники. Война ушла из Пруссии, и Россия уже начала постепенно осваивать новую провинцию: российские чиновники собирали налоги, восстанавливали разрушенное хозяйство, занимались гражданским и военным строительством; в прусских городах появилось большое количество русских жителей. «И быть бы Кенигсбергу простым губернским городом с традиционными торговыми рядами, ампирическим зданием присутственных мест и множеством православных соборов, но в 1761 г. русский престол переходит к Петру III, большому поклоннику всего немецкого» [6, с. 8–9]. Он провозглашает курс на дружбу с Пруссией. В апреле 1762 г. он дает распоряжение о возвращении германскому королю Фридриху II всех занятых русскими войсками территорий. После разделов Польши в XVIII в. Пруссия получила часть польских территорий. С этого времени эта территория, на которой сейчас находится Калининградская область, стала именоваться Восточной Пруссией [7].

Вторично русские войска вошли, спустя без малого два века. В 1945 г. кенигсбергский комендант подписал акт о капитуляции перед Советским Союзом [6]. По решению Берлинской (Потсдамской) конференции трех держав (СССР, США и Великобритании) 1945 г. и Московской сессии министров иностранных дел четырех держав (СССР, США, Великобритании и Франции) 1947 г., подтвердивших ликвидацию бывшего Прусского государства, две трети земель Восточной Пруссии (Алленштейнский округ) были переданы Польше, а одна треть – Кенигсбергский и Гумбинненский округа – вошли в состав СССР [5]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1946 г. была образована Кенигсбергская область, которая вошла в состав РСФСР, а 4 июля 1946 г. Кенигсбергская область была переименована в Калининградскую, город Кенигсберг – в Калининград, в честь Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина [3].

Первоначально функции по организации жизни на новой советской территории осуществляли чрезвычайные органы управления: военные и временные гражданские администрации. Первыми советскими гражданами на этой территории стали военнослужащие, небольшие группы, «командированных» для восстановления промышленных предприятий, бывшие узники концлагерей [9].

Война нанесла непоправимый урон экономике края. Из 364 промышленных предприятий полностью было разрушено 186, а оставшиеся предприятия сильно повреждены. Большинство административных и жилых зданий лежали в руинах. Бездействовали электростанции, транспорт, связь, водопровод, канализация. Значительная часть сельскохозяйственных угодий оказалась затопленной. Серьезной проблемой остались неразорвавшиеся боеприпасы [9]. В июле 1946 г. Совет Министров СССР принял два важнейших документа, которые определили направление для деятельности органов власти новой области: «О мероприятиях по хозяйственному устройству Кенигсбергской области» (21 июня 1946 г.) и «О первоочередных мероприятиях по заселению районов и развитию сельского хозяйства Калининградской области» (9 июля 1946 г.) [10]. В этих документах содержалась программа экономического возрождения города и области, указывались источники финансирования и снабжения. Так началась новая история этого древнего края.

В условиях СССР, будучи в окружении союзных республик, Калининградская административно-территориальная единица РСФСР

не испытывала неудобств, связанных с ее географическим положением, однако они сразу же проявились после распада Советского Союза, когда область оказалась в окружении независимых суверенных государств.

Не имея границ с Россией, окруженная территорией, развивающейся по канонам отличным от российских, Калининградская область более 20 лет пытается приспособиться к существованию в новых условиях. Стоит отметить, что область не является субъектом международного права. Деятельность областных органов в международных отношениях координируется федеральным центром, так как «субъекты федерации лишены права самостоятельного участия в международных отношениях» [1, с. 114].

Необходимым условием участия Калининградской области в системе российских федеративных отношений является ее региональная политика, которая представляет собой совокупность мер и мероприятий по воздействию на территориальную структуру области для достижения общественно значимых целей. Естественно, что при этом для калининградцев на первый план выходят собственные региональные проблемы. Однако следует отметить, что без их своевременного разрешения не смогут быть позитивно решены в регионе и проблемы общероссийские. Среди важнейших из них выделим: сохранение территориальной безопасности региона и обеспечение общероссийского, общеевропейского и общемирового стандарта прав и уровня жизни граждан региона; обеспечение высокого уровня конкурентоспособности Калининградской области в макрорегионе.

Особое внимание следует уделить населению данного региона. В XVIII – первой половине XIX в. Восточная Пруссия являлась окраинной провинцией Прусского королевства, которая активно заселялась немецкими мигрантами из других немецких земель. Основными этническими меньшинствами в Восточной Пруссии тогда являлись поляки и литовцы. Еще в начале XIX в. на их долю здесь приходилось более 40 % всего населения. Затем удельный вес этих этносов в населении региона постоянно и без всяких резких скачков начинает понижаться. Во второй половине XIX – начале XX в. в Восточной Пруссии продолжается процесс быстрого снижения удельного веса и абсолютной численности польского и литовского населения при одновременном росте немецкого [5].

На землях Восточной Пруссии, позже Калининградской области России, в 1920–1980-е гг. можно выделить два диаметрально отличающихся друг от друга периода. Первый из них охватывает годы между переписью 1925 г. и 1945 г. – до того, когда эта территория вошла в состав России. Второй период охватывает 1945 – конец 1980-х гг.

В первый период на данной территории фактически завершился процесс этнической ассимиляции немцами проживающих здесь этнических меньшинств: поляков и литовцев. Если в начале XIX в. немцы составляли около 72 % всех жителей, то к середине XIX в. удельный вес их повысился до 80 %, в 1910 г. – до 90 %, 1925 г. – до 95 %, а переписи 1933–1939 гг. зафиксировали почти 100 % немцев [5]. Таким образом, процесс этнической ассимиляции национальных меньшинств по иронии судьбы завершился всего за несколько лет до полной утраты немцами этого региона и в этническом, и в политическом отношениях.

К 1940 г. на этих землях проживало 1,6 млн человек почти исключительно немцев. После включения Калининградской области в состав СССР, оставшиеся немецкие жители были депортированы в Германию. К этому следует добавить, что большинство старого населения бежало из пределов области еще до прихода Красной армии. «Без преувеличения можно сказать, что область фактически была пустой» [7, с. 21].

Одной из первостепенных задач в послевоенном СССР стало заселение Восточной Пруссии советскими гражданами. За очень короткий отрезок времени население края коренным образом изменилось. Для союзной власти крайне важно было поскорее заселить оставленный немецкими жителями регион. При этом не стоит забывать, что значительные площади отводились армии, пограничным войскам и береговым подразделениям Военно-морского флота СССР, поскольку область в течение десятилетий рассматривалась как оборонительный форпост Советской державы.

При организации переездов возникало немало трудностей: то не хватало желающих перебраться из родных краев, то неожиданно появлялись отказники, то люди сбегали по дороге из переселенческих составов, то вроде бы обосновавшиеся на новом месте люди сбегали целыми селениями, чтобы, вернувшись назад, получить новые подъемные. Нередки были случаи, когда переселенцев сопровождали до места нового жительства отряды войск НКВД. Основной

поток переселенцев пришелся на 1946–1950 гг. Больше всего людей прибывало из РСФСР и Белоруссии, преимущественно из районов, разоренных войной. Мотивы этих переселенцев предельно ясны: получение квартиры, дома, денежных субсидий, обещанных правительственным решением. Для какой-то части советских граждан переселение было реальным спасением от голода [7].

Следует отметить, что далеко не все переселенцы прижились. В общем итоге за четыре десятилетия область покинуло свыше трети послевоенных новоселов. Здесь сказывались не только хозяйственные причины. Некоторые опасались сообщений о возврате бывших прусских земель Германской Демократической Республике, что автоматически означало бы для них выселение в давно покинутые края [7]. Возможно, поэтому переселенцы часто не по-хозяйски относились и к своим жилищам, и к окружающей природе.

Заселение Калининградской области относится к числу самых масштабных миграционных процессов послевоенной истории СССР. С августа 1946 г. организовано массовое прибытие в область переселенцев из 27 областей России, восьми областей Белоруссии, четырех автономных республик СССР [9].

Вторая волна массового переселения пришлась на первые годы распада СССР. Прежде всего поехали русские семьи из Прибалтики и Закавказья. С охваченного этническими волнениями Кавказа перебирались армяне и азербайджанцы. Потом наступила очередь Казахстана и Средней Азии, откуда выезжали преимущественно русские и этнические немцы. Около четверти современного населения региона приходится на переселенцев 1990 гг. Статистические данные свидетельствуют, что в 1991–2006 гг. в Калининградскую область переселилось около 165 тыс. человек из различных регионов России и свыше 135 тыс. жителей бывших союзных республик [7].

Это определило многонациональную структуру населения края и образование культуры своеобразного типа, которой характерны взаимодействие и взаимопроникновение традиций и обычаев многочисленных наций и народностей.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., население Калининградской области составляет 941 873 человека, что дает среднюю плотность населения около 62 человек на кв. км [2]. Это очень высокий показатель, так как средняя плотность населения России составляет всего 8,5 человек на кв. км. В национальном

составе населения преобладают русские (86,4%); украинцы (3,7%), белорусы (3,6%), литовцы (1,1%), армяне (1,0%), немцы, татары и др. В области очень высок процент городского населения [2].

Однако в целом народонаселение региона резко сократилось по сравнению с началом 1940-х гг. В начале 1940-х гг. оно равнялось 1,6 млн человек, а ныне около 0,9 млн человек, или 54% от уровня 1940-х гг. Его здесь меньше, чем было в 1820-е гг. [5].

Экономика региона пришла в запустение. Значительная часть земельного фонда не использовалась. И это особенно заметно на фоне экономического развития соседних регионов – Литвы и Ольштынского (Алленштейнского) воеводства Польши. Это подтверждает и тот факт, что, согласно проведенному в апреле 2014 г. опросу жителей Калининградской области старше 18 лет, постоянно проживающих на территории региона, почти половина жителей региона (45%) считают, что в сравнении с Польшей и Литвой уровень жизни в Калининградской области хуже. И только 11% опрошенных заявили, что жители Калининградской области живут лучше, чем жители стран-соседей [8]. Стоит отметить, что 88% жителей региона однозначно видят будущее Калининградской области в составе России. При этом 53% из тех, кто видит область в составе России, уверены, что Калининградская область должна получить особый статус [4].

Таким образом, являясь российским эксклавом в зарубежной Европе, Калининградская область имеет уникальное географическое положение и свою историю, сказывающуюся на особенностях ее экономического и социального развития. Можно утверждать, что для достижения основных стратегических целей: повышения качества и уровня жизни, обеспечения высокого уровня конкурентоспособности Калининградской области в макрорегионе, а также для проведения эффективной внутренней политики необходимо учитывать особенности данной области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абгарян Р. Э., Синчук Ю. В., Чащихин Б. Д. Политология и политическая теория. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – 460 с.
2. Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
3. Государственный архив Калининградской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gako.name/index.php?razd=196>

4. Интернет-портал Калининградской области и города Калининграда «Новый Калининград.Ru» // Опрос: уровень сепаратистских настроений в Калининградской области стремится к нулю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newkaliningrad.ru/news/community/3586277-opros-uroven-separatistskikh-nastroeniy-v-kaliningradskoy-oblasti-stremitsya-k-nulyu.html>
5. Кабузан В. М. Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000). – М. : ИРИ РАН, 2009. – 152 с.
6. Митрофанов А. Г. Городские прогулки. Калининград. – М. : Ключ-С, 2008. – 240 с.
7. Москвин А. Г. Калининградская область. История Янтарного края. – М. : Вече, 2013. – 288 с.
8. Опрос жителей Калининградской области, проведенный исследовательской компанией «Калининградская мониторинговая группа» (КМГ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kmggroup.ru/k-express/>
9. Официальный портал Правительства Калининградской области. История Калининградской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gov39.ru/region/history.php>
10. Постановление Совета Министров СССР № 1522 от 9 июля 1946 г. «О первоочередных мероприятиях по заселению районов и развитию сельского хозяйства в Калининградской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kmnp.ru/o-porte/novosti/2006/607.html>

УДК 327.35

А. И. Емельянов

аспирант кафедры политологии ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: novogot@ya.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В статье рассматривается формирование цивилизационной идентичности в государствах Латинской Америки на современном этапе; исследуются взаимодействия между странами на основе общей цивилизационной идентичности; дается оценка текущему состоянию формирования латиноамериканской цивилизации. Автор приходит к выводу о значимости цивилизационной составляющей в эпоху глобализации. Страны Латинской Америки могут образовать крепкий союз, чтобы отстаивать общие национальные интересы и выстроить полицентричный миропорядок.

Ключевые слова: национальные интересы; Латинская Америка; цивилизация; международные отношения; политика.

Emelianov A. I.

Post-graduate Student of the MSLU Political Science Department

FORMATION OF CIVILIZATION IDENTITY BY THE EXAMPLE OF THE LATIN-AMERICAN STATES

This article is dedicated to the issue of formation of civilization identity in the Latin-American states at the current moment. This article investigates main problems of cooperation amid states on the basis of common civilization identity. Author evaluates the current condition of formation of Latin-American civilization identity. The author concludes that civilization pillar has increasing meaning in the process of formation of reciprocal relations in the period of globalization. Besides common civilization identity can contribute to the formation of a strong alliance to obtain common national interest and promote the idea of multipolar world order.

Key words: national interests; Latin America; civilization; foreign policy; politics.

При интерпретации процессов политического и социально-экономического развития в современной науке все чаще апеллируют к цивилизационным особенностям стран, регионов или народов. Эта тенденция вполне обоснована историческим материалом и в научном отношении помогает раскрыть все особенности конкретно взятого социума. Понятие «цивилизация» пока не получило однозначной

общепринятой трактовки, так как содержание этого термина эволюционировало от его трактовки в античные времена: как некой формы и порядка жизни, противоположных варварству, – до широкой многозначности и смыслового плюрализма в современных условиях. Наиболее точно, на наш взгляд, определение цивилизации дал А. С. Капто: «Цивилизация – это типы культур, локализованные в историческом пространстве-времени» [5, с. 543]. Несовместимость системы ценностей выступает главным отличием одной цивилизации от другой. Принятие определенной общностью своего отношения к определенной цивилизации называется идентичностью. «Идентичность – это переживаемое индивидом, группой, социумом чувство их принадлежности к “своему” миру: самоотождествление с определенной социокультурной средой, ее нормами и ценностями» [3]. «Осознание принадлежности к одной из цивилизаций – естественный процесс, который позволяет человеку решать весьма сложную задачу самоидентификации» [2, с. 80].

В настоящее время в науке выделены две основные исторически сформировавшиеся тенденции отношения к цивилизации. *Позитивная* (феноменалистская) представлена трудами И. Г. Гердера, Л. Г. Моргана, Ф. Энгельса, Г. Т. Бокля, Л. И. Мечникова, Э. Б. Тайлора и *негативная*, в соответствии с которой цивилизация представляет собой побочный продукт исторического процесса. Этой позиции придерживаются сторонники утопического социализма. Для Ф.-М. Вольтера, В. Р. Мирабо, А. Фергюсона, И. Г. Гердера цивилизация – это определенная стадия всемирно-исторического процесса и ценностей гражданского общества [6, с. 543]. А. Тойнби – сторонник «круговорота» отдельных локальных цивилизаций с четко выраженным приоритетом формирования культурного начала и достигшей пределов в самоидентификации культуры.

В последнее десятилетие широкое распространение и влияние получили труды С. Хантингтона, отразившего новые реалии в цивилизационном бытии современного мира. Трактовка С. Хантингтона: «Цивилизация является наивысшей культурной ценностью. Деревни, регионы, этнические группы, национальности, религиозные группы – у них у всех сформирована культура на различных уровнях культурной гетерогенности... Цивилизация, таким образом – наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации людей» [8, с. 50–51]. Современные

отечественные исследователи Б. Н. Кузык и Ю. В. Яковец считают, что «современные цивилизационные школы, как в России, так и во всем мире отличаются чрезвычайно широкой палитрой концепций и идей. Это свидетельствует о том, что становление науки о цивилизации (цивилографии) еще не завершилось, ее общепризнанная парадигма пока не сформирована» [6, с. 110].

В латиноамериканском информационном поле данной проблемой занимаются Д. Ф. Сармьенто, Х. Васконселос, Л. Сэа и Д. Рибейро. Именно они очертили и утвердили основы латиноамериканской идентичности. Принимая во внимание ситуацию с формированием цивилизационной идентичности в латиноамериканском регионе, цивилизационный подход в сочетании с традиционным общественным подходом позволяет представить объект изучения более интегрально. Политико-идеологическое противостояние «двухполюсного мира», ввиду глобализационных изменений, уступило место конфликтам на основе межцивилизационных трений, что, в свою очередь, затронуло и Латинскую Америку. «Стремление наций, принадлежащих к одной цивилизационной идентичности, к интеграции в рамках наднациональных структур превращает цивилизации в акторов современного мира» [4, с. 7]. В то же время в этом регионе, несмотря на влияние англосаксонского мира, другими словами «вестернизации», прорастают корни автохтонных цивилизаций, наглядно доказывая огромную инерционную силу цивилизационной детерминации. При всей унификации политических и экономических процессов, государства Латино-Карибского бассейна, придерживающиеся своих культурных традиций, продолжают нести на себе печать социокультурного своеобразия.

Формирование цивилизационной идентичности невозможно без ее этнического субстрата. Системообразующим началом, как правило, служат мировые религии. Они несут генетический код цивилизации, образуя ее идеологический и целостный стержень.

По мнению С. Хантингтона, существует пять оригинальных цивилизаций – китайская, японская, индуистская, исламская и западно-христианская. Также, по его мнению, к ним следует добавить православную, латиноамериканскую и африканскую. «Латинскую Америку, – оговаривается Хантингтон, – можно рассматривать либо как субцивилизацию, либо как отдельную цивилизацию, близко связанную с Западом и не определившуюся во мнении, принадлежит ли

она к Западу или нет» [7, с. 54]. Но, в конечном счете, все же склоняется к «отдельной», заключая «...последняя точка зрения более приемлема» [7, с. 57].

Часть российских специалистов, работающих в сфере цивилизационных исследований и признающих близость латиноамериканского ареала к западно-христианской цивилизации, придает региону особый статус. Но вместе с тем некоторые из них трактуют латиноамериканскую цивилизацию как пограничную, наряду, кстати, с православной [8]. Качество пограничности видится в столкновении и конфликтном сосуществовании двух основных типов мирового цивилизационного развития – Запада и Востока. В латиноамериканском случае, это обнаруживается по двум направлениям. «Во-первых, в роли “Востока” в цивилизационном процессе выступали автохтонные доколумбовы цивилизации, которые по своим основным структурным характеристикам идентичны восточным, в первую очередь древневосточным обществам. Во-вторых, восточное начало опосредовано проявилось через иберийские культуры – испанскую и португальскую» [4, с. 10–11].

У стран Латино-Карибской Америки немало общих признаков, объединяющих их в современном мире:

- 1) языковое единство либо лингвистическая близость в основном массиве на территории целого континента;
- 2) социокультурное сходство в единой цивилизационной плоскости;
- 3) господство универсальной религии – католичества;
- 4) колониальное прошлое под кастильской короной;
- 5) периферийное включение в мировую экономику и политику.

В связи с тем, что латино-американская цивилизационная идентичность еще находится на стадии формирования, у нее имеются необходимые предпосылки, которые могут привести к идентификации своей сущности всеми жителями и государствами этого региона. *Первое* – цивилизационная матрица, т. е. сочленение базовых факторов внутреннего и внешнего порядка, которое детерминирует специфическую социокультурную и институциональную среду. *Второе* – цивилизационный ареал, под которым понимается зона распространения социокультурной общности, имеющей в своих истоках определенную цивилизационную матрицу [4].

В Латинской Америке процесс цивилизационной самоидентификации происходит и в настоящее время. Этот факт связан

в том числе и с тем, что в доколумбовый период степень развития обществ в той или иной области региона находилась на разных уровнях. В мезоамериканском и андийском ареалах уже существовала государственно-общинная модель. «Речь идет о густонаселенных ареалах с аграрным производством, обеспечивавшим немалый прибавочный продукт и, соответственно, воспроизводство значительной массы населения, сложной социальной пирамиды и институциональной инфраструктуры»¹ [9, р. 76].

Пройдя начальный разрушительный этап конкисты, колонизация вступила в прагматичное русло, ведущее к гибридизации привносимого и автохтонного. «Об этом говорит институт энкомьенды, адаптация общинной системы к колониальному строю и ее выживание фактически до современной эпохи. Подобные исторические ситуации практически не знали рабства в их плантационной версии» [9, р. 77]. Колониальная трансплантация определялась метрополиями, не так давно вышедшими из Средневековья. Переселенчество несло с собой устои и институты позднего феодализма. На американской почве они в какой-то степени, сочетаясь и взаимодействуя с автохтонными структурами, регрессировали относительно стандартов метрополии. Страны и нации, сформировавшиеся на подобной основе, несут на себе особо выраженный отпечаток доколумбовой культуры. Прежде всего в силу большого удельного веса непосредственного наследника – индейской массы – в этническом составе населения, а также косвенных наследников метисной массы.

Кроме того, незавершенность процессов формирования единой цивилизационной идентичности определялась отсутствием плотного населения, примитивной аграрной культурой либо преобладанием присваивающей общины. Местное население не выдерживало столкновения с европейской цивилизацией ни физически, ни культурно. Оно не могло в широких масштабах использоваться в качестве производительной силы и в конечном итоге замещалось принудительным переселенчеством – завозом рабочей силы из Африки. Привнесение в один цивилизационный ареал представителей африканской культуры никак не могло ускорить процесс создания единой цивилизационной матрицы латиноамериканцев. Зоны колонизации подобного рода до сих пор характеризуются большим удельным весом негритянского и мулатного населения.

¹ Зд. и далее перевод наш. – А. Е.

При этом, следует помнить, что колонизация в русле плантационного рабства распадалась на два вида. Один – когда в качестве метрополий выступали иберийские государства, а значит позднефеодальные образования. Другой – когда в той же роли фигурировали раннекапиталистические государства (Англия, Голландия, Франция). Соответственно, дальнейшая эволюция, включая стадию обретения государственного суверенитета, демонстрирует расхождение в институциональных моделях, в культурных и ценностных стандартах. Хотя большая часть современных латиноамериканских государств ранее находилась под влиянием иберийских культур, существование стран, развивавшихся по пути раннего западноевропейского капитализма, рушит целостную картину латиноамериканского региона.

Основой и твердым фундаментом любой цивилизации является как минимум одно функционирующее государство – носитель определенной культуры, которое отстаивает ценности своей цивилизационной сущности. Так современные нации складываются уже на этапе существования собственной государственности на рубеже XIX–XX вв. «Именно эти зоны характеризуются гомогенным европеоидным заселением и совершенно минимальным вкраплением индейско-метисного и негритяно-мулатского населения» [4, с. 18].

Таковыми в общем виде представляются очертания цивилизационных матриц на выходе из колониального прошлого или к началу формирования новых наций в рамках государственных суверенитетов.

В дополнение к этому подчеркнем особенности латиноамериканской цивилизации. *Во-первых*, обозначившиеся цивилизационные матрицы во многих случаях не вписываются в государственные границы и в их современные очертания. У матриц своя пространственная сетка. *Во-вторых*, в отдельных странах соседствуют элементы различных матриц. В качестве доказательства приведем точку зрения Д. Рибейро из его фундаментального труда «Америки и цивилизация». Исследователь выдвигает теорию о существовании в Латинской Америке четырех типов народов, населяющих этот регион:

- народы-наследники;
- трансплантированные народы;
- новые народы;
- нарождающиеся народы.

Исходя из этого, можно предположить, что наличие на определенном пространственном ареале представителей различных социокультурных общностей со своими цивилизационными матрицами мешает формированию единой цивилизационной основы [10].

В странах, где в социокультурном облике превалирует иберийский фактор, на уровне массовой культуры и массового сознания присутствуют стандарты и стереотипы, передающиеся новым поколениям от доколумбовых корней, причем не только индейского, но и даже метисного населения. Автохтонная индейская культура выходит на другие этнорасовые группы в традициях эстетики, художественного творчества, музыкальной жизни. Бытие общины, семья и личность воспринимают это цивилизационное наследие и стереотипы мировосприятия. Речь следует вести и о трудовой этике, о межличностных отношениях, взаимоотношениях полов и поколений. Не только от внимательного исследователя, но и внимательного наблюдателя не ускользнет особый отпечаток на деловой этике, на отношении граждан к государственным и политическим институтам и к власти как таковой.

Таким образом, на данный момент все социальные общности Латинской Америки представляют собой совокупности близких, но в то же время своеобразных социокультурных ареалов, цивилизационные матрицы которых существенно отличаются друг от друга. Несомненно существует общий стержень. Это, с одной стороны, модифицированное присутствие иберийской культуры (прежде всего лингвистическая общность либо близкое родство) и ее институциональный отпечаток, с другой – католицизм. Но такое утверждение, разумеется, справедливо для ибероамериканской части региона.

Пока же можно сказать, что сомнение относительно правомерности выделения региона в отдельную цивилизацию несколько не принижает идею латиноамериканской солидарности и латиноамериканской идентичности. «Это может проявиться, прежде всего, в вопросе “кто ты?” большинство обитателей региона ответит почти автоматически сначала по адресу гражданства (мексиканец, уругваец и т. п.), а затем – “латиноамериканец”. Конечно, могут быть некоторые вариации – центральноамериканец, южноамериканец, житель Карибов» [4, с. 43]. Признание латиноамериканской идентичности вполне обусловлено тем обстоятельством, что регион объединен, по большей части, следующими факторами:

- языковым и религиозным родством;

- сходством исторических судеб;
- геополитическим статусом.

Информационная революция и глобализация создают сегодня предпосылки не только для наступления «вестернизации», но и для формирования общего латиноамериканского культурного пространства, для испаноязычного информационного поля. Интернет является хорошим доказательством этого. Квота испанского языка в нем растет опережающим темпом по сравнению с лингва франка современности – английским.

На затронутый вопрос можно смотреть и шире – с позиций ибероамериканской ретроспективы, имея в виду несомненное наличие и шансы расширения ибероамериканского «рынка» культуры. Его институциональной опорой становится Ибероамериканское сообщество наций (ИАСН), превратившееся в весомый фактор мировой политики. И деятельность ИАСН, и объективная интенсификация общения латиноамериканских и иберийских стран могут способствовать не только воспроизводству общего для них стержня культуры, но и определенной культурной конвергенции в долгосрочной перспективе.

На основании всего вышеизложенного можно заключить, что вопрос цивилизационной идентичности, *во-первых*, не может быть решен в краткосрочный промежуток времени для обществ, которые еще не до конца определили свой цивилизационный вектор развития. *Во-вторых*, он является важным абсолютно для всех государств и народов современности, учитывая все более увеличивающийся вес и влияние «негосударственных наднациональных акторов, которые в лице транснациональных корпораций... финансовых олигархических клубов» [1, с. 109]. Относительно латиноамериканской цивилизации исследователи не могут прийти к однозначному выводу, существует ли она или еще продолжает формироваться. Но если государства этого региона видят себя в качестве ключевого актора международной политики и благополучного и целостного региона мира, то нет никаких сомнений, что в итоге территория Латинской Америки будет местом сосредоточения не только ибероамериканской культуры, но и латиноамериканской цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белозеров В. К. Государство и его альтернативы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2013. – № 4 (30). – С. 109–113.

2. Глобальные вызовы XXI века – геополитический ответ России / под ред. академика И. И. Халеевой. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – 318 с.
3. Глоссарий по политической психологии. – М. : РУДН, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary>
4. *Давыдов В. М.* Цивилография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. – М. : ИЛА РАН, 2006. – 52 с.
5. *Капто А. С.* Энциклопедия мира. – М. : Академия, 2013. – Т. 2. – 672 с.
6. *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Цивилизации: теория, диалог, будущее. – Т. 2: Будущее цивилизаций и геочивилизационные измерения. – М. : Институт экономических стратегий, 2008. – 648 с.
7. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.
8. *Шемякин Я. Г.* Латинская Америка: традиции и современность. – М. : Наука, 1987. – 192 с.
9. *Loprete C., McMahon D.* Iberoamérica: Síntesis de su Civilización: Segunda Edición. – N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1974. – 406 p.
10. *Ribeiro D.* Las Americas y la civilización. – La Habana, 1992. – 256 p.

УДК 327 (520, 430:47)

В. П. Зимонин

профессор кафедры теории регионоведения ИМО и СПН МГЛУ
доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
e-mail: vp-zimonin@mail.ru

**ЯПОНО-ГЕРМАНСКИЙ ПРОЖЕКТ
«БЛОК ЧЕТЫРЕХ ПРОТИВ ДЕМОКРАТИИ»
И СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ**

Канун и начало Второй мировой войны изобиливали дипломатическими интригами. Советский Союз, не готовый к войне и не имевший в те годы реальных союзников, более того подвергавшийся угрозе военного нападения с обоих флангов Евразии, был вынужден участвовать в дипломатической игре будущих противников и союзников в целях, если не срыва, то оттягивания сроков агрессии против себя, причем делал это весьма искусно.

Ключевые слова: СССР; дипломатия; безопасность; Япония; Германия; агрессор; блок; демократия.

Zimonin V. P.

Doctor of Philosophy in History, Professor, Honored Worker of Sciences of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of MSLU

**JAPAN-GERMANY PROJECT OF THE “ALLIANCE OF FOUR AGAINST
DEMOCRACY” AND THE SOVIET DIPLOMACY**

Even and starting of the World War II were full of diplomatic intrigues. The Soviet Union, what was not ready to War and having not in that period real allies; moreover meeting threat from each flanks of EurAsia, had to take part in diplomatic plays of its enemies and allies with purpose if not to crush but to delate the time of aggression against themselves and have make it much skillfully.

Key words: USSR; diplomacy; security; Japan; Germany; aggressor; alliance; democracy.

Ставка советской дипломатии на создание во второй половине 1930-х гг. системы коллективной безопасности не принесла результатов. Более того, когда мюнхенским сговором был сломан один из немногих уже созданных механизмов системы коллективной безопасности – договорная «связка» Париж – Прага – Москва, а британо-франко-советские переговоры в Москве по созданию антифашистского альянса по вине, главным образом, Лондона к середине августа

1939 г. зашли в тупик, политическое руководство СССР было не в состоянии продолжать формирование системы коллективной безопасности с опорой на западные демократии. Оно приняло вынужденное решение о начале затяжной игры с переговорами о взаимовыгодных договоренностях с агрессором. Советское руководство летом 1939 г. вынужденно идет, в ответ на настойчивые предложения руководства Германии, на контакты с Берлином, приведшие к заключению Договора о ненападении. Тем более, что не только тайные контакты с гитлеровским режимом, но и сговоры с ним одними из первых (не считая союзников по агрессивному блоку) опробовали западные демократии. Великобритания (сразу после заключения Мюнхенского соглашения), Франция (6 декабря 1938 г.), Латвия и Эстония (в августе 1939 г.) подписали аналогичные декларации и соглашения о ненападении с Германией. США де-факто в течение месяца признали присоединение к Германии Австрии, так же быстро – расчленение Германией, Польшей и Венгрией Чехословакии и незамедлительно (так же, как и Лондон с Парижем) – ликвидацию вермахтом ее остатков 15 марта 1939 г. и оккупацию им района Клайпеда в Литве 22 марта, на остальную часть которой, кстати, претендовала Польша [3; 8].

В то время Советскому Союзу приходилось учитывать и ряд других факторов: враждебную настроенность Польши (еще в 1934 г., заключившей аналогичный договор с Германией и всячески подталкивавшей ее к совместному походу на Восток) и Японии, с которой уже более трех месяцев длился острый вооруженный конфликт у монгольской реки Халхин-гол.

Нарочито открытая демонстрация сближения с Германией, тактический характер и временную ограниченность которого в Москве прекрасно понимали, не помогла наладить эффективное взаимодействие с британцами и французами в 1940-м – начале 1941 г. В этих условиях Москва была вынуждена продолжать игру с Берлином. Смысл игры, после обретения пояса безопасности, за счет возвращения в лоно СССР восточных воеводств Польши с украинским и белорусским населением, заключался во взаимовыгодных стратегических поставках для лучшего обеспечения обороноспособности СССР на случай войны с Германией, в чьих агрессивных намерениях сомнений не было. Любой здравомыслящий человек в советском руководстве понимал, что почти миллионные силы вермахта к западу от границ СССР явно избыточны для обеспечения оккупационного

контроля над поверженными с минимальным сопротивлением территориями европейских государств и готовы к походу на Восток.

Однако сама возможность воспользоваться шансом оттянуть время неизбежной в будущем агрессии появилась не без инициативы Японии. Этот факт не нашел до сих пор достаточно широкого освещения в отечественной историографии и поэтому заслуживает более тщательного рассмотрения.

Вынужденный временный отказ Японии от агрессии против СССР, решающую роль в котором сыграли уроки событий на Хасане и, особенно, у реки Халхин-гол, а также заключение Советско-германского договора о ненападении, привел к усилению внимания Токио к южному направлению агрессии. Американский историк Дж. Макшерри считает, что «демонстрация советской мощи в боях на Хасане и Халхин-голе имела далеко идущие последствия, показала японцам, что большая война против СССР будет для них катастрофой»¹ [12, с. 22]. Другой историк США А. Кукс пишет, что японское командование «немедленно сместило стратегический акцент от войны против России в направлении проникновения на юг». Он расценивает Халхин-гол как «поворотный пункт», связывая эти события с «последующим развитием войны на Тихом океане» [10, с. 35].

Однако не все было так просто. В условиях начавшейся мировой войны и фактического отказа Германии начать в то время совместно с Японией войну против СССР военно-политическое руководство Японии стало судорожно просчитывать различные варианты возможного развития военных событий и своего места в них. В японской блоковой политике наступал кардинально новый этап.

Одной из самых «грандиозных схем», проработывавшихся около года (с сентября 1939 г. по конец 1940 г.), была идея организации военного союза не только между Японией, Германией и Италией, но и ... с Советским Союзом. Смысл ее заключался в попытке создать всемирную коалицию недемократических и антидемократических государств. К первой категории Токио, не без основания, относил СССР с его режимом сталинской диктатуры, а ко второй – фашистско-милитаристскую коалицию, противостоявшую «союзу демократических держав», возглавляемых Соединенными Штатами и Великобританией [11, с. 83].

¹ Зд. и далее перевод наш. – В. З.

Что подтолкнуло Японию к поиску такого решения, и были ли у нее основания надеяться на его успех?

«Зубной болью» японского военно-политического руководства в то время был Китай, агрессия против которого, рассчитанная на три месяца, затянулась на годы, и конца этой войне не было видно. В Токио понимали: основная причина срыва планов блицкрига – значительная военная и экономическая помощь, предоставляемая Китаю из-за рубежа, а самым главным поставщиком этой помощи, безусловно, был и продолжал оставаться Советский Союз. Другими словами, СССР представлялся японским лидерам главным виновником их неудач в Китае [11]. В этой ситуации найти возможность прекращения советской помощи китайскому народу означало обеспечить вероятность быстрой победы над ним и освобождение рук для развертывания наступления в южном направлении.

Еще более сильной «зубной болью», учитывая жестокий провал японских агрессивных планов в районе озера Хасан и у реки Халхингол, мог стать для Японии СССР в случае войны с ним один на один.

После того, как 1 сентября 1939 г. Германия вторглась в Польшу, а Советский Союз в ответ на это взял под свою защиту народы Западной Украины и Западной Белоруссии (фактически возвратил себе отнятые в годы интервенции Польшей российские земли), Москва и Берлин сочли возможным найти взаимоприемлемое, хотя и временное, решение, проведя по территории Польши границу по «линии Керзона» (что оставляло этнические польские районы вне сферы СССР). И особенно после того, как А. Гитлер весной 1940 г. повернул направление фашистской агрессии на северо-запад Европы, Япония не могла рассчитывать на скорое военное столкновение между СССР и Германией.

Все это делало положение не имевшей мощных и надежных союзников Японии на Дальнем Востоке бесперспективным и подталкивало ее к временной ревизии своих подходов к Советскому Союзу.

Были, однако, и другие соображения. Ввод советских войск на территорию Польши и фактический ее раздел в сентябре 1939 г.; вооруженное вторжение СССР в пределы Финляндии (также являвшейся некогда частью России) в 1939–1940 гг. и последовавшее за этим отторжение части ее близлежащих к советским границам земель, создали для японского руководства видимость, что военные действия Советского Союза (направленные исключительно на

обеспечение безопасности своих западных границ) ничем не отличаются от агрессивного курса Германии, Италии, да и самой Японии. Так же, как у Германии, это создало у Японии иллюзию того, что Советский Союз при определенных условиях мог бы пойти на присоединение к антиангло-американской коалиции и установление «нового глобального порядка», предусматривавшего деление мира на четыре зоны влияния. Здесь уместно заметить, что и эти и последующие до начала Великой Отечественной войны территориальные приобретения Советского Союза были закреплены послевоенными решениями великих держав и Хельсинским соглашением 1975 г. Созданный как фашистский антикоммунистический альянс – Тройственный союз представлялся японским так называемым ревизионистам «союзом всех сил, выступающих против <...> демократии» [11, с. 84–85].

В японских военно-политических кругах нашлось немало сторонников такой идеи, выдвинутой прагматичными военными. Посол в СССР С. Того, посол в Италии Т. Сиратори и «ревизионисты» в японском МИДе считали, что сговор между Советским Союзом и Японией оказал бы психологическое давление как на Китай, так и на США, способствовал бы благоприятному для японской стороны завершению непопулярной войны на китайской территории [11].

Тесно связанный с военными кругами редактор газеты «Хоти» Б. Мики 29 декабря 1939 г. в беседе с полпредом СССР в Японии К. А. Сметаниным, сославшись на свои многочисленные консультации с представителями военных и деловых кругов, высказал мнение, что для создания крепкого мира во всем мире, необходимо поделить этот мир на сферы влияния: Германии отдать Европу и Африку; Советскому Союзу – юг, т. е. Турцию, Иран, территорию до Персидского залива и Индию; Японии – Восточную Азию, а США – Америку [1, Ф. 9. Оп. 2. Д. 89. Л. 64].

В ноябрьском за 1942 г. номере журнала «Коа» бывший посол Японии в СССР Ё. Татэкава в статье «Впечатления от СССР» писал: «При заключении японо-германо-итальянского военного союза шли разговоры о привлечении и СССР на сторону оси в целях использования последнего против союзных стран. Однако этого Германии [посол явно скромничает: впервые эта идея выдвинута японцами. – Прим. авт.] сделать не удалось вследствие чрезмерных требований со стороны Советского Союза» [1, Ф. 146. Оп. 29. Д. 31. Л. 557].

В докладной советника полпредства СССР Д. А. Жукова, хранящейся в фонде секретариата заместителя НКВД С. А. Лозовского за 1940 г., сообщается о «ширящихся в японских военно-политических кругах настроениях в пользу нормализации отношений с СССР с тем, чтобы внимание последнего могло быть полностью обращено на европейские проблемы». Так, бывший посол Японии Т. Сиратори в интервью газете «Хоти» заявил, что «урегулирование отношений с СССР является для нас [Японии. – *Прим. авт.*] самой неотложной задачей. Добившись отказа СССР от помощи Чан Кайши, мы должны добиться того, чтобы он двинул всю свою силу на запад и на юг Европы».

В подобных высказываниях советник полпредства СССР видел проявления неудовольствия правящих кругов установлением «дружественных отношений между СССР и Германией», стремление добиться «ослабления внимания Советского Союза на дела на Дальнем Востоке» и заставить США и Англию, запуганных возможностью сближения Японии с СССР, «пойти на уступки Японии в дальневосточных делах» [1, Ф. 9. Оп. 2. Д. 86. Л. 56].

Д. А. Жуков отмечает далее, что стремление к нормализации отношений с СССР прослеживается в выступлениях в парламенте и в прессе высших руководителей Японии. Так, 16 января 1940 г. новый министр иностранных дел Японии Х. Арита заявил в интервью, что «исходя из новой ситуации, создавшейся в результате усиления советско-германского сближения, Япония <...> не без разумных на то оснований, должна была урегулировать отношения с Советским Союзом самостоятельным путем. Мы намерены сделать все возможное для урегулирования отношений с Советским Союзом» [1, Ф. 9. Оп. 2. Д. 86. Л. 56–57]. В том же духе на пресс-конференции 17 января высказывался адмирал Ионаи, только что занявший пост премьер-министра Японии.

Х. Арита счел необходимым заявить в парламенте, что отношения Японии с Германией и Италией непрерывно становятся «более сердечными, чем когда-либо с момента заключения Антикоминтерновского соглашения», а военный министр Хата твердо сказал парламентариям, что «кровь, пролитая в Номонхане [на Халхинголе. – *Прим. авт.*], никогда не будет забыта» [1, Ф. 9. Оп. 2. Д. 86. Л. 57–58].

В этих условиях естественным для советского правительства было стремление сделать все для того, чтобы отвести японскую угрозу от своих границ, тем более что у японской стороны стали все более четко проявляться антиамериканские настроения, поддерживавшиеся немцами.

В «Обзоре внешней политики Японии за 1940 г.» советник полпредства СССР Я. А. Малик отмечает, что одним из элементов внешнеполитической программы «военщины и экстремистского лагеря» Японии является «временное урегулирование отношений с СССР для обеспечения северных границ Японии и концентрации всего внимания на южную экспансию» [1, Ф. 9. Оп. 3. Д. 165. Л. 101]. Полпред СССР К. А. Сметанин в докладе В. М. Молотову о беседах 3 и 6 июня 1940 г. с германским послом Оттом сообщал, что если 30 мая 1940 г. Отт выдвигал идею объединения СССР, Японии и Германии в противовес Англии и США, то теперь он говорил о блоке СССР, Японии и Чан Кайши при содействии Германии против США.

В докладной записке на имя С. А. Лозовского от 20 сентября 1940 г., анализируя отношение к СССР нового японского правительства во главе с Ф. Коноэ, в частности, высказывание министра иностранных дел Ё. Мацуоки, советник полпредства СССР Д. А. Жуков делает вывод, что «определенное желание» постараться достичь «какого-либо конкретного соглашения с СССР» имеет для японских правящих кругов цель, «закрепив свои позиции на севере, сосредоточить свое внимание на разрешении китайской проблемы и на южной экспансии» [1, Ф. 9. Оп. 2. Д. 86. Л. 66–67]. В этот период в том же направлении повысил активность, причем явно с подачи японских «друзей», германский посол Отт. К. А. Сметанин в дневнике от 30 декабря 1940 г. пишет, что 28 декабря 1940 г. на завтрак в полпредстве СССР в ответ на напоминание германского посла Отта о прежних беседах относительно «необходимости освобождения японцев от давления на них на севере с тем, чтобы они могли быть более свободными на юге», он «в осторожной форме» заметил, что «осуществление стремления на юг с урегулированием северных вопросов зависит во многом от японцев» [1, Ф. 9. Оп. 3. Д. 162. Л. 104]. Кстати, оговорка «в осторожной форме» свидетельствует о том, что советский полпред, очевидно, не имел конкретных указаний правительства СССР вести прямые и серьезные переговоры

о четырехстороннем союзе. Очевидно, что советское руководство отдавало себе отчет (а дипломаты ориентировали его в этом духе) в том, что Япония ведет по отношению к СССР «политику с двойным дном». «Как мне кажется, – справедливо отмечает Д. А. Жуков, – это желание урегулировать отношения с СССР, высказываемое некоторыми “трезвыми политиками” из правящей клики Японии, не отодвигает, конечно, на задний план желание отомстить за “кровь, пролитую на Хасане и у Номонхана”, как заявил бывший военмин Хата на последней сессии парламента. Желание урегулировать отношения с СССР диктуется необходимостью, страстным стремлением поскорее покончить с китайской авантюрой, развязав себе руки, получить кое-какие выгоды из второй империалистической войны, без чего Япония не в состоянии поправить свою экономику, расшатанную китайской авантюрой» [1, Ф. 9. Оп. 2. Д. 86. Л. 66–67].

После заключения тройственного пакта Германия также предприняла настойчивые попытки привязать СССР к фашистскому блоку. Осенью 1940 г., когда стало ясно, что Гитлеру не удастся разгромить Великобританию, когда итальянские войска потерпели фиаско в Греции, а в Северной Африке были скованы британскими силами, когда англичане ввели свои соединения в Грецию и высадились на острове Крит, а в Китае японское наступление замедлилось, успехи стран оси не казались столь уж бесспорными, как летом. В этих условиях И. В. Сталин не собирался связывать СССР тройственным пактом и подписывать соглашение, которое ввергало страну в войну и сталкивало с Англией. Но и наотрез отклонить предложение Гитлера он не мог, так как Советский Союз нуждался в немецкой технологии, а также в образцах оружия и военной техники.

Руководство СССР стремилось прощупать возможность новых договоренностей с германскими лидерами. Именно с этой целью состоялся визит главы советского правительства и Наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в Берлин 12–14 ноября 1940 г. В директивах к берлинской поездке, изложенных Молотову И. В. Сталиным, ставилась задача осуществить серьезное зондирование дальнейших намерений германских партнеров. Советское руководство поднимало вопрос о закреплении и расширении сферы интересов СССР на основе дальнейшего развития сотрудничества с Германией. При этом Москва добивалась включения в эту сферу Финляндии (где дело считалось решенным не до конца), стран Юго-Восточной

Европы, в первую очередь Болгарии. «Болгария – главный вопрос переговоров, должна быть, – отмечал Молотов, – по договоренности с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию» [5, с. 30–32]. Кроме того, советское руководство заявило об интересе к вопросам Ирана, Греции и Югославии.

В Берлине В. М. Молотов провел беседы с А. Гитлером и И. Риббентропом. Он настойчиво ставил вопросы о возможности новых советских акций против Финляндии, о включении Болгарии в сферу интересов СССР путем предоставления ей соответствующих гарантий, об учете советской заинтересованности в судьбах Румынии, Венгрии, Турции. В беседе с Риббентропом Молотов подчеркнул: «По мнению советского правительства, <...> установление сфер интересов между СССР и Германией, происшедшее в 1939 году, касалось определенного этапа. Это разграничение, принятое в прошлом году, исчерпано в ходе событий 1939–1940 годов, за исключением вопроса о Финляндии, который еще полностью не решен...» [5, с. 41]. Советский нарком ставил вопрос о новом «разграничении сфер интересов на длительный срок» [5, с. 41] с учетом обязательств участников тройственного пакта.

Однако нацистские лидеры вовсе не собирались предоставить Советскому Союзу ту сферу влияния, на которую он претендовал. В отношении Финляндии Гитлер раздраженно подчеркивал заинтересованность Германии в ней якобы для сохранения мира на Балтике. Что касается советских гарантий Болгарии, то он ссылаясь на необходимость консультаций с Муссолини и согласия самой Болгарии. Гитлер отметил, что «Германия в ходе борьбы с Англией должна идти и туда, куда она не хотела бы идти, но она временно из-за интересов борьбы против Англии вынуждена это делать – на Балканы» [5, с. 49]. Риббентроп усиленно подталкивал Молотова к вступлению Советского Союза в борьбу против Англии, полагая, «что центр тяжести аспираций СССР лежит в направлении на Юг, т. е. к Индийскому океану» [5, с. 73] через Персидский залив. Тем самым достигалось бы ослабление двух основных противников Германии, одного – действующего, другого – потенциального. Кроме того, в заключительной беседе с Молотовым Риббентроп выдвинул идею соглашения между участниками тройственного

пакта и Советским Союзом о взаимном уважении сфер влияния четырех держав [5].

Смысл предложений Германии, а они соответствовали интересам и Японии, состоял в том, чтобы побудить СССР перенести центр тяжести своей внешней политики из Европы в Южную Азию и на Средний Восток, где он столкнулся бы с интересами Великобритании. Естественно, это никак не устраивало СССР. Советский нарком иностранных дел не дал какого-либо определенного ответа на все предложения в Берлине, ссылаясь на необходимость обсудить их в Москве.

Ответ советского правительства был передан 25 ноября. Формально СССР выразил готовность принять проект пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи, но выдвинул ряд условий, по существу исключавших его присоединение к тройственному пакту, ибо эти условия затрагивали интересы Германии. Так, Советский Союз вновь потребовал оказать содействие в заключении советско-болгарского договора о взаимной помощи, в создании режима благоприятствования для СССР в черноморских проливах, а для этого – гарантировать базу в Босфоре и Дарданеллах на условиях долгосрочной аренды для некоторого количества военно-морских и сухопутных сил СССР. Особо подчеркивалось, что «зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива признается центром территориальных устремлений СССР». Советский Союз требовал немедленно вывести немецкие войска из Финляндии, оказать давление на Японию с тем, чтобы та отказалась от концессий на Северном Сахалине [5, с. 136–137].

Визит В. М. Молотова в Берлин выявил советско-германские противоречия. Документ советского правительства свидетельствует о том, что условия, выдвинутые Советским Союзом, закрывали Гитлеру дорогу на Балканы и в нефтеносные районы Среднего Востока, не позволяя ему использовать как эти районы, так и территории, входившие в советскую «сферу интересов», против самого СССР. И ответ СССР, и весь ход переговоров в Берлине ясно давали понять Гитлеру и его окружению, что Советский Союз отвергает предложения Германии, что он не уйдет из европейской политики, и будет отстаивать свои интересы в этой важнейшей части мира. Английский посол в Москве С. Криппс, докладывая в Лондон

о визите В. М. Молотова в Берлин, писал, что «результаты встречи были отрицательными» [6, с. 154].

Известно, что Гитлер, прочитав ответ из Москвы, сказал генералу Гальдеру, одному из своих ближайших соратников: «Сталин – умный и коварный человек. Он все больше и больше требует» [8, с. 1]. В Берлине поняли, что Советский Союз не намерен послушно следовать предписаниям Третьего рейха и отказываться от своей активной политики в Европе. Ответ на советские условия так и не был получен в Кремле, зато Гитлер отдал приказ форсировать подготовку к войне против СССР.

Нет сомнения, что курс японского и немецкого правительств, направленный на подключение Советского Союза к фашистскому блоку, был на данном этапе выгоден для СССР. Он был крайне заинтересован в том, чтобы на максимально длительное время отвести от себя угрозу крупной войны на Западе и на Востоке, и стремился использовать это время для укрепления безопасности своих границ, развертывания военного производства и усиления армии и флота. Несомненно, тактика советского правительства, принятая для ведения переговоров, дала положительные результаты, но, конечно, не смогла обеспечить решение всех проблем, стоявших перед Советским Союзом.

Очевидно, что США чувствовали опасность для себя от возможного сближения Японии с СССР и предпринимали соответствующие меры. В частности, осенью 1940 г. большое внимание политиков привлекали встречи заместителя госсекретаря США С. Уэллеса с советским послом в Вашингтоне К. Уманским. Близкая к правящим кругам японская газета «Мияко» писала 10 сентября 1940 г., что эти встречи были организованы для того, чтобы отвлечь Советский Союз от тоталитарных держав и заставить его сдержать продвижение Японии на юг. Газета сообщала, что США с целью приостановить продвижение Японии на юг проводят секретную подготовку по созданию антияпонского фронта, включающего Британию, Советский Союз, Канаду и Австралию.

Таким образом, Советский Союз, несмотря на, казалось бы, выгодность предложений со стороны Берлина и Токио и очевидную легкость их реализации при желании, не пошел на сделку с фашизмом за счет интересов других стран и счел необходимым ограничиться военными действиями в пределах бывших территорий России, причем исключительно в целях повышения безопасности

своих западных границ. С другой стороны, Советский Союз не дал в обиду дружественный Китай, не оставил шансов Японии напасть на себя и обеспечил отсрочку ее агрессии против США и стран Юго-Восточной Азии.

Следует также подчеркнуть, что дипломатические маневры вокруг выглядящей с точки зрения сегодняшнего дня бредовой идеи подключения Советского Союза к фашистской коалиции не отразились ни в коей мере на темпах военных приготовлений Японии вблизи советской границы, которые наращивались вплоть до принятия окончательного решения японского военно-политического руководства развязать войну на Тихом океане и не снижались до конца 1943 г. В Токио решили лишь несколько изменить тактику: выждать нападения на Советский Союз фашистской Германии и затем вероломно ударить ему в спину с тем, чтобы он, «подобно перезревшей хурме, сам упал к ногам японских завоевателей» [4].

Со своей стороны, гитлеровское руководство использовало переговоры с Москвой для маскировки подготовки к нападению на СССР. В декабре 1940 г. А. Гитлер подписал окончательный вариант плана «Барбаросса» – плана нападения на СССР [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 9. Оп. 2. Д. 86. Л. 56–58, 66–67; Д. 89. Л. 64; Оп. 3. Д. 162. Л. 104, Д. 165. Л. 101; Ф. 146. Оп. 29. Д. 31. Л. 557.
2. Внешняя политика СССР: сб. док. – Т. IV (1935 – июнь 1941) / сост. А. С. Тисминец; отв. ред. С. А. Лозовский. – М.: Правда, 1946. – 647 с.
3. Вторая мировая война. Материалы в помощь лекторам. – М.: Патриот, 2009. – 383 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482. Л. 968.
5. Документы внешней политики СССР. – Т. XXIII. – Кн. 2. – Ч. 1. – М.: Международные отношения, 1998. – 448 с.
6. История дипломатии: Дипломатия в годы Второй мировой войны. – Т. 4. / С. А. Гонионский, И. Н. Земсков, В. Л. Исраэлян, И. К. Кобляков и др. ; под ред. А. А. Громыко, И. Н. Земскова, В. А. Зорина и др. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1975. – 752 с.
7. Мировые войны XX века: в 4 кн. / [Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. историков Первой мировой войны, Ассоц. историков Второй

- мировой войны]; ред. кол. В. А. Золотарев и др.; рук. проекта О. А. Ржешевский. – М.: Наука, 2005. – Кн. 4: Вторая мировая война: документы и материалы / отв. ред. М. Ю. Мягков; сост. Ю. А. Никифоров. – 677 с.
8. Правда. 1941. 13 января.
 9. *Фалин В. М.* Почему в 1939-м? Размышления о начале Второй мировой войны // Новое время. – 1987. – № 39. – С. 13–21.
 10. Соох А. *Nomonhan: Japan Against Russia, 1939.* – Stanford : Stanford University Press, 1985. Volumes 1&2. – 1253 p.
 11. Iriye A. *The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific.* – N. Y., 1989. – 438 p.
 12. MacSherry J. *Stalin, Hitler and Europe.* – Vol. 1. *The Origins of World War II 1939–1945.* – Cleveland (Ohio): World, 1968. – 308 p.

УДК 327

Г. П. Лесников

доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории международных отношений ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: lesnikov@ru

СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Автор статьи рассматривает теорию и практику субъектно-объектных отношений между государствами в условиях современного миропорядка. Мировая политика и международные политические и экономические отношения, объективные закономерности глобализации и неравномерность социально-экономического развития многих государств обусловили крайне сложные межгосударственные отношения и ослабили роль международных институтов в регулировании политических и экономических процессов. В результате многие государства теряют свою реальную суверенность и право субъектности в мировой политике, превращаясь в «придаток» политики наиболее сильных государств.

Ключевые слова: субъект; объект; мировая политика; неравномерное развитие; утрата суверенности; международные институты регулирования; истощение природных ресурсов; мировой порядок.

Lesnikov G. P.

Doctor of Political Sciences, Professor of the Department
of History and Theory of International Relations
of the Institute of International Relations and Socio-political Sciences

SUBJECT-OBJECTIVITY OF STATE-TO-STATE RELATIONS IN THE SYSTEM OF CONTEMPORARY GLOBAL ORDER

This cover is dedicated to theory and practice of subject-objective relationship between states in conditions of contemporary global order. The global policy and international political and economic relationship, objective laws of globalization and irregularity of socio-economic development of many countries determined badly strained relations between countries and diminish the role of global institution in regulation of international political and economic processes. In consequence of these facts lots of countries lose their independence of states and their right of subjectivity in global policy, transforming into appendix of most forceful countries.

Key words: subject; object; global policy; irregularity of development; losing the independence of state; global institution of management; depletion of natural resources; global order.

Субъектно-объектное содержание внешнеполитического курса любого государства – это исходная платформа не только теоретической составляющей, но и прикладной элемент самой методологии определения сущности, роли и места субъекта мировой политики и экономики. Это обусловлено тем, что категория субъектно-объектных отношений выступает в качестве универсального инструмента отношений государств в системе международного сотрудничества в контексте их взаимозависимости в процессе реализации интересов нации. В «Политическом словаре» данная категория рассматривается в качестве инструмента «...обозначения процесса взаимодействия двух категорий в политике, в которой обозначаются векторы их отношений друг к другу. <...> Объект в политике – та часть политической реальности, на которую направлена деятельность субъекта этой политики. <...> Субъект в политике – это источник целенаправленной деятельности на объект» [2, с. 278]. В «Философском словаре» данная категория рассматривается как «сопредельная с категорией объективного фактора или объективных условий и развивается в процессе взаимодействия. <...> Но в качестве относительной самостоятельности выступает в виде механизма воздействия на объект» [4, с. 663].

В системе межгосударственных отношений именно субъектно-объектные отношения в процессе реализации интересов в являются центральным звеном и характер их взаимосвязей и взаимообусловленности предопределяют конечный исход в достижении целей каждого государства в отдельности.

Этот же принцип лежит в основе формирования и реализации внешнеполитического курса Российской Федерации какой-либо другой страны. Характер равноправия в таких отношениях и степень взаимозависимости (подчиненности или соподчиненности) предопределяет конечную цель и результативность самой внешней политики каждого государства в отдельности.

Субъектно-объектное отношение в формировании и развитии как межгосударственных, так и международных отношений – это объективная закономерность, которая базируется на принципах международного права и механизмах, его реализующих. Именно этот механизм баланса интересов и степень (возможность) их реализации в данной системе отношений и является политическим инструментарием формирования и реализации отношений между

государствами. Например, если одно «сильное» государство колонизировало другое государство (или часть его территории, и, значит, население), то в системе субъектно-предметных отношений этих государств практически отсутствуют какой-либо способ соблюдения баланса интересов и инструменты реализации этого баланса. В данном случае – проявление вопиющего противоречия между правом суверенности государства в соответствии с Вестфальским договором и правом «силы» все того же государства.

Конечно, важно исходить из того, что один из важнейших принципов международного права – принцип соблюдения права каждого государства на суверенность – был выработан в рамках отношений между европейскими государствами еще в 1648 г. И эти «договоренности» не касались народов и государств, расположенных в других частях света.

Однако именно этот, исторически сложившийся принцип двустандартности (политика избирательного права) в сфере внешнеполитической (да и военной, и экономической) деятельности для большинства стран Запада стал приоритетной нормой поведения во взаимоотношениях со слабыми странами в последующие периоды межгосударственных отношений. Этот же принцип широко используется все теми же ведущими странами мира и в современных условиях функционирования системы международных отношений. Об этом свидетельствует современная практика подчинения своей политике с позиции однополярного мира большинства государств и народов мира. Речь идет о том, что, несмотря на международное право функционировать на базовых принципах суверенности и равноправия в соответствии с Уставом ООН, в реальности многие государства находятся в статусе «предмета» управления со стороны другого «сильного» государства или группы государств.

В соответствии с природой межгосударственных и многосторонних отношений любое государство может и должно выступать и в качестве объекта (предмета) международных отношений (ибо в противном случае самих отношений может и не быть), и в качестве субъекта этих отношений. Но для любого государства важно иметь право в соответствии с международными документами выступать в статусе субъекта международных отношений – участвовать в системе управления и регулирования всеми вопросами миропорядка и реализации своих интересов. При этом важно подчеркнуть, что

решение судьбы другого государства (властвования над интересами другого государства) – возможно лишь с согласия самого государства и его нации. Главным же предметом сотрудничества между государствами является организация движения капиталов, товаров, услуг и рабочей силы на основе обмена и продажи на мировых, региональных или национальных рынках.

В этой связи важно понимать, что действие принципа субъектно-предметных отношений между государствами обусловлено как объективными условиями, так и субъективными факторами, как принципом «добровольности» передачи части своих государственных функций другому государству (или надгосударственным органам управления), так и действием принципа «силы», с помощью которого эти функции аннексируются в интересах этого самого «сильного» государства.

К сожалению, как в историческом прошлом, так и в современных условиях практика равноправных и добровольных субъектно-объектных отношений часто носит декларативный, деструктивный и, главное, искаженный характер, не соответствующий самой природе этих отношений. При этом часто под государством понимают и общество, и нацию, и этнос. Именно такая позиция (политика игнорирования интереса нации и других факторов) однозначна и нередко проявляется и в отношении к России со стороны как Евросоюза, так и США. Особенно резко такое негативное отношение к политике реализации интересов России проявилось в текущий момент.

Российская Федерация стала предметом необоснованного обвинения со стороны Запада в аннексии Крыма. Известно, что территория Крыма и Севастополя – исконно русская территория. И тем не менее все ведущие страны мира («сильные» страны) развернули бешенную абстракцию внешнеполитическому курсу России. И естественно, если бы политическое руководство России, ее экономический и военно-политический потенциал оказались бы слабым звеном в системе защиты национальных интересов, то Российская Федерация могла бы оказаться в статусе «предмета» отношений ведущих стран мира по поводу ее интересов.

В контексте исторического прошлого, когда государственное строительство и формирование наций носили лишь очаговый и противоречивый характер, принцип «силы» был единственно господствующим инструментом регулирования и управления мировым

порядком, а содержание субъектно-предметных отношений между государствами можно было лишь априорно предполагать.

Право «силы» является предметом изучения многих исследователей, рассматривающих вопросы конфликтности между народами. Инструменты регулирования на базе справедливых и равноправных отношений между государствами, а также механизм международного равноправного правоприменения в отношениях между странами по многим обстоятельствам преданы забвению. Именно этот господствующий принцип и сегодня активно используется политиками школы «политического реализма», утверждающими, что «интересы нации, а значит и интересы государства» являются определяющими в системе межгосударственных интересов. Не отвергая значимости морали и международного права, «реалисты» выступают с позиции, прежде всего, «интересов нации» и для реализации этих интересов ими используется широкий диапазон инструментария силового и несилового («мягкого») давления.

Утверждая приоритетную значимость «реальных интересов и реальной политики по отношению к другому государству», Г. Маргентау, вслед за М. Вебером, утверждает, что «цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и поддерживаться соответствующей силой...» [6, с. 440]. Стратегией интересов в своей международной политике руководствуются не только бывшие политики ведущих стран мира, но и современные последователи этой школы «политического реализма».

В этой связи более сдержанными и, возможно, более прагматичными являются представители школы «либерального идеализма» (или «политического реализма»), родоначальником которой был философ и политик И. Кант. Его исходной позицией в отношениях между народами и государствами была концепция приоритета международного права над интересами нации: «Право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти...» [1, с. 301]. И. Кант утверждал, что «...политические максимумы должны исходить не из цели, которую ставит перед собой каждое из воюющих государств (не из их интересов и пожеланий), как высшего принципа государственной мудрости, а из чистого понятия правового долга в “чистом разуме”» [1, с. 300].

Вопросы реорганизации международных отношений с позиции равноправия наций в контексте мировой политики и на принципах

школы либерально-идеалистической направленности были предметом исследования в работе «Достижение всеобщего мира через мировое право» американских ученых-международников Г. Кларка и Б. Сонн [5].

Именно политическое руководство бывшего СССР во главу угла ставило принцип равноправия между нациями и постоянно делало попытку объединения и консолидирования интересов экономически отсталых стран в их политике по обеспечению и реализации своих прав.

В начале XXI в. все усиливающийся процесс неравномерного и неравноправного развития в системе международных отношений, прежде всего экономических, свидетельствует о том, что субъектно-объектные отношения – это результат политики высокоразвитых стран мира, претендующих на господствующее положение и диктатуру «власти» в мире над всеми остальными народами и государствами.

К сожалению, и история России не миновала судьбы унижений и лишения свободного развития как в далекие исторические средневековые столетия, так и в 1990-е гг. на изломе военно-политического переворота в нашем обществе, когда наша страна практически лишилась права субъекта в мировом развитии.

Но если историческое прошлое было связано с процессом несовершенства, слабости и разобщенности русского народа, то статус «предмета» современных международных отношений России в 1990-е гг. был обусловлен осознанным политиканством со стороны ельцинского режима, который превратил интересы страны в придаток североамериканского господства в мире. И таким образом, имея де-юре право на субъектное отношение в мировой политике, это политическое руководство превратило ранее могущественное государство (СССР) в предмет управления со стороны не только США, но и любого другого государства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что реальная сущность «субъектности» и степень ее эффективного участия в международных делах обуславливается качественными характеристиками ее внутреннего состояния и потенциального развития. И неизвестно, как сложилась бы судьба Югославии в 1999 г., если бы в тот период Россия оставалась бы сильным и независимым государством. Но, как известно, международная политика не может рассматриваться в сослагательном наклонении.

Сегодня Россия при сильной политической воле руководства и при качественно новых социально-экономических характеристиках сумела обеспечить право субъекта мировой политики при решении задач воссоединения Республики Крым и Севастополя.

К сожалению, этот пример лишь исключение из правил. Именно в современных условиях отношения сильных и богатых стран относительно экономически отсталых продолжают строиться на основе принципа тотальной подчиненности (в качестве «предмета») для реализации интересов основных игроков и сильных государств, выступающих в качестве субъекта мировой политики. Это при условии, что все современные государства выступают в качестве равноправных партнеров и субъектов мировой политики и международных отношений на основе принципа суверенности, записанного в Уставе ООН.

Отсюда, именно качественные составляющие субъектности в мировой политике определяют эффективность внешнеполитического курса любой страны в современном глобальном мире.

Живой пример. Во время голосования проекта США по вопросу «аннексии» Крыма Россией в Совете Безопасности ООН за данную редакцию «проекта» проголосовали не только все члены Совета, за исключением России (против) и Китая (воздержался), но и все остальные 10 непостоянных членов Совбеза. Позиция трех стран членов Совбеза понятна: они лишились стратегической территории на Черном море. Но чего «лишились» 10 непостоянных стран-членов этого главного международного органа? Видимо, они лишились своего субъектного права самостоятельности суждения в виду тотальной зависимости от «гегемона» мира, от сложившейся господствующей системы ведущих стран мира.

Результаты голосования на Ассамблее ООН 28 марта 2014 г. по присоединению Крыма к Российской Федерации свидетельствует об обратном: действительно, 100 членов организации проголосовали против политики России по вопросу Крыма. Но 93 члена организации проголосовали: либо в поддержку позиции России, либо – воздержались, либо – вообще отказались голосовать. Это свидетельствует о том, что позиция «сильных» государств и их сателлитов, если она идет против принципов международного права – не является главной и определяющей тенденцией в современном мире.

Для обеспечения статуса субъектности в системе международных отношений, своего права на равноправие и уважение среди

членов международного сообщества (даже при помощи «силы») важно учитывать наличие двух основных условий:

а) степень и уровень сбалансированности всех факторов экономического роста в системе национальной экономики и общественно-политической стабильности в обществе;

б) динамику и характер геополитической устойчивости государства в системе международной политической и экономической интеграции и степень влияния своего представительства в международных институтах.

Что касается сложившегося устойчивого характера субъектности в международных отношениях и политики ведущих стран мира, то именно обозначенные выше два основных фактора (обстоятельства) и обусловили такое положение вещей.

В более широком понимании этих «обстоятельств» необходимо учитывать следующие важные условия:

– наличие высокого запаса социально-экономической прочности и определенная стабильность в обществе;

– ведущее политическое, экономическое и финансовое представительство в международных институтах;

– реальная поддержка большинства стран международного сообщества (сформированная по различным причинам) военно-политического и экономического курса ведущих стран мира;

– господствующие геоэкономические позиции и высокую конкурентоспособность в сферах научно-технического и технологического производства, а также – в телекоммуникационных системах связи, Интернете и IT;

– господствующие позиции ТНК и ТНБ ведущих стран мира на рынках наукоемкой, электронной и аэрокосмической продукции, а также на валютно-финансовых и фондовых рынках мира;

– членство в оборонительном союзе НАТО и наличие мощного и высокоразвитого военно-промышленного потенциала;

– активную деятельность дипломатического корпуса и торгово-экономических представительств, практически, во всех странах мира;

– высокую активность в системе торгово-экономического сотрудничества и высокий объем товарооборота на мировых рынках.

Именно эти и ряд других условий обеспечивают странам США, Канады, Японии и Евросоюза господствующие позиции

в системе международных политических, экономических, финансовых и торгово-экономических отношений.

Незначительная группа стран, обладающих определенными позитивными экономическими характеристиками и потенциалом, а также значительными объемами природных (и прежде всего энергетических) ресурсов, сегодня пытается обеспечить свою экономическую и военно-политическую независимость, и значит – противопоставить свою субъектную позицию в качестве активного и равноправного участника международного процесса.

К такой группе стран можно отнести Китай, Индию, Аргентину, Бразилию и еще целый ряд государств, в том числе – государства, входящие в Таможенный союз, страны – члены МЕРКОСУР, государства Баливарийского блока и другие объединения. К этой группе стран сегодня можно отнести и Российскую Федерацию.

Другим объективным условием, отражающим состояние субъектно-объектных отношений стран международного сообщества, являются все разрастающиеся противоречия и утрата многими этими государствами их экономической независимости, а значит, и утраты роли субъектного (независимого) игрока в международной политике. Именно поэтому и сегодня остается актуальным вопрос, который был рассмотрен в ООН еще в мае 1974 г., в свое время инициированный и поддержанный представительством СССР в ООН [3].

В результате отсутствия системы равноправия и реальной поддержки национальных экономик большинства стран мира, действующий мировой и прежде всего экономический порядок может быть разрушен из-за его хрупкости и слабой эффективности координации и регулирования со стороны международных экономических институтов.

Представляется важным дополнить «Концепции внешней политики Российской Федерации» и «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» рядом положений относительно изменившегося миропорядка в связи с кризисом на Украине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кант И.* Трактат «К вечному миру» // Соч.: в 6 т. – Т. 5. – М.: Философское наследие, 1966. – 564 с.
2. Политический словарь. – М.: Политиздат, 2003. – 324 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirslivarej.com/pol_a

3. Программа действий по установлению нового международного экономического порядка / Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 1 мая 1974 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/econ_order.shtml
4. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 836 с.
5. *Clark G., Sohn B. World Peace Through World Law. Tow Alternative Plans.* – 3-d enlarged / Harvard Univ. Press. – Cambridge, 1966. – P. XVII–LII.
6. *Morgentau G. Politic among Nations. The Strugl for Power and Peace* – N. Y. : Harvard Univ, 1965. – 543 p.

УДК 316.4

Г. В. Маткаримова

преподаватель кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ;

e-mail: sky_g@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СНИЖЕНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СТОЛИЧНОМ МЕГАПОЛИСЕ

В статье рассматриваются методологические основания управленческого воздействия с целью снижения этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе. Автор обосновывает необходимость принятия мер по снижению напряженности в Москве и останавливается на особенностях социального управления данным социокультурным феноменом. Дается краткая характеристика понимания специфики применения социальных технологий, направленных на нормализацию современного состояния этноконфессиональных отношений.

Ключевые слова: этноконфессиональная напряженность; социальное управление; управленческое воздействие; социальные технологии; нормативное состояние.

Matkarimova G. V.

Lecturer of the Sociology Department of Institute for Foreign Relations and Social and Political Studies, MSLU

METHODOLOGICAL UNDERPINNINGS OF DECREASE OF ETHNO-CONFESSIONAL TENSION IN MOSCOW

The article describes methodological underpinnings of management influence on ethno-confessional tension in Moscow aimed at decreasing it. The author justifies necessity of taking measures designed to decline tension in Moscow and touches upon social management peculiarities of such a socio-cultural phenomenon. Furthermore, the author gives a general outline of understanding specific character of social technologies directed at making current state of ethno-confessional relationships normative.

Key words: ethno-confessional tension; social management; management influence; social technologies; normative state.

Комплекс мер, направленных на оптимизацию и нормализацию этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе, обуславливается ее современным состоянием, или, точнее, «проблемностью» этноконфессиональных отношений, степенью их отклонения от нормативного уровня (определение нормативности

в эмпирических показателях будет раскрыто позже). Другими словами, пути и способы управленческого воздействия на напряженность должны соотноситься с интенсивностью проявления напряженности в конкретном обществе.

Как показали результаты различных исследований, состояние напряженности в Москве можно охарактеризовать как преимущественно неконфликтное, стабильное с небольшой тенденцией к росту уровня напряженности, при котором в ближайшем будущем представляется маловероятным резкий рост уровня этноконфессиональной напряженности, ее переход в критическое, взрывоопасное состояние. Причем, происходящие конфликты имеют точечный, локальный характер, преимущественно в местах компактного проживания/ пребывания представителей тех или иных этносов и конфессий. Тем не менее нынешнее состояние напряженности в столице не соответствует нормативному, вследствие чего существуют определенные социальные последствия напряженности, которые могут представлять угрозу стабильности мультикультурного социума столичного мегаполиса. Все вышесказанное во многом обуславливает необходимость управленческого воздействия на этноконфессиональную напряженность с целью ее снижения и обеспечения мирного сосуществования различных этносов.

Анализ особенностей социального управления предполагает понимание сущности и содержания управленческого воздействия на этноконфессиональную напряженность, поскольку объектом управления является социокультурный феномен. Социальное управление можно определить как основанное на достоверном знании систематическое воздействие субъекта управления на социальный объект с тем, чтобы обеспечить его целостность, нормальное функционирование, совершенствование и развитие, достижение заданной цели путем целенаправленного влияния на условия жизни, ценностные ориентации, поведение людей [3]. Таким образом, общими характеристиками социального управления является наличие социального объекта (социальные группы, общности и т. д.) и целенаправленного воздействия на него. Причем данное воздействие производится не собственно на объект управления, а скорее косвенно, на условия его функционирования. Подобный подход характерен и для управленческой деятельности по снижению этноконфессиональной напряженности, поскольку напряженность является объективно существующим феноменом, непосредственное управление которым

представляется невозможным. По этой причине даже само понятие «управление» можно рассматривать как условное, не вполне приемлемое и более точным понятием является «управленческое воздействие» на напряженность.

Следует обратить внимание на то, что сущностное определение социального управления характеризует его как упорядочение противоречивых взаимодействий между индивидуальными, групповыми и общими интересами для их совместной реализации; стабилизацию социальных отношений, приведение их в некую норму [2]. Под нормой понимается оптимальное и обоснованное социальной практикой состояние системы социальных отношений, при котором социальная система сохраняет свои специфические качества, функции и возможности для развития и совершенствования.

Ключевой особенностью социального управления является то, что управленческое воздействие производится на условия, обстоятельства и факторы, в рамках которых развивается объект управления. Также важной особенностью социального управления выступает наличие достоверного, объективного знания об объекте воздействия, что опять же связано со спецификой социального объекта, которая заключается в невероятной сложности социокультурных явлений и процессов, их изменчивости под влиянием огромного числа факторов.

С точки зрения содержания, социальное управление включает анализ, прогнозирование, планирование, принятие решений, организацию исполнения управленческих решений и контроль. В соответствии с социологическими задачами и возможностями, управленческая деятельность по отношению к этноконфессиональной напряженности заключается прежде всего в оценке и прогнозировании последствий развития напряженности, что, в свою очередь, на основе соотнесения нормативного и прогнозного состояния напряженности, позволяет определить цель управленческого воздействия и разработать рекомендации субъектам управления, а также провести контроль эффективности принятых управленческих решений посредством социологического мониторинга.

Объектом управленческого воздействия на этноконфессиональную напряженность являются условия, обстоятельства, в рамках которых функционируют и развиваются этноконфессиональные отношения, а также факторы их обуславливающие. Субъектами управленческого воздействия выступают государственные

учреждения (федеральный, региональный и муниципальный уровни), образовательные учреждения, общественные организации, СМИ, воздействующие на этноконфессиональные отношения.

Социальные технологии являются также важным элементом реализации социальной управленческой деятельности. Социальные технологии управленческого воздействия на этноконфессиональную напряженность можно определить как комплекс «алгоритмизированных» мер, направленных на доведение напряженности до нормативного уровня. Основным средством управленческого воздействия здесь является объективная информация о социокультурных различиях этноконфессиональных общностей, состоянии этноконфессиональной напряженности. И, наконец, можно отметить, необходимость системного подхода в управленческом воздействии на напряженность для эффективного достижения цели управления.

Таким образом, авторский подход к воздействию на этноконфессиональную напряженность с целью ее приведения к оптимальному уровню раскрывается в ряде принципов.

- *Принцип косвенного воздействия* на этноконфессиональную напряженность, согласно которому комплекс мер по снижению уровня напряженности направлен не на саму напряженность как объективно существующее явление, а на условия, обстоятельства и факторы, которые обуславливают этноконфессиональные отношения.

- *Принцип нормативности* обеспечивает понимание управленческого воздействия на этноконфессиональную напряженность как деятельность, направленную на приведение напряженности к определенному нормативному, оптимальному уровню, посредством ее снижения/повышения.

- *Принцип учета социокультурных особенностей* ориентирует на анализ специфики этнокультурных общностей и проявлений напряженности в современном столичном мегаполисе при реализации управленческой деятельности.

- *Принцип технологичности* предполагает применение комплекса технологизированных в своем воздействии мер. Другими словами, данный принцип указывает на использование социальных технологий при снижении этноконфессиональной напряженности.

- *Принцип комплексности*, согласно которому действия, принимаемые в рамках управленческого воздействия на напряженность, должны носить взаимозависимый и взаимообусловленный характер.

- *Принцип системности* обеспечивает понимание управленческой деятельности как системы взаимосвязанных последовательных мер, воздействующих на основные факторы и условия функционирования этноконфессиональных отношений.

- *Принцип гуманности* означает при реализации управленческого воздействия по снижению этноконфессиональной напряженности отказ от мер, дискриминирующих и ущемляющих права тех или иных этноконфессиональных общностей.

- *Принцип учета сложившихся традиционных отношений* ориентирует на сохранение традиционного образа жизни, пространственной локализации этноконфессиональных общностей, которые традиционно проживают в столичном мегаполисе.

- *Принцип обратной связи* предполагает контроль над эффективностью принятых управленческих решений по снижению этноконфессиональной напряженности в столице посредством проведения социологического мониторинга, фиксирующего как текущий уровень напряженности, так и общественную оценку принятых управленческих мер.

Итак, в соответствии с представленным подходом под управленческим воздействием на этноконфессиональную напряженность будем понимать деятельность по реализации комплекса социальных технологий, направленных на приведение современного состояния этноконфессиональных отношений к оптимальному, нормативному состоянию.

Данный комплекс технологий предполагает разработку способов и путей управленческой деятельности с целью снижения напряженности. Общей же целью управленческого воздействия является достижение и поддержание мирного сосуществования представителей различных этноконфессиональных общностей в столичном мегаполисе посредством снижения этноконфессиональной напряженности или ее нормализации.

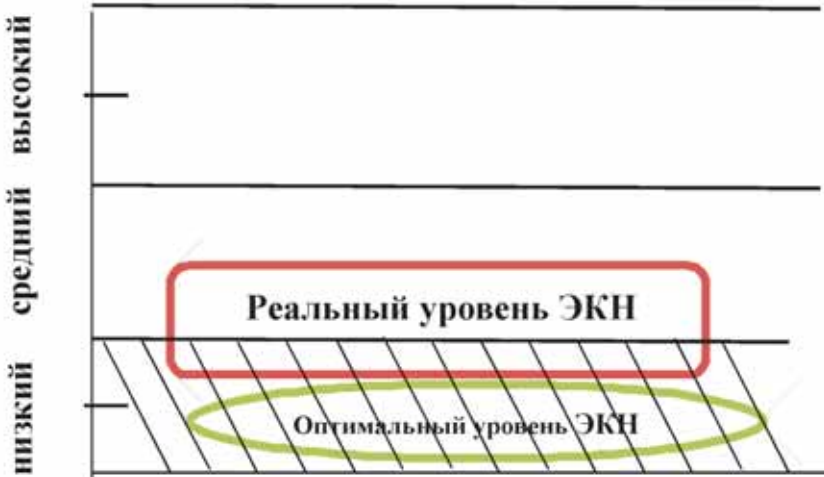
Важным аспектом для понимания процесса управления напряженностью является определение нормальности состояния этноконфессиональных отношений, так как норматив является неким количественным или качественным ориентиром оптимального состояния, к которому необходимо привести состояние того или иного социального объекта [2]. Согласно авторскому подходу, нормативное (или оптимальное) состояние этноконфессиональных отношений

характеризуется минимальной напряженностью, при которой функциональность напряженности превосходит ее дисфункциональность. Согласно разработанной автором шкале этноконфессиональной напряженности, минимальная напряженность выражается через низкий и очень низкий уровни напряженности (или в целом низкий уровень).

Таким образом, при оптимально-минимальном уровне напряженности жителями столицы осознается наличие этнокультурных различий, а также понимание необходимости и важности мирного существования представителей различных этноконфессиональных общностей для эффективного развития столичного социума. На данном уровне слабо выраженная напряженность остается прежде всего на ментальном уровне. Другими словами, люди испытывают слабо выраженную неприязнь к представителям определенных этноконфессиональных общностей и осознают, что в подобном мультикультурном обществе существует конкуренция в экономической, образовательной и других сферах между представителями различных этносов и конфессий. Однако в таком обществе отсутствует выраженная дискриминация по национальному и / или религиозному признакам, социокультурная дистанция минимальна, люди готовы принять представителей других этноконфессиональных общностей в качестве членов семьи, друзей, коллег. Также при данном уровне напряженности не происходит этнизации социальных конфликтов, происходящих в обществе. Вместе с тем, оптимальный уровень напряженности предполагает наличие единичных проявлений напряженности в словесной форме, на бытовом уровне, без перехода в непосредственные деструктивные действия (столкновения, погромы, митинги и т. п.). Причем, религиозная почва подобных столкновений слабо выражена, поэтому они преимущественно связаны с этническими несоответствиями.

Это, в соответствии с нашими представлениями о нормативности, существенно отличает реальное состояние от нормативного, оптимального. И поэтому в результате управленческого воздействия на этноконфессиональную напряженность ее уровень должен снизиться: со среднего и низкого до низкого и очень низкого уровней (схема 1). Причем такой уровень напряженности необходимо достичь среди большинства жителей столицы (порядка 80%), тогда как небольшой процент населения с высоким и очень высоким уровнями напряженности, естественно, в мегаполисе останется.

**Соотношения реального и оптимального (нормативного)
уровней этноконфессиональной напряженности
в современном столичном мегаполисе**

В силу всего вышесказанного, цель реализации комплекса мер по снижению напряженности не состоит в ликвидации или «предотвращении» напряженности либо в приведении состояния напряженности к некоему идеальному состоянию, при котором совершенно не будет конфликтов, неприязни, а в приведении ее к конкретному уровню, при котором состояние этноконфессиональных отношений будет неконфликтным, спокойным, с минимальной вероятностью ее перерастания в ближайшем будущем в открытые столкновения. Это связано с тем, что этноконфессиональная напряженность носит имманентный фоновый характер. Напряженность является всеобъемлющей характеристикой этноконфессиональных отношений, феноменом, сопутствующим любому мультикультурному социуму. Следовательно, невозможно полностью снять напряженность из-за неустранимости этнокультурных несоответствий. Это особенно актуально для столичного мегаполиса, спецификой которого является то, что Москва растет преимущественно за счет приезжих, что приводит к непрерывной интеграции новых людей в принимающее общество.

Также важным элементом управленческого воздействия на напряженность является разработка и реализация социальных технологий. Социальные технологии воплощают в себе теоретическое осмысление той или иной проблемы, требующей решения, и ее анализ через призму результатов эмпирического исследования, а также внедрение теоретических выводов на практическом уровне. Другими словами, они представляют собой «механизм перевода дескриптивных положений социальной науки в их прескриптивное состояние» [1, с. 5]. Основываясь на сущностной характеристике социальных технологий, можно их определить как совокупность взаимосвязанных и скоординированных процедур и операций, осуществляющих воздействие на управляемый объект с целью преобразования его состояния до необходимого, должного, в соответствии с задачами управления. Существует целый ряд научных подходов к пониманию социальных технологий, но мы в данной работе не будем подробно останавливаться на них¹.

Основные этапы разработки и внедрения социальных технологий представлены на схеме 2.

Схема 2

Разработка и внедрение социальной технологии

¹ См.: [1, с. 4–30].

Поскольку социальные технологии одновременно являются некой программой технологизации социальной жизни, а также непосредственно деятельностью в соответствии с этой программой, можно разделить данные этапы условно на две группы: проективные и практические (прикладные). При разработке социальных технологий по снижению этноконфессиональной напряженности необходимо учесть тот факт, что в силу некритичного или взрывоопасного состояния напряженности в современном столичном мегаполисе, технологизация этноконфессиональной напряженности не должна идти по пути «жесткого» управления и социальные технологии не должны быть направлены на кардинальное изменение, «ломку» сложившейся системы этноконфессиональных отношений. Речь скорее идет о некоторой корректировке с целью приведения напряженности до оптимального уровня.

Таким образом, снижение этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе предполагает объективную оценку социальных угроз современного состояния напряженности, учет специфики социального управления и разработку соответствующих социальных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скок А. С. Социальные технологии: традиции и инновации // Социальные технологии в системах управления: сб. науч. докл. / под ред. А. С. Скока. – М. : ВУ, 1997. – С. 4–30.
2. Социальное управление: Словарь / под. ред. В. И. Добренькова, И. М. Слепенкова. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. – 208 с.
3. Социология: Энциклопедический словарь / предисл. Г. В. Осипов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 480 с.

УДК 327

А. С. Мельникова

аспирант кафедры политологии ИМО и СПН МГЛУ;

e-mail: Alexandra225@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются понятия «международная экономическая интеграция» и «интернационализация». Анализируются политические и экономические процессы, их развитие и взаимозависимость в Европейском союзе. Автор сопоставляет разные точки зрения, исследует интеграционные процессы.

Ключевые слова: международная интеграция; политические и экономические процессы; интернационализация; Европейский союз.

Melnikova A. S.

Post-graduate of Political Science Department MSLU

POLITICAL INTEGRATION AS AN OBJECTIVE LAW OF INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS DEVELOPMENT

The article examines terms “international economic integration”, “internationalization”. There is an explanation of political and economic processes and their interdependence and development in the European Union. The author examines and compares the different points of view, analyzes integration processes, draws a conclusion.

Key words: international integration; political and economic processes; internationalization; European Union.

Объективно складывающаяся закономерность политических, экономических и национальных процессов взаимосвязи и взаимозависимости обусловили необходимость разработки и правильного научного использования понятия «международная экономическая интеграция». Она базируется на таких базовых закономерностях, как международная специализация и разделение труда, формах организации производства и концентрации капитала. И в связи с тем что экономические законы развития взаимодействуют с политическими процессами, международная экономическая и политическая интеграция – это объективная форма и содержание современных

политических процессов во взаимодействии с экономикой заинтересованных стран.

В науке существуют и другие термины, характеризующие сложные политико-экономические процессы – «интернационализация», «глобализация». По мнению автора, современный мировой политический процесс развивается в тесном соотношении и взаимодействии тенденций интернационализации, глобализации и международной интеграции. И если глобализация как непрерывный исторический процесс есть пространственная характеристика интернационализации экономического, политического, культурного и других аспектов жизни общества, усилившейся во второй половине XX в., когда она приобрела всемирный охват и достигла предельного развития, то международные интеграционные процессы представляют собой наивысшую на сегодняшний день ступень интернационализации и глобализации хозяйственной жизни. Интеграция как система есть нарастающая экономическая взаимозависимость двух или нескольких стран, перешедшая в сращивание национальных рынков товаров, услуг, капиталов и рабочей силы и формирование целостного полигосударственного социально-экономического организма с единой валютно-финансовой и правовой системами и теснейшей координацией внутренней и внешней экономической политики государств. По многим причинам такой уровень достигим пока лишь в наиболее развитых регионах мира и, следовательно, ограничен региональными рамками [3]. Таким образом, международная интеграция существует и может развиваться в различных формах, причем региональная интеграция – лишь одна из них.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что современная мировая экономика в своем развитии состоит из двух основных направляющих: с одной стороны, возрастающих процессов развития международных и региональных политических отношений, преодоления кризисов в экономике, с другой – активно развивающийся горизонтальный интеграционный процесс между хозяйствующими субъектами, занимающими господствующие конкурентные позиции в различных сегментах мирового рынка. Именно эти две составляющие и определяют характер развития производительных сил в различных сферах мирового производства, обуславливая их трансформацию с учетом субъективных факторов национальных экономик мира. При этом понятно, что именно ведущие страны мира и их

транснациональные корпорации и банки являются основными хозяйствующими субъектами мировой экономики. В свое время в границах национальных экономик, обеспечив материальные и организационные предпосылки и создав конкурентные преимущества на внутреннем рынке, на основе политики диверсификации и специализации своих производств, слияний и поглощений, концентрации капитала, эти субъекты приобретали черты интеграционного производства специализированного продукта на мировых рынках. Например, предпосылкой создания ЕЭС были не правовые решения группы стран Западной Европы, а уже сложившаяся производственная деятельность ряда энергетических, угольных и сталелитейных компаний Нидерландов, Германии и Франции. И лишь затем, в 1950 г. этими и рядом других стран был подписан Парижский договор, а в 1958 г. – Римский договор по вопросам создания уже межгосударственного регионального политического объединения. Именно объективная потребность специализированных компаний угля, стали и энергетических ресурсов трансграничных государств и их активное технологическое и торгово-экономическое сотрудничество на горизонтальном уровне, а также страх перед конкурентными компаниями других стран привели к необходимости разработки этими государствами соответствующих договорных отношений для развития их вертикального торгово-экономического сотрудничества.

Природу формирования процессов международной интеграции можно назвать сложной и многофакторной. Несмотря на то, что она объясняется объективным развитием отраслевой и предметной специализации, международной производственной кооперации и последующей интеграции, характер ее проявления, организационно-экономические формы объединения в единое целое формируются крайне сложно и противоречиво, ибо такое формирование происходит не только на основе экономических законов, но и с учетом политического фактора. Вот почему, казалось бы, сложилось прочное, сбалансированное региональное интеграционное экономическое объединение в форме Евросоюза, однако и оно сегодня находится в крайне сложном положении.

В частности, одной из причин развивающихся тенденций разрушения Евросоюза, АТЭС, ряда региональных объединений являются именно противоречия между экономическими интересами стран и политической целесообразностью их действий в политике

«расширения», «сближения» и т. п. Так, политика Европейского союза по вопросу «продвижения на Восток» и «автоматического» включения десяти стран Южной и Восточной Европы в свою структуру в 2004 г. основывалась не на базе экономических, технологических и научных предпосылок, а исходя из геополитической целесообразности. В результате экономическая (прежде всего финансовая) интеграция Западной Европы начинает разрушаться. Поэтому важно выяснить: что является современной изначальной предпосылкой международной экономической интеграции – международное разделение труда национальных экономик и их хозяйствующих субъектов на базе их специализации или политические, социально-экономические интересы каждого члена такого регионального объединения. Такое объединение, по нашему мнению, возможно на основе относительно равных социально-экономических показателей каждой экономики, а также на базе единой военно-политической стратегии по отношению к другим странам.

Не менее важной теоретической предпосылкой и объективной необходимостью формирования региональных объединений является развитость той или иной национальной экономики, ее присутствие на мировых рынках. Одни страны и их производственный и материальный потенциал обеспечивают конкурентные преимущества в производстве товаров с низкими затратами и высоким качеством, другие страны, не имея таких преимуществ, обладают высоким уровнем развитости природной или производственной инфраструктуры, высоким научным потенциалом и иными преимуществами. Подобная поляризованность в международном разделении труда крайне важное условие для формирования и сбалансированности формируемого регионального рынка.

Не стоит забывать, что одним из основных факторов, обеспечивших формирование и развитие региональной международной интеграции, является международный финансовый капитал как банковский, так и предпринимательский, а также различные инвестиционные фонды и международные финансовые центры, какими являются МВФ, ЕБРР, Европейский инвестиционный банк, ЕЦБ, ЕБСР, что и предопределило необходимость введения единой европейской валюты и соответствующих валютных и фондовых рынков.

Столь мощный процесс экономической интеграции в Европе свидетельствует и об изменениях геополитического характера.

Расширение Европейского союза и формирование «Большой Европы» стало серьезным противовесом жесткому политическому курсу США и показало новые экономические альтернативы, в том числе и финансовые. Позитивный опыт европейской интеграции дает демонстрационный эффект, показывая, как региональная экономическая группировка достигла континентального масштаба и затем перешла к высшей стадии интеграции – государственно-политической.

Развитие и углубление тенденций мирового политического процесса придало современному миру совершенно новое качество. В наши дни основой мировой политики уже не являются исключительно отношения между государствами. Многообразие участников, видов и каналов взаимодействия между ними вытесняет их из центра международного общения, способствует трансформации такого общения из «интернационального» (межгосударственного) в «транснациональное» (осуществляется помимо и без участия государства). Таким образом в реконструкции традиционной системы международных отношений и трансформации роли ее доминирующих субъектов – государств-наций – проявляется политический аспект глобализации. Меняется традиционное восприятие роли государства и значения его формального атрибута – государственного суверенитета. В этих условиях в современной политической науке отмечается резкий подъем интереса к проблеме трансформации («кризиса» и «девальвации») государственного суверенитета [1].

Политическим проявлением процесса глобализации в европейском пространстве является ставший реальностью проект Европейского союза и протекающий в его рамках процесс многоуровневой интеграции. В современной Европе изменение роли государств-наций под воздействием глобализации и усиления наднационального фактора проявилось с особой силой в двух направлениях. *Во-первых*, наблюдается процесс усиления надгосударственной федерализации в рамках Европейского союза, когда государства, его составляющие, фактически «делятся» частями своего суверенитета с наднациональными органами Евросоюза. *Во-вторых*, развитие регионализации, т. е. параллельно и вследствие процесса размывания государственного суверенитета «сверху» в рамках Европейского союза наблюдается такая же тенденция, происходящая уже «снизу», со стороны административных и исторически сложившихся регионов внутри национальных государств Евросоюза [2].

Вполне обоснованно можно подвести итог утверждением, что эволюция интеграционных процессов в Европейском союзе служит уникальным для мировой практики примером экономической и политической интеграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кустарев А.* Кризис государственного суверенитета // Интернет-газета «Полит.Ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/research/2006/10/30/kustarev.html>
2. *Хохлов И. И.* Наднациональность в политике Европейского союза. – М. : Международные отношения, 2007. – 154 с.
3. *Шишков Ю. В.* Европа и процессы глобализации экономики // Современная Европа. – 2000. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ieras.ru/journal/journal1.2000/4.htm>

УДК 338

Е. М. Минин

кандидат исторических наук, доцент
профессор кафедры теории регионоведения ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: mininem47@list.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА РОССИИ

В статье дается общая характеристика Арктическому региону, анализируются позиции северных государств, имеющих выходы в полярные широты и претендующих на освоение арктических богатств, дается оценка запасов полезных ископаемых в регионе, в том числе углеводородов. Особое внимание уделено анализу значения Русского Севера для нашей страны, приводятся преимущества и аргументы России в споре за Арктику с другими государствами-претендентами; характеризуется современное состояние российского атомного ледокольного флота и описываются учения недавно созданных арктических войск России.

Ключевые слова: Арктика; нефтегазовые месторождения; континентальный шельф; исключительная экономическая зона; экология; Северо-Западный проход; Северный морской путь; атомный ледокольный флот; атомный подводный флот; арктические войска; учения воздушно-десантных войск.

Minin E. M.

Dr., Professor of Department of Regional Studies Theorie, Institute of International Relations and Social-Political Sciences, Doctor of History, Docent MSLU

CONTEMPORARY CONDITION AND PROSPECTS FOR FUTURE DEVELOPMENT IN THE ARCTIC REGION OF RUSSIA

The article is devoted to the general description of the Arctic region, analyses viewpoints of the northern states, which have an access to polar latitudes and make a claim for Arctic resources development, makes an evaluation of mineral reserves in the region, including hydrocarbons. The author places special emphasis on the analysis of the Russian North significance for our country, demonstrates Russia's advantages and reasons it rests on in the controversy with other claimant countries surrounding the Arctic Region. The publication considers contemporary condition of nuclear-powered icebreakers fleet and exercise of recently formed Arctic military force of the Russian Federation.

Key words: the Arctic Region; oil and gas fields; continental shelf; exclusive economic zone; ecology; the Northwest Passage; the Northern Sea Route; nuclear-powered icebreakers fleet; nuclear-powered submarine fleet; Arctic military force; airborne troops exercise.

Начало XXI в. было отмечено резким возрастанием интереса к Арктике. Именно здесь, в обширной акватории Северного Ледовитого океана и перманентно мигрирующей точки Северного полюса сходятся интересы, по крайней мере, пяти государств, имеющих выход в этот регион: России, США, Канады, Норвегии и Дании, которая владеет Гренландией – самым большим островом в мире.

Какова причина роста интереса к этому району вечного холода? Ее следует искать в постоянном увеличении мирового потребления углеводородов, обуславливающим рост цен на нефть и газ. В этой связи экономически оправданной становится разработка любых месторождений, даже находящихся в самых неблагоприятных условиях. К тому же, ученые-метеорологи постоянно делают прогнозы о грядущем потеплении, неизбежном таянии арктических льдов и обнажении арктического континентального шельфа.

Уже известны предварительные прогнозы относительно энергетических запасов Арктики. Как полагают эксперты ООН, только разведанные запасы арктической нефти составляют не менее 100 млрд т, что в 2,1 раза превышает нефтяные ресурсы Саудовской Аравии. По данным ряда других независимых экспертов, в этом регионе сосредоточено более 25% всех мировых запасов нефти и газа.

Наиболее крупными разведанными арктическими месторождениями нефти и газа являются:

- *Штокмановское* (Баренцево море; 3,7 трлн куб. м газа и 31 млн т газового конденсата);
- *Приразломное* (южнее о-ва Новая Земля; 46 млн т нефти);
- *Ленинградское* (южнее о-ва Новая Земля; 5,85 трлн куб. м газа и 3 млн т газоконденсата);
- *Русановское* (юго-восточнее о-ва Новая Земля; 780 млрд куб. м газа и 8 млн т газоконденсата);
- *Прудо-Бей* (у побережья Аляски; 95 млн т нефти);
- *Сансет* (у побережья Норвегии; 193 млрд куб. м газа, 5,1 млн т газоконденсата и 95 млн т нефти).

В этой связи даже простые расчеты показывают, что при цене одного барреля в 120 долл. потенциальные нефтяные залежи арктического континентального шельфа можно оценить в 55 трлн долл. Помимо этого, геологи утверждают, что в недрах Арктики находятся крупные месторождения алмазов, золота, олова, никеля [6].

Есть еще одно обстоятельство, делающее Арктику объектом пристального внимания многих государств, даже расположенных вдали от северных широт. Дело в том, что район Арктики – один из немногих регионов мира еще сохраняющих свою первозданную чистоту окружающей среды: здесь чистый воздух, огромные запасы пресной воды. В частности, на Русском Севере находятся устья великих сибирских рек – Оби, Енисея, Лены. Исключительно благоприятная экологическая обстановка в Арктике может в обозримом будущем обусловить ожесточенную борьбу за право пользоваться этим бесценным богатством – экологически чистой, здоровой природной средой.

Вместе с тем, чтобы добраться до арктических природных богатств, необходимо решить сложную задачу: цивилизованно поделить этот обширный экономический район, поскольку Арктика исторически не была разделена между государствами, претендующими на нее.

Русский Север всегда приковывал к себе внимание отечественных первопроходцев. Еще в начале XI в. новгородцы первыми бороздили северные моря на своих кочах, достигли Северной земли. Нашим соотечественникам принадлежит приоритет открытия северных морей для мировой торговли в эпоху Петра Первого. Достаточно одного взгляда на географическую карту, чтобы убедиться, что Север России полнится именами русских первопроходцев, мореплавателей, путешественников. Однако оказывается, что, с точки зрения международного права, эти аргументы еще не обеспечивают нам приоритета в освоении арктических богатств. Наши главные аргументы, способные обеспечить нам «северное первородство», имеют геологическую основу. Дело в том, что подводный хребет Ломоносова, который тянется через арктическое дно, является естественным природным продолжением сибирской геологической платформы. Поэтому мы имеем полное право на продолжение нашего континентального шельфа к Северному полюсу на десятки и сотни километров.

Для подтверждения этого факта в августе 2007 г. была организована специальная экспедиция российских ученых и политиков, которая с помощью батискафов «Мир» произвела заборы воды и грунта океанского дна на глубине более 4 км. Кроме того, в точке Северного полюса на дне Северного Ледовитого океана был установлен

российский флаг: таким образом, экспедиция постаралась «застолбить» дно Арктики за Россией. Одновременно, российское руководство официально подтвердило свое намерение соблюдать положения международного права, но твердо отстаивать при этом в ООН свои права на Арктику [3].

Международное морское право (ММП) определяет понятие «национальной исключительной экономической зоны» как территорию открытого моря шириной до 200 морских миль, в пределах которой прибрежное государство имеет юридическое право вводить свой особый правовой режим, включая суверенное право на разведку и разработку природных ресурсов морских и океанских недр. Кроме этого, в ММП существует также понятие «континентального шельфа», представляющего собой как бы продолжение морского берега под водой. Внешняя граница подводной части такого материка может простираться на расстояние до 350 морских миль. Согласно ММП, континентальный шельф не входит в состав территории приморского государства, на шельф не распространяется его суверенитет, и оно не может им распоряжаться. Поэтому страны-соискатели должны доказать, что примыкающий к их побережью континентальный шельф в геологическом отношении представляет собой продолжение их территории.

В вопросе приоритета в отношении к арктическому континентальному шельфу Россия обладает неоспоримыми преимуществами. *Во-первых*, российское арктическое побережье – самое протяженное: оно простирается от Кольского полуострова до Чукотки. *Во-вторых*, наша страна как правопреемник СССР является членом Международной конвенции по морскому праву 1982 г. Эту конвенцию подписали более 140 стран мира, в отличие от США, которые не ратифицировали этот документ. Кроме того, американское арктическое побережье – небольшое по протяженности; оно сформировано в основном самым северным штатом Аляска и значительно меньше, чем у еще одного претендента на обладание правами на богатства Арктики – Канады. Поэтому позиции США в споре за Аляску с другими северными странами не такие прочные.

Если России удастся доказать свои суверенные права на этот регион, то наша страна сможет получить в свое пользование до 1,5 млн кв. км арктического континентального шельфа. Этот вопрос рассматривается в специальной Комиссии ООН по границам

континентального шельфа. В этой связи следует отметить, что при удачном для России стечении обстоятельств, наша страна может претендовать на арктический континентальный шельф до самого Северного полюса, а также на огромную часть такого шельфа в Охотском море вне пределов 200-мильной зоны. Поэтому Россия уже сейчас готова к ведению разведки и практической разработки за пределами 200-мильной экономической зоны [3].

Однако, чтобы реализовать свои суверенные права на Арктику, России предстоит выдержать жесткую конкуренцию с другими претендентами на обладание этим регионом. В споре с нашей страной выдвигаются самые различные аргументы: от чисто геологических (якобы подводный хребет Ломоносова не является естественным продолжением Сибирской платформы, а представляет собой отдельное плато вулканического происхождения, образовавшееся много позже Евразии) до сугубо политических. Последние представляют собой настойчивые попытки «интернационализировать» Арктику, т. е. сделать ее «достоянием» всего мирового сообщества, включая и те страны, которые не имеют арктического побережья. Уже сейчас более 60 государств заявили о своем намерении принять участие в освоении Арктики.

Вместе с тем, у России в этом регионе есть и союзники, на сотрудничество с которыми она может рассчитывать. К их числу относится, например, Дания, поскольку в сторону ее Гренландии протянулся подводный хребет Ломоносова. Она уже проявляет определенную заинтересованность в таком сотрудничестве. В частности, датчане организовали свою арктическую экспедицию на российском атомном ледоколе «50 лет Победы».

В современных условиях далеко не все подобные споры, к сожалению, решаются в рамках международного права. Часто многие конфликтные ситуации разрешаются с позиции силы. Вместе с тем, все вышесказанное свидетельствует о том, что в этом регионе грянет уже в самом ближайшем будущем настоящая «полярная война». И чтобы ее выиграть, нужны весомые аргументы, в том числе и «силовые». На сегодняшний день таких аргументов нет ни у одной страны, пожалуй, кроме России. Например, у США имеется лишь один конкурентоспособный ледокол – военный ледокол «Хилли». Поэтому выделенных на модернизацию их ледокольного флота 100 млн долл. явно недостаточно. Но вместе с тем, США активно усиливают

свою береговую охрану, ассигновали на ее развитие около 9 млрд долл. США.

Канада, претендуя на монопольное право обладания Северо-Западным проходом, соединяющим Атлантический и Тихий океаны, также спешит усилить свои ВМС в этом регионе. В частности, канадцы уже ассигновали около 7 млрд долл. США на постройку шести патрульных кораблей не ледокольного класса [6].

Многие эксперты полагают, что ведущую роль в «завоевании» Арктики будет принадлежать странам, обладающим мощным флотом ледоколов-проводников и ледоколов супертанкеров. Одновременно не исключается и возможность строительства газо- и нефтепроводов (например, Североевропейского газопровода). В этом плане Россия обладает определенными преимуществами по сравнению с другими северными странами. Наша страна – единственная в мире, имеющая в своем распоряжении атомный ледокольный флот. Только Россия обладает ледоколами класса «Ямал».

Вместе с тем, надо признать, что российский атомный ледокольный флот стремительно стареет, и к 2016 г. он может оказаться практически недееспособным. Новая модель под кодовым названием «Проект 22220» уже разработана в петербургском конструкторском бюро «Айсберг». На строительство новых атомоходов Россия потратит в течение трех лет около 640 млн долл. США [6]. Это не слишком большая сумма для такого масштабного проекта.

Большая часть российских ледоколов находится в ведении государственного ФГУП «Атомфлот» и базируются в Мурманске. В настоящее время в эксплуатации находятся четыре действующих атомных ледокола. Два из них – класса «Арктика». Это – вышеупомянутые «50 лет Победы» и «Ямал». Еще два судна относятся к классу «Таймыр», включая головной корабль проекта и его брата-близнеца «Вайгач». Эти два корабля были построены в Финляндии, но оснащены советскими энергетическими установками.

Ниже приводятся основные тактико-технические характеристики ледоколов, эксплуатируемых ФГУП «Атомфлот».

1. Атомный ледокол «Таймыр» (год постройки – 1989; водоизмещение – 21 тыс. т; мощность силовой установки – 50 тыс. л. с.).

Ледокол построен в конце 1980-х гг. в Финляндии на судостроительном предприятии «Вяртсила Морская Техника» в Хельсинки по заказу Советского Союза. При этом использовались советские оборудование (силовая

установка) и сталь. Введен в эксплуатацию в 1989 г. Предназначен для проводки судов в устья сибирских рек. Отличается уменьшенной осадкой.

2. Атомный ледокол «Вайгач» (год постройки – 1990; водоизмещение – 21 тыс. т; мощность силовой установки – 50 тыс. л. с.).

Корабль спущен на воду в 1989 г., введен в эксплуатацию в 1990 г. Был построен на финской судовой верфи «Вяртсиля Морская Техника» по заказу Советского Союза, однако оборудование (силовая установка и др.) на судне было установлено советское, использовалась сталь советского производства. Предназначен для проводки судов в устья сибирских рек. Отличается уменьшенной осадкой.

3. Атомный ледокол «Ямал» (год постройки – 1992; водоизмещение – 23 тыс. т; мощность силовой установки – 75 тыс. л. с.).

Заложен в 1986 г., спущен на воду в 27 марта 1992 г. Помимо сопровождения экспедиций, обслуживания дрейфующих станций, сопровождения судов, идущих по Северному морскому пути, спасательных работ «Ямал» совершает туристические круизы на Северный полюс.

4. Атомный ледокол «50 лет Победы» (год постройки – 2007; водоизмещение – 25168 т; мощность силовой установки – 75 тыс. л. с.).

Крупнейший в мире атомный ледокол. Заложен 4 октября 1989 г. на Балтийском заводе в Ленинграде. Спущен на воду 29 декабря 1993 г. Дальнейшее строительство было приостановлено и возобновлено только в 2003 г. Введен в эксплуатацию 23 марта 2007 г.

5. Многофункциональное судно-контейнеровоз ледового класса «Россита» (год постройки – 2011; водоизмещение – 4 тыс. т.).

Судно предназначено для транспортировки отработанного ядерного топлива и материалов утилизированных АПЛ с бывших береговых баз ВМФ РФ на Северо-Западе России. Имеет технические параметры, позволяющие осуществлять вход и безопасную стоянку в доках морских портов и на причалах региона. «Россита» является судном ледового класса и предназначено для работы в сложных арктических условиях. Судно спущено на воду в декабре 2010 г. Передано ФГУП «Атомфлот» в июле 2011 г.

Помимо вышеуказанных кораблей компания ФГУП «Атомфлот» эксплуатирует лихтеровоз-контейнеровоз «Севморпуть» мощностью 40 тыс. л. с. Кроме того, эксплуатируются две плавтехбазы («Имандра» и «Лота»), спецтанкер для жидких радиоактивных

отходов «Серебрянка» и судно для обеспечения санитарной обработки персонала и дозиметрического контроля «Роста-1» [1].

В разное время были выведены из состава флота три первых отечественных атомных ледокола – «Ленин», «Арктика» и «Сибирь», причем ни один из них не был разобран. В последние годы выведены из эксплуатации также «Советский Союз» и «Россия».

Действующие атомные ледоколы класса «Арктика» доживают свой век, и к 2016 г. большинство из них будет выведено из эксплуатации. Для ледокола «50 лет Победы» срок плавания будет, скорее всего, продлен, поскольку он был сдан флоту только в 2007 г.

Новый ледокол необходим еще и потому, что он должен собой заменить оба класса ледоколов: и тяжелую «Арктику», и «Таймыр» класса река – море. Новые ледоколы планируется строить на российских предприятиях. В качестве возможных вариантов рассматриваются Объединенная судостроительная корпорация (и ее «Адмиралтейские верфи») и Объединенная промышленная корпорация («Балтийский завод»), обе находятся в Санкт-Петербурге. Всего министерство транспорта запланировало заказать три атомных и три дизель-электрических ледокола [4].

Если Северный морской путь будет обустроен и начнет функционировать, для судов, перевозящих грузы по этому маршруту из Европы на Дальний Восток, путь по сравнению с проходом через Суэцкий канал сокращается на несколько тысяч километров.

Не следует также забывать и о том, что Россия – одна из немногих ядерных держав, имеющая на вооружении ВМФ атомный подводные лодки (АПЛ): как многоцелевые, так и вооруженные межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР). Еще во времена Советского Союза, начиная с 1962 г., наши атомоходы неоднократно совершали подледное плавание в Северной Атлантике, всплывали на Северном полюсе, осуществляли переходы под водой от Кольского полуострова до Камчатки и южнее до Владивостока. Через Северный полюс были рассчитаны и проложены траектории полета советских стратегических межконтинентальных баллистических ракет. Постепенно возрождаясь, российский атомный подводный флот наращивает свои боевые возможности, что может также стать весомым аргументом в споре за Атлантику.

Вместе с тем, в условиях ожидаемого таяния полярных льдов, освобождения северных акваторий от ледового панциря и увеличения

времени навигации в Арктике демонстрировать российский флаг должны будут уже и надводные корабли российского ВМФ, в том числе и большого водоизмещения, такие как авианосцы, крейсера, большие противолодочные корабли (БПК), эсминцы. И тогда России неизбежно придется приступить к строительству крупнотоннажного надводного флота и возрождать отечественное судостроение.

Конечно, одних ледоколов, подводных атомоходов, крупных надводных кораблей, экспедиций, глубоководных батискафов далеко не достаточно для того, чтобы чувствовать себя уверенно в близящейся «битве за Арктику». Нужна комплексная программа освоения Русского Севера, предполагающая не только восстановление советского уровня хозяйственной деятельности на Севере страны, но и ее существенное усиление. Требуется реанимация пущенного на металл и распроданного советского научного флота, восстановление опыта исследований и освоения Северного морского пути, осуществления ежегодного «северного завоза». Самый весомый аргумент в наших претензиях на Арктический регион – это хорошо обжитой, обустроенный и освоенный Север.

Существует еще одна проблема, связанная с освоением Арктического региона, на первый взгляд, чисто гипотетическая, но при ближайшем рассмотрении – вполне реальная. Это – угроза терроризма, которая может серьезно затронуть потенциально богатую Арктику, как только таяние льдов очистит Северо-Западный проход. В этой связи весьма своевременными и оправданными являются меры, предпринимаемые российским военно-политическим руководством по формированию специальных воинских подразделений для действий в арктических условиях и их практическому применению. Речь идет о создании арктических войск, специально оснащенных, вооруженных и способных действовать в полярных условиях. Так, 11–14 марта 2014 г. впервые в истории Вооруженные силы РФ провели масштабные учения по выброске десанта в арктических широтах, на острове Котельный, который расположен на архипелаге Новосибирские острова. В ходе учений парашютно-десантный батальон численностью 350 человек, доставленный в район десантирования на шести Ил-76, высадился в Арктике – на площадку приземления «Темп» на Новосибирских островах. В течение 40 мин. после приземления десантники «захватили» аэродром, причем им противодействовал условный противник с мобильными группами на снегоходах

и парaplанах. Всего в учениях было задействовано около 4 тыс. десантников, 36 воздушных судов военно-транспортной и армейской авиации, около 500 единиц военной техники и вооружения [2].

Бойцы воздушного десанта были одеты в арктический спецкомплект одежды, способный выдерживать до -50° мороза. Десантирование проводилось при температуре -20° , ветре – 14 м/с (допустимая скорость ветра при десантировании составляет 10 м/с у земли и 12 м/с на высоте). По заявлению Главкома ВДВ генерала В. Шаманова, «при таких плохих погодных условиях никто в мире, кроме нас, с парашютом не прыгает» [5]. Здесь мы, как и раньше сохраняем лидирующие позиции в мире.

Столь масштабные учения воздушно-десантных войск проводились в России впервые за 20 лет. Ранее Министр обороны России С. Шойгу заявил, что развитие инфраструктуры в Арктике станет одним из приоритетных направлений деятельности Минобороны в 2014 г.

Эта масштабная по численности задействованных сил и средств и уникальная по условиям ее проведения операция убедительно показала важность освоения Арктики для России и решительность ее намерений оставаться в регионе всерьез и надолго.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атомный ледокольный флот [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rosatom.ru/.../activity/nuclearicebreakerfleet
2. В Арктике впервые провели высадку российского десанта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.rambler.ru/24085410/>
3. Куртов А. Флаги над Арктикой. Будут ли богатства России прирастать арктическим шельфом? // Литературная газета. – 2008. – № 26.
4. Ледокольный флот России. Атомные ледоколы нового поколения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bport.info/news/2011/09/22/ледокольный_флот
5. Степанов А. При ледяном штормовом ветре русский десант занял Арктику // Вечерняя Москва. – 2014. – № 54.
6. Щипанов М. Тревожный путь на Север. Ведущие державы мира готовы вступить в схватку за район вечных холодов // Вечерняя Москва. – 2012. – № 58.

УДК 94(100)1914/19

Ю. А. Михалёв

кандидат политических наук, доцент
доцент кафедры политологии ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: mihalevyri@yandex.ru

УДАРНЫЕ ЧАСТИ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются цели, задачи, принципы комплектования и деятельность ударных частей и подразделений Русской армии в мае – декабре 1917 г. Особое внимание уделено принципиальным различиям между добровольческими батальонами (ротами) и ударными частями из волонтеров тыла.

Ключевые слова: ударные части; «батальоны смерти»; летнее наступление 1917 г.; Первая мировая война; межреволюционный период.

Mikhalev Y. A.

MSLU IIR and SPS, Docent of Political Science Department,
Doctor of Political science, Docent

STRIKE TROOPS AND UNITS OF THE RUSSIAN ARMY DURING INTERREVOLUTIONARY PERIOD IN THE FIRST WORLD WAR

This article reveals the goals, objectives, principles of recruitment and activities of the strike troops and units of the Russian army in a period May–December 1917. Special attention is paid to the fundamental difference between volunteer battalions (companies) and the strike troops completed of the volunteers from the rear.

Key words: strike troops; the deadly squads; summer offensive of 1917; the First World War; interrevolutionary period.

7 (20) мая 1917 г. в Петрограде начал работу Всероссийский съезд офицерских депутатов, на котором среди прочих был рассмотрен вопрос о подготовке наступления. Делегаты отмечали, что «для наступления у нас все готово, кроме духа <...> После переворота дух армии, ее боеспособность понизилась. Армия временно расстроена...» [8, № 113]. Однако, несмотря на столь неутешительные выводы, съездом была принята резолюция (210 голосов против 69), гласившая, что «на фронте необходимо немедленное и решительное наступление, в котором жизнь и залог победы. Братание и оборона без наступления есть безмолвный сепаратный мир, ведущий

к гибели и позору свободную Россию...» [8, № 115]. 12 (25) мая был опубликован приказ военного и морского министра А. Ф. Керенского «О наступлении» [8, № 113].

В связи с предстоящим наступлением Временное правительство и русское командование лихорадочно искали быстрые и эффективные пути повышения боеспособности армии, но сделать это в крайне сжатые сроки было сложно. Поэтому принимались меры, в том числе и пропагандистского характера. Одной из них стало формирование ударных добровольческих батальонов. В мае 1917 г. командующему Восьмой армией генералу от инфантерии Л. Г. Корнилову был представлен доклад капитана М. О. Неженцева, в котором предлагалось немедленно начать формирование при штабах армий и корпусов, а также во всех полках действующей армии ударных отрядов из добровольцев, готовых без колебания пожертвовать собой во имя победы. По его мнению, такие отряды следовало бы бросать на прорыв самых укрепленных позиций противника, дабы добровольцы своим примером воодушевляли войска. В это же время к главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта генералу от кавалерии А. А. Брусилову поступил проект капитана М. А. Муравьева о формировании ударных частей из добровольцев тыла.

23 мая (5 июня) эта идея была поддержана исполнительным комитетом Юго-Западного фронта, обратившимся к личному составу с соответствующим воззванием [4]. Девизом «ударников» был провозглашен лозунг: «За землю и волю, за мир всего мира с оружием в руках – вперед!» Характерно, что в воззвании призыв записываться в «ударники» был обращен к солдатам и офицерам действующей армии, а не тыловых гарнизонов, как предлагал М. А. Муравьев. А. А. Брусилов, назначенный на пост Верховного главнокомандующего 22 мая (4 июня), поддержал эту инициативу, объявив себя первым «ударником» и призвал последовать его примеру других фронтовиков. Первый такой батальон был сформирован на Юго-Западном фронте, и в дальнейшем начинание было поддержано на других фронтах. Так в России было положено начало движению революционного военного «ударничества».

«Батальоны смерти» из добровольцев фронта создавались сверхштатно при дивизиях действующей армии. Для их формирования в соединениях были образованы специальные комиссии. Поскольку не исключалось, что число добровольцев может превысить

необходимое количество, предусматривался выбор наиболее сильных, выносливых и побывавших в боях претендентов, а остальные подлежали записи в резерв для последующего восполнения убыли личного состава. При этом батальоны смерти имели усиленные штаты и подлежали обязательному укомплектованию [10].

В этих подразделениях значительное внимание уделялось созданию крепкой «спайки» между военнослужащими, развитию чувства взаимной выручки «до крайних пределов», твердости характера и выносливости как физической, так и моральной, а также воспитанию солдат и офицеров в духе жертвенного служения революционной Родине, которое начиналось с принятия клятвы смерти и подписания каждым добровольцем клятвенного обещания «беспрекословно, по первому требованию... начальников... атаковать противника, когда и где мне будет приказано».

Для всемерной популяризации ударничества коллективные клятвы соединений, частей и подразделений смерти доводились до сведения остальных войск. В периодической печати публиковались воззвания с призывом о добровольной записи в ударные части («батальоны смерти») с тем, «чтобы в нужный момент примером личной доблести и самоотверженности зажечь огонь любви к родине и свободе, тлеющий в сердце каждого солдата и офицера, и повести их в решительный бой за мир». Ряд подразделений и частей в полном составе изъявили желание стать ударными.

Довольно часто в изданиях рассматриваемого периода можно было встретить упоминания о ратных подвигах подразделений, нередко сопряженных с высокими потерями. Так, газета «Солдатская мысль» опубликовала статью «Слава павшим!», в которой сообщалось об одном ударном батальоне, прибывшем в Петроград за пополнением. Из 1100 солдат и офицеров в нем осталось только 100 военнослужащих. При этом все офицеры пали смертью храбрых. Одни были убиты вражеской пулей; другие, не желая позора, покончили с собой [9]. А печатный орган армейского комитета Двенадцатой армии «Рижский фронт» опубликовал зарисовку «Батальоны смерти в бою», в которой говорится о появлении на Восточном фронте подобных подразделений «с безумной отвагой идущих на гибель». По мнению корреспондента «нашими героями руководило отчаянье и сознательное желание совершить подвиг во имя родины, для ее спасения» и даже «германские командиры вынуждены признать изумительный героизм русских батальонов смерти» [6].

Впрочем, ударные батальоны успешно использовались не только против внешнего, но и против внутреннего врага. Истории известны примеры, когда русским командованием, для усмирения вышедших из подчинения воинских частей и соединений, были применены ударные части. Так было на Румынском фронте против бунтующей 163-й пехотной дивизии и на Юго-Западном фронте против Седьмого сибирского корпуса [7, с. 131].

Формирование ударных подразделений и частей в действующей армии было воспринято неоднозначно. В своих мемуарах генерал-лейтенант А. И. Деникин называл данные формирования не иначе, как «суррогат армии», отмечая при этом, что в них уходили все, «в ком сохранилась еще совесть, или те, кому просто опостылела безрадостная, опошленная до крайности, полная лени, сквернословия и озорства полковая жизнь» [3, с. 346]. В тоже время, не удалась попытка создания революционных штурмовых формирований в латышских стрелковых частях, а большевики вообще рассматривали «батальоны смерти» как «позорное пятно революции» [5]. Тем не менее к моменту Октябрьской революции существовало 313 «формирований смерти», личный состав которых насчитывал свыше 600 тыс. человек [10, с. 50].

Несколько иначе складывалась судьба ударных частей из волонтеров тыла. Идея «формирования особых ударных революционных батальонов, которые при наступлении будут поставлены вместе с лучшими войсками армии, дабы все народы знали, что за свободу и скорый мир поднялся и идет весь русский народ» [2, л. 5 об.], изначально была встречена командным составом в штыки. «Опасным и вредным для армии» назвал создание таких формирований Главный комитет Союза офицеров армии и флота, поскольку разложение войск, по мнению его членов, шло именно из тыла, а декларируемые первоначально в этих новых частях выборность командиров, отсутствие погон и другие факторы могли подать фронту дурной пример. Таким образом, если штурмовые формирования из добровольцев частей действующей армии («батальоны смерти») представлялись высшему командованию хотя и нехарактерным, но все же органичным для войск явлением, то ударные революционные батальоны из волонтеров тыла казались инородным для армии телом.

Однако 13 (26) июня 1917 г. Верховный главнокомандующий генерал от кавалерии А. А. Брусилов издал Приказ № 439, содержавший «План формирования революционных батальонов из волонтеров

тыла», в соответствии с которым на всех фронтах при штабах учреждались комитеты по формированию революционных батальонов, при Ставке образовывался Центральный исполнительный комитет по формированию революционных батальонов, а в Петрограде создавалось организационное бюро Центрального Всероссийского комитета для вербовки волонтеров [2, л. 5]. В приказе выражалась уверенность в «широком содействии в деле формирования революционных батальонов» всеми начальствующими лицами, а главнокомандующим армиями фронтов было предоставлено право корректировать детали плана формирования в соответствии с местными условиями.

Революционные батальоны задумывались как части с крепкой воинской дисциплиной, основой которой было беспрекословное исполнение приказов начальников. При этом основной упор делался не на принуждение, а на революционную сознательность и патриотизм добровольцев. Присягая, волонтер обещал «исполнять безропотно и без протеста на службе и в бою все приказания... начальников... наступать впереди всех, обгоняя передних» [2, л. 5], не сдаваться в плен, не пить спиртного, быть терпимым к политическим убеждениям товарищей по оружию и т. д. [2, л. 10]. Как и у ударников, отличительным знаком формы одежды волонтеров была красно-черная лента, символизировавшая защиту свободы (красный цвет) и нежелание жить, если погибнет Россия (черный цвет), а на погонах – череп с двумя скрещенными костями (черного цвета) как символ бессмертия [2, л. 7].

Формирование данных частей осуществлялось при запасных пехотных полках, куда направлялись завербованные в тылу волонтеры. Каждый батальон получал статус отдельной воинской части и прикомандировывался к пехотной дивизии, с которой в дальнейшем принимал участия в боях. Командный состав укомплектовывался исключительно офицерами-добровольцами с боевым опытом, имевшими за плечами «продолжительное пребывание на боевой позиции в течение первых трех лет войны» [2, л. 9].

В отличие от «батальонов смерти», являвшиеся сверхштатными формированиями частей и соединений, революционные батальоны из волонтеров тыла имели свое знамя, состоявшее из красного полотнища с черным Андреевским крестом с надписью на красном фоне: «За свободу народов, граждане, с оружием вперед!». За боевые

отличия по представлению высшего армейского начальства оборотная сторона красного поля знамени украшалась эмблемой бессмертия – изображением черепа и двумя костями под ним [2, л. 7 об.]. Движение волонтеров тыла вылилось в формирование двух полков, свыше 50 батальонов, и небольших ударных подразделений, которые, хотя и не растворились в многомиллионной войсковой массе, переломить обстановку и принципиально повысить боеспособность Русской армии не смогли.

В сентябре 1917 г. Приказом Военного министра генерал-майора А. И. Верховского создание добровольческих формирований тыла было приостановлено. 9 декабря 1917 г. Верховный главнокомандующий и нарком по военным делам Н. В. Крыленко существование частей смерти, ударных и штурмовых подразделений признал излишним и своим приказ их упразднил [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военная энциклопедия. Т. 1. – М.: Военное изд-во, 1997. – 639 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1779, Оп. 1, Д. 424.
3. Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917. – Минск : Харвест, 2003. – 560 с.
4. Известия армейского комитета XI армии. 1917.
5. Рабочий и солдат. 1917.
6. Рижский фронт. 1917.
7. Росс Н. Г. Ударные части в русской армии (весна и лето 1917 г.) // Новый часовой. 1994. № 2. – 10 с.
8. Русский инвалид. 1917.
9. Солдатская мысль. 1917.
10. Солнцева С. А. Ударные формирования русской армии в 1917 году // Отечественная история. 2007. № 2. – 13 с.

УДК 323

А. В. Незнанова

аспирант кафедры политологии ИМО и СПН МГЛУ;
тел.: 8 495 678 7135

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Автор обращается к вопросу о необходимости развития национальной идентичности в России. В основе исследования – анализ выступлений В. В. Путина, в которых президент апеллирует к тому, что Россия – государство уникальное, достойное главной роли в мировом политическом процессе. Для этого необходима четкая стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. В работе оцениваются перспективы развития гражданской идентичности в современной России, предлагаются меры по ее развитию в обществе. Актуализация темы национальной гражданственности демонстрирует курс на развитие традиционных ценностей в России.

Ключевые слова: национальная идентичность; патриотизм; национальная идея; идеология; суверенитет; ценности; гражданственность.

Neznanova A. V.

Institute of International Relations and Social and Political Sciences,
Department of Political Sciences, post-graduate student

THE NATIONAL STRATEGY OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

This study tackles the problem of national identity development in Russia. At the heart of the research is analysis of Russian President's speeches in which Mr Putin proclaims the country unique, deserving a key role in the global political process. Thereto an efficient national strategy based on the civil patriotism is needed. This research gives an assessment to the civil identity prospects in contemporary Russia, including measures of its development in the society. Revival of public spirit problem shows a policy of traditional Russian civil values evolution.

Key words: national identity; patriotism; national idea; ideology; sovereignty; civil values; public spirit.

Выступая на юбилейной 10-й сессии Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г., президент России В. В. Путин поднял вопрос о необходимости возрождения национальной идентичности в аспекте гражданственности. В этой речи

президент еще раз обратился к идеям, которые были озвучены им за период 2007–2013 гг., обозначенных в международном информационном сообществе как доктрина В. В. Путина.

Квинтэссенция доктрины В. В. Путина – независимость России, восстановление самосознания его граждан [4]. Некоторые российские эксперты утверждают, что это изоляционизм, отказ от европейских ценностей и перезагрузка отношений с обществом [3]. Американские политологи связывают доктрину В. В. Путина лишь с внешней политикой. По их мнению, президент поставил новую всеобъемлющую цель: восстановить экономические, политические и геостратегические активы, утраченные советским государством в 1991 г. [14].

Своей речью на заседании клуба «Валдай» российский президент, как отмечают эксперты, не только произвел сильное впечатление на иностранную и оппозиционную публику, но и произнес одну из важнейших идеологических речей. Вопросы «Кто мы?», «Кем мы хотим быть?» звучат в обществе все громче. Суверенитет, самостоятельность, целостность России – это те красные линии, за которые никому нельзя заходить, как заявил В. В. Путин [10].

Наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции. Основные направления сегодняшней конкуренции, считает В. В. Путин, – экономико-технологическое и идейно-информационное. Также, по его словам, обострится и военно-политическая ситуация. Однако главное, что будет определять успех, считает президент, – качество людей, качество общества – интеллектуальное, духовное, моральное. В этом смысле вопрос обретения и укрепления национальной идентичности действительно носит для России фундаментальный характер.

Он назвал события, серьезно повлиявшие на национальную идентичность, – страна и люди дважды пережили распад государственности. «В результате получили разрушительный удар по культурному и духовному коду нации, столкнулись с разрывом традиций и единства истории, с деморализацией общества, с дефицитом взаимного доверия и ответственности. Именно в этом многие корни острых проблем, с которыми мы сталкиваемся» [10].

Идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху, не могут быть построены на основе идеологической

монополии. Необходимо историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идеи, осмысление наших традиций. «Вопросы оценки тех или иных исторических событий до сих пор раскалывают страну и общество. Мы должны залечить эти раны, восстановить целостность исторической ткани», – подчеркнул В. В. Путин [10].

Президент говорит о ценности для государства каждого отдельного человека и отмечает, что не технический прогресс будет вести наше общество вперед, а человек. «Именно образованные, творческие, физически и духовно здоровые люди, а не природные ресурсы или ядерное оружие, будут главной силой России этого и последующего веков. У нас больше нет не только права, но и возможности бросать в топку развития миллионы людей, – отметил президент. – Нужно беречь каждого» [10].

Россия, как образно считал русский философ К. Н. Леонтьев (1831–1891), всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России [6]. Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве.

Контент-анализ речи В. В. Путина показал, что в докладе девять раз употребляются слова *идеология*, *идеологический*. Более того, обществу предложен новый термин *идеология национального развития*. Однокоренные слова *идея*, *идейно* – 12 раз. А понятие *идентичность* из уст президента прозвучало 16 раз. Можно оценить употребление этих однокоренных слов как попытку редактирования 13-й статьи Конституции РФ, в которой говорится о запрете идеологии.

Еще в своих предвыборных статьях В. В. Путин писал, что Россия – многонациональное государство, и «нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме» [12]. Президент подчеркнул уникальность России, сказав: «Цели нашей внешней политики имеют стратегический, неконъюнктурный характер и отражают уникальное место России на мировой политической карте, ее роль в истории, в развитии цивилизации» [11, с. 1].

Корень проблемы российской идентичности президент видит в слабом инвестировании в культурные индустрии, в их продвижение

на глобальном рынке: «Мы должны в несколько раз усилить образовательное и культурное присутствие в мире – и на порядок увеличить его в странах, где часть населения говорит на русском или понимает русский» [11, с. 2].

Анализ выступления В. В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 2007 г. показывает, что основные затронутые им вопросы касаются требования равноправного глобального сотрудничества. Россия позиционирует себя как равноправного и равноценного партнера. Никогда еще глава России не высказывался столь жестко и твердо против однополярного мира и доминирующих в этом мире порядков. В. В. Путин не обошел ни одного наболевшего вопроса мировой политики – от попыток США экспортировать демократию в страны третьего мира до расширения НАТО на Восток и размещения в Европе американской системы ПРО. Реакция не заставила ждать. Одни сравнили эффект от выступления В. В. Путина с «холодным душем, обрушившимся на западных политиков» [13, с. 3], другие вспомнили знаменитую речь У. Черчилля в Фултоне в 1946 г., с которой началась холодная война. Президент публично сказал о том, о чем не осмеливались говорить вслух ни ведущие мировые политики, ни крупнейшие СМИ.

Вот что писала в 2007 г. о путинской речи британская газета «The Financial Times»: «В. Путин своим крайне резким выступлением фактически бросил перчатку Западу. Он заявил, что США, ведущие незаконные односторонние военные действия, сделали весь мир более опасным... В. Путин провозгласил конец однополярного мира и заявил, что его строительство привело США к провалу, от которого пострадали все» [13, с. 3].

В ежегодном Послании Федеральному собранию 12 декабря 2013 г. В. В. Путин продолжает тему национальной уникальности России. По его словам, в условиях того, что мировое развитие становится все более противоречивым и более динамичным, возрастает историческая ответственность России. «Мы не претендуем на звание какой-то сверхдержавы, понимаемое как претензии на мировую или региональную гегемонию, не покушаемся ни на чьи интересы, никому не навязываем свое покровительство, никого не пытаемся учить жить. Но мы будем стремиться быть лидерами, защищая международное право, добиваясь уважения к национальному суверенитету, самостоятельности и самобытности народов. И это

абсолютно объективно и объяснимо для такого государства, как Россия, с ее великой историей и культурой, с многовековым опытом не так называемой толерантности, бесполой и бесплодной, а именно совместной, органичной жизни разных народов в рамках одного единого государства. Мы знаем, что в мире все больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа» [10]. Конечно, это консервативная позиция. Но, говоря словами Н. Бердяева (1874–1948), смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз [1, с. 93].

Тему соблюдения международного права, отказ от претензий США на мировое господство и национальную исключительность В. В. Путин продолжает в своей статье для «The New York Times»: «Мы должны считаться с Советом Безопасности ООН и уверовать в то, что защита закона и порядка в сегодняшнем сложном и бурном мире – один из немногих способов сохранить международные отношения от погружения в хаос» [15].

Дискурс на тему отказа от однополярного мира продолжился и в 2014 г. Наиболее ярким примером тому послужило воссоединение Крыма с Россией, нежелание Запада принимать результаты референдума на полуострове и, как следствие, санкции против России. В. В. Путин в своем обращении к депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, руководителям регионов России призвал международное сообщество отказаться от риторики холодной войны и признать, что «Россия – самостоятельный, активный участник международной жизни, у нее, как и у других стран, есть национальные интересы, которые нужно учитывать и уважать» [8]. В свою очередь спикер Совета Федерации В. И. Матвиенко на заявления американского президента Б. Обамы, который назвал Россию региональной державой, которая не из силы, а из слабости угрожает некоторым своим близким соседям, сказала, что Вашингтон не желает признать, что мир уже не является однополярным, и Россия – это мировая держава, серьезно интегрированная в глобальную экономическую систему [6].

Актуализация темы национальной гражданственности демонстрирует курс на развитие российской идентичности, патриотизма, национальной идеи. Курс знаменует опору на традиционные гражданские ценности России, в русле которого и «цветущая сложность»

К. Н. Леонтьева [5], и гражданственность И. А. Ильина (1882–1954) [4], и «русский код» нашей современницы Н. А. Нарочницкой [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бердяев Н. А.* Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. – Берлин : Обелиск, 1923. – 246 с.
2. *Гонтмахер Е.* Доктрина Путина-1 // Полит.ру. – 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2012/10/22/gontmakher>
3. *Делягин М.* Доктрина Путина // Агентство политических новостей. – 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article11350.htm>
4. *Ильин И. А.* Наши задачи : в 2 т. – Т. 2. – М: АЙРИС-пресс, 2008. – 507 с.
5. *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство. – М. : АСТ, 2007. – 571 с.
6. *Матвиенко В. И.* Заявления Обамы о слабости России говорят «об агонии США» // РИА Новости. – 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140326/1001171562.html>
7. *Нарочницкая Н. А.* Русский код развития. Серия «Служить России». – М. : Книжный мир, 2013. – 352 с.
8. Обращение президента Российской Федерации, Кремль // Стенограмма. – 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/20603>
9. Послание президента Федеральному Собранию, Кремль // Стенограмма. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/19825>
10. *Путин В. В.* Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» : Стенограмма. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/19243>
11. *Путин В. В.* Россия и меняющийся мир // Московские новости. – 2012. – № 225.
12. *Путин В. В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
13. *Степанов А.* Эхо Мюнхена // Российская газета. – 2007. – № 4296.
14. *Aron L.* The Putin Doctrine – Russia's Quest to Rebuild the Soviet State // Foreign Affairs (USA). – 2013. – URL : <http://www.foreignaffairs.com/articles/139049/leon-aron/the-putin-doctrine>
15. *Putin V.* A Plea for Caution From Russia: What Putin Has to Say to Americans About Syria // The New York Times (USA). – 2013. – URL : http://www.nytimes.com/2013/09/12/opinion/putin-plea-for-caution-from-russia-on-syria.html?_r=3&hp&

УДК 327.7

А. С. Овасапян

аспирант кафедры политологии ИМО и СПН МГЛУ;

e-mail: hovasapyan-1987@mail.ru

ВСТУПЛЕНИЕ АРМЕНИИ В ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

В статье рассматривается изменение геополитической ситуации на Южном Кавказе в связи с перспективой вступления Армении в Таможенный союз; анализируются события, демонстрирующие намерения Армении присоединиться к пророссийской интеграционной модели развития. Делается вывод о том, что вхождение Армении в один из перспективных интеграционных проектов современности – процесс сложный и длительный, во многом определяющийся как ее политическим курсом интегрирования, так и геополитической конфигурацией на Южном Кавказе.

Ключевые слова: Таможенный союз; Европейский союз; Восточное партнерство; Евразийский экономический союз; геоэкономические отношения; стратегический партнер; экономическое пространство; интеграция.

Hovasapyan A. S.

Post-graduate student of Chair of Political Science, MSLU

AN ACCESSION OF ARMENIA TO THE CUSTOMS UNION AND ITS CONSEQUENCES TO THE GEOPOLITICAL SITUATION IN THE SOUTH CAUCASUS

The article is dedicated to the change of a geopolitical situation in the South Caucasus, in connection to the possible entry of Armenia into the Customs Union. In the last few years the countries of the South Caucasus have been in the spotlight of not only their direct neighbors, such as Russia, Turkey, Iran, but also of the global actors, such as the EU, USA and China. Each country of the South Caucasian triangle, in turn, tries to choose for itself the most salutary integration path. This article intends to discuss the events which indicated to intentions of Armenia to choose the pro-Russian integration model of development. Finally the author concluded that the entry of Armenia into the one of perspective integration projects of the present was a difficult and long process, which depended on the political policy of integration, and on the geopolitical configuration in the South Caucasus.

Key words: Customs union; European union; Eastern partnership; Eurasian union; geo-economic relations; strategic partner; Economic space; integration.

Армения издавна поддерживает тесные экономические отношения с Россией, однако к вопросу вступления в Таможенный союз мнение официальных кругов Армении оставалось неоднозначным. Армения, чтобы не потерять расположения противостоящих друг другу центров влияния, применяла практику осторожного расширения торговых связей как с Евросоюзом, так и с РФ с целью диверсификации и расширения экономического потенциала страны. Однако в преддверии саммита «Восточного партнерства» в ноябре 2013 г. политические усилия России склонили Армению в сторону евразийского пути развития. Так, 3 сентября 2013 г. президент Армении С. Саргсян на встрече с российским президентом В. Путиным заявил, что Армения готова вступить в Таможенный союз, в который входят Россия, Казахстан и Беларусь, и принять участие в формировании Евразийского экономического союза. Что же касается Евросоюза, то в Вильнюсе в рамках «Восточного партнерства» планировалось подписание соглашения об ассоциации между Евросоюзом и Арменией, которое предполагало также создание зоны свободной торговли.

Вступление Армении в Таможенный союз, очевидно, повлияет на геополитическую ситуацию в регионе Южного Кавказа. Общеизвестно, что Армения с Россией не имеет общих границ, поэтому для развития таможенных и торговых отношений потребуется транзитная страна. Учитывая тот факт, что между Арменией и Азербайджаном не существует дипломатических отношений, и граница между ними закрыта в связи с Нагорно-Карабахским конфликтом, то единственным транзитным государством между Арменией и Россией остается Грузия. Сегодня больше половины объема грузоперевозок между Республикой Арменией и странами Таможенного союза осуществляются через Грузию. В связи с этим для решения вопросов по транзиту может использоваться практика транзитных соглашений (например, как с Калининградом и Литвой).

Для России приоритетными проектами в Армении считаются продление срока действия Армянской АЭС до 2026 г.; участие Газпрома в строительстве газопровода Иран – Армения; обновление Севана-Разданского каскада ГЭС (одного из крупнейших на Южном Кавказе) с помощью Интер РАО ЕЭС [6]. Эти проекты позволят увеличить экспорт электроэнергии из Армении, что представляет интерес для многих соседних стран.

Какие же дивиденды имеет Армения от Таможенного союза?

При вступлении Армении в Таможенный союз, в условиях нынешней экономики в краткосрочной перспективе ВВП Армении увеличится на 4 %, а при подписании договора об ассоциации с Евросоюзом на 2,3 %.

Вступление Армении в Таможенный союз предполагает экономическую безопасность, прямые инвестиции в ее экономику из других стран Таможенного союза и рост занятости населения. Договор об экономической безопасности означает то, что разница между внутренними и внешними ценами будет доведена до минимума, т. е. на первом этапе сотрудничества Армении с Таможенным союзом цена газа понизится примерно на 30 % за счет ликвидации таможенной пошлины и в результате чего в течение пяти лет Армения сэкономит 750 млн долл. США. На 30 % снизятся цены на нефтепродукты, экспортируемые из России. А это весьма важно, особенно для такой страны, как Армения, которая не располагает собственными углеводородными ресурсами. Здесь следует согласиться с мнением по данному вопросу политического эксперта В. К. Белозёрова относительно того, что «определяющим фактором мирового развития становится исчерпание ископаемых природных ресурсов, в первую очередь, углеводородов» [1, с. 13].

Еще одно преимущество состоит в том, что армянские компании получают доступ к рынку госзаказов стран, входящих в Таможенный союз. Следует обратить внимание на то, что на территории ЕС проживает 900 тыс. армян, в то время как в России число армянской диаспоры достигает 2,2 млн человек, из которых 800 тыс. зарегистрированы в миграционных службах. Подписание подобных договоров ведет к улучшению социально-экономического положения армянских рабочих.

На Южном Кавказе возникнет экономическая зона Таможенного союза, которая будет граничить с Ираном. На изменение геополитической и экономической ситуации на Южном Кавказе может повлиять также реализация проекта прямого железнодорожного сообщения между Арменией и Ираном. Для строительства ирано-армянской железной дороги будет инвестировано 500 млн долл. США, поскольку этот проект имеет стратегическое значение как для России и Армении, так и для Ирана. Евразийским банком уже предоставлены 100 млн долл. США для строительства транспортного коридора Север – Юг. Предполагаются

также дополнительные инвестиции для модернизации армянской АЭС и строительства новой.

Осуществление этого проекта, в рамках Таможенного союза, даст возможность проложить наиболее короткий сухопутный маршрут для экспортных товаров к морским портам Персидского залива.

Армения играет ключевую роль для Ирана в качестве стратегического партнера, с помощью которого Иран намеревается строить и развивать геэкономические отношения с христианским миром. В 1990-х гг. в Тегеране существовали некоторые сомнения о реальной независимости Армении. Однако все это осталось в прошлом, и сейчас иранцы считают армянский народ надежным партнером, с которым можно развивать активные международные отношения. Как для России, так и для Ирана Армения остается единственным стратегическим партнером на Южном Кавказе, и именно поэтому и существует соперничество между Ираном и Россией, направленное на укрепление своих позиций в Армении [5].

Иран заинтересован в сближении и развитии сотрудничества Армении с НАТО и Евросоюзом, и даже в членстве Армении в этих структурах. Причина состоит в том, что при вышеуказанной конфигурации Иран становится страной, непосредственно граничащей с европейской политикой и экономикой.

Следует отметить, что официальный Тегеран стал более активно продвигать свою дипломатическую линию на Южном Кавказе после Русско-грузинского конфликта в 2008 г. В первую очередь Иран, воспользовавшись этой ситуацией, начал активно развивать свои экономические связи с государствами Южного Кавказа и способствовать расширению энерготранспортных коридоров в регионе. Однако следует отметить, что Иран так и не смог занять место России. Так эксперт по вопросам международных отношений Л. Савин считает, что «...в каком-то смысле Иран подыгрывает Москве, так как рассчитывает на дальнейшее партнерство, особенно в вопросе защиты от возможных санкций со стороны Совета Безопасности ООН» [4, с. 2].

Кроме того, ранее Россия и Иран пришли к соглашению о необходимости избегать конфронтации на Кавказе. Это, конечно, в первую очередь вызвано взаимными интересами в вопросах каспийских энергоресурсов и их транспортировки, хотя позиции Москвы и Тегерана в вопросах о разграничении Каспийского моря сильно

отличаются. Россия выступает за то, чтобы линией раздела была срединная линия, что серьезно ограничит долю Ирана в каспийских энергетических проектах.

Вступление Армении в Таможенный союз 3 сентября 2013 г. было для Ирана неожиданным; он понимает, что это приведет к снижению объема товарооборота, так как таможенные пошлины вырастут в два–три раза. Однако даже не это обеспокоило политический истеблишмент Ирана, а тот факт, что Россия контролирует развитие инфраструктуры в Армении, препятствуя установлению связей Ирана с европейскими государствами. В нынешних условиях Ирану остается лишь одно, развивать новую политику сотрудничества с Арменией, сделавшей свой выбор в сторону России. В таком распорядке особое значение имеет проект железной дороги Россия – Абхазия – Грузия – Армения – Иран, которая, несомненно, будет выгодной для каждого государства – участника проекта.

После волеизъявления Армении вступить в общее экономическое пространство, Кремль ответил обещаниями инвестировать 15 млрд руб. в развитие железнодорожной сети южнокавказской республики. 18 января 2013 г. по поручению президента Армении С. Саргсяна министр транспорта и связи Армении объявил о запуске проектов «Южная железная дорога Армении» и «Южная скоростная трасса Армении», оцениваемых в 3 млрд долл. США. В тот же день между ЗАО «Южно-Кавказская железная дорога», министерством транспорта и связи Армении и компанией «Rasia FZE» (зарегистрирована в ОАЭ) был подписан трехсторонний Меморандум о взаимопонимании по региональному сотрудничеству [2, с.].

Особенно интересным является и то, что после предполагаемого вступления Армении в Таможенный союз, может начаться переговорный процесс о вступлении Ирана в Таможенный союз и формировании новой оси Беларусь – Россия – Казахстан – Иран – Армения, который позволит каждому из независимых, но объединенных общей идеей и экономическими преимуществами государств решить целый комплекс внутривнутриполитических и внутриэкономических проблем.

По мнению американских специалистов по Кавказу, в регионе разворачивается интересный сценарий пересечения двух геополитических векторов. Ось Север – Юг представляет линия Россия – Армения – Иран, в то время как ось Запад – Восток выражена во

взаимодействии Турции, Грузии и Азербайджана, которые проводят проамериканскую политику в регионе [7].

На Южном Кавказе активно разворачиваются интеграционно-сопернические процессы: «Восточное партнерство» в рамках ЕС, различные интеграционные форматы тюркоязычных стран, ГУАМ, который может считаться западной интеграционной программой постсоветского пространства (хотя на данный момент это региональное объединение активно не проявляет себя, но выступает против интеграционных интересов РФ на постсоветском пространстве).

В декабре 2012 г. госсекретарь США Х. Клинтон во время пресс-конференции в Дублине отметила, что США выступают против воссоздания Советов за так называемой экономической вуалью и всячески будут противодействовать этим процессам. В последнее десятилетие политика США и ЕС направлена на то, чтобы уменьшить свою энергетическую зависимость от РФ и иметь прямой доступ к богатому энергоресурсами Каспийскому и Центральноазиатскому регионам, ярким примером чего является проект Набукко, который, кстати, так и не был реализован.

Итак, намерение Армении вступить в Таможенный союз несомненно повлияет на геополитическую ситуацию в регионе. В новой геополитической конфигурации Армения выступит в качестве основного военно-стратегического и экономического партнера России на Южном Кавказе, а Россия укрепит свои позиции в регионе. Вступление Армении в Таможенный союз позволит сохранить внутренний баланс между азиатско-мусульманским фактором, который будет укрепляться с вхождением в Евразийский союз Киргизии и, возможно, в перспективе Таджикистана и европейским христианским фактором [3]. Вступление Армении в Таможенный союз – трудоемкий, но перспективный проект, который предполагает согласование интересов всех заинтересованных сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белозёров В. К. Особенности геополитической картины современного мира // Россия и мусульманский мир. – 2013. – № 1. С. 11–16.
2. Заявление пресс-службы Министерства транспорта и связи Армении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/1655268.html>

3. Интервью бывшего российского посла в Армении Вяч. Коваленко информационному portalу «Вестник Кавказа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestikavkaza.ru/articles/Reshenie-Armenii-vstupit-v-TS-ukreplyaet-pozitsii-Rossii-na-YUzhnom-Kavkaze.html>
4. Мнение эксперта по вопросам международных отношений Леонида Савина в статье: «The Effects of Armenia's Decision to Join the Customs Union» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: neplueff.com/category/news/
5. *Нартов Н. А.* Геополитика. – М. : АСТ, 2007. – 211 с.
6. Речь президента РА Сержа Саргсяна во время пресс-конференции по итогам переговоров с президентом РФ Владимиром Путиным [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://panorama.am/ru/economy/2013/09/03/armenia-russia/>
7. *Bulent Aliriza, Jon B. Alterman, Andrew C. Kuchins.* The Turkey, Russia, Iran Nexus driving forces and strategies. – CSIS, March 2013. – 78 p.

УДК 94 (7)

А. Ю. Петров, С. Г. Комаров

Петров А. Ю., доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
профессор кафедры истории и географии МГЛУ;
e-mail: alaska13@yandex.com

Комаров С. Г., преподаватель Калужской духовной семинарии
Русской Православной церкви

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА АЛЯСКЕ И АЛЕУТСКИХ ОСТРОВАХ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением наследия Русской православной церкви на территориях, входивших в состав Российской империи под названием Русская Америка. Показаны основные составляющие этого процесса. Статья подготовлена с использованием методов междисциплинарных подходов.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Русская Америка; Россия; США; Аляска.

Petrov A. Yu., Komarov S. G.

Petrov A. Yu., Dr. Leading Research Fellow in the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Professor in the Department of History and Geography, MSLU

Komarov S. G., Educator in the Kaluga Seminary of The Russian Orthodox Church

HISTORICAL TRADITIONS OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN ALASKA AND ALEUTIAN ISLANDS

The article explores the questions regarding the development of the Russian Orthodox Church on the territories that had been an integral portion of the Russian Empire and called Russian America. The major directions of that process will be explored. The article is written on the basis of an interdisciplinary approach.

Key words: Russian America; Russia; USA; Alaska; Russian Orthodox Church.

Начало нынешнего тысячелетия отмечено особым вниманием к изучению истории православия и его миссионерской составляющей. В современной России пришли к пониманию того, как важно изучение истории распространения православия в Сибири и на

Аляске. Оказалось, что православие продолжает активно развиваться в землях, которые ранее принадлежали Российской империи и назывались Русской Америкой. В этих условиях резко возрос интерес к прогнозам относительно дальнейшей судьбы народов Аляски и к анализу исторического опыта развития православия на американском континенте. Понимание процессов происходящих в современной Америке возможно только с учетом изучения исторических традиций. Только комплексное исследование с учетом современных экспедиционных данных позволит нам в полной мере постичь значение православия в северной части Тихого океана в его историческом развитии.

Аляска – единственный штат в США, где история православия присутствует во всех экспозициях и музеях крупных населенных пунктов. Изучение православия на Аляске является составной частью общеобразовательных программ по истории штата во всех школах и университетах Аляски. Изображения русских православных храмов являются основным атрибутом всей выпускаемой ныне сувенирной продукции. Туристами всех стран мира, посещающими Аляску, Россия и Русская православная церковь воспринимается как единое целое.

Как местные жители, так и пришлые народы полагают историю Русской Америки как мирный и просветительский процесс. А ведь освоение новых территорий и образование колониальных империй, как правило, сопровождалось использованием силы. Так, основание колоний со стороны Атлантического океана проводилось, за редким исключением, массовым изгнанием и уничтожением индейцев. Колонии в Новой Англии были основаны протестантами-пуританами, стремившимися уйти от преследования королевского двора, особенно во времена Марии Кровавой и Реставрации Стюартов. Освоение же земель со стороны Тихого океана – Калифорнии – осуществлялось Испанской империей, которая направляла монахов – иезуитов и францисканцев – на новые земли. Однако там их деятельность держалась в основном на военной силе и повинении индейцев. Россия в процессе освоения новых территорий полагалась в основном на экономико-социальные методы взаимодействия с туземцами, чему в значительной степени способствовала Русская православная церковь. После продажи Аляски США Россия благодаря православной традиции сохранила там свою материальную и духовную культуру в доброй исторической памяти.

Выделим основные направления, по которым проходило это влияние: вширь и вглубь. Вширь – это расширение с точки зрения географических границ. Россия имела свои колонии от Алеутских островов до Калифорнии. Практически в каждом относительно крупном населенном пункте возникали православные храмы. После продажи Аляски деятельность православной церкви переносится и на другие штаты и распространяется по всей стране.

Влияние православия с точки зрения глубинных процессов, или в вертикальном измерении, проявилось в период Русской Америки в строительстве храмов, общеобразовательных учреждений: школ и училищ. В опосредованном смысле через миссионеров это влияние выразилось в огородничестве, ремеслах и других светских занятиях.

Наследие Русской Америки как историко-культурный феномен ныне рассматривается в разных аспектах. В узком смысле – это Аляска, группы Алеутских островов, поселения в Калифорнии, на Гавайских, Курильских и Командорских островах. Это район деятельности Российско-американской компании (РАК), управлявшей данными территориями в 1799–1867 гг. В широком смысле под Русской Америкой понимается Новый Свет, новые рубежи в сознании наших предков. Америка обозначала для них не столько континент, сколько новую, неизвестную землю, границу. Только в первой половине XIX в. из России отправилось более 50 кругосветных экспедиций. Они привели к качественным изменениям в науке, ведь было сделано немало крупных географических открытий. Важно подчеркнуть, что конечной целью практически всех экспедиций была Аляска, а снаряжены они были на средства Российско-американской компании. Без понимания этого фактора и должной оценки финансово-хозяйственной деятельности РАК в России и за ее пределами крайне сложно составить «русский глобус» и изучать российское наследие за рубежом. Поэтому в широком смысле под Русской Америкой подразумеваются страны и регионы, которые посетили участники отечественных кругосветных экспедиций [6].

К пониманию этого положения ученые подошли в процессе кропотливого и сложного научного процесса, составными частями которого были введение в научный оборот больших массивов новых документов и их анализ.

Истоки этого процесса берут свое начало в ранних работах по истории Русской Америки, но дальнейшее развитие они получают

уже в середине XX в. Именно тогда в трудах Н. Н. Болховитинова, Р. В. Макаровой, Р. Пирса и других ученых стали подниматься новые проблемы в истории Русской Америки. В результате появилась серия фундаментальных работ [1; 5; 8].

Накопленный материал, сложившиеся методические принципы исследований позволили ученым создать обстоятельный труд в трех томах «История Русской Америки» (1732–1867), в котором освещены многие стороны почти полуторавекового процесса российской колонизации Аляски [3]. Исследовательская работа авторов трехтомника пришлось на начало 1990-х, когда было мало известно о русском влиянии во внутренних районах Аляски, ограниченными были знания по археологии и лингвистике Русской Америки. Этот труд привлек внимание международного научного сообщества и способствовал дальнейшей разработке, затрагиваемых в нем проблем, но также и высветил те лакуны, которые нуждались в дополнительном изучении. Так, основываясь на источниковом и научно-исследовательском багаже знаний тех лет, Н. Н. Болховитинов высказал мысль о том, что русское наследие исчезло: «От некогда обширных американских владений России не сохранилось ничего. Последние остатки русского наследия в конце XIX в. смыла гигантская волна авантюристов и золотоискателей, хлынувшая в район Клондайка, а затем и на саму Аляску. Призрак русского влияния рассеялся “как дым, как утренний туман”» [3, т. 1, с. 5].

Стереотипы, долгое время превалировавшие в российско-американских отношениях, оказались достаточно распространенными и в научно-образовательной среде. Проблемы, связанные с историей и наследием Русской Америки, часто игнорировались, при этом их затруднялись отнести как к отечественной, так и к американской истории. В итоге, в школьных и вузовских учебниках практически ничего не говорится не только о великих русских географических открытиях в северной части Тихого океана и об истории Русской Америки, но и о наследии этой истории, которое сегодня живо. В то же время распространено множество мифов.

Лишь в последние годы изучение Русской Америки вышло на новый уровень. Вплоть до 2009–2010 гг. у всех, изучающих историю Аляски, были лишь самые общие представления о степени и уровне сохранности там объектов материальной и духовной культуры.

Перелом произошел во многом благодаря публикации фундаментальных работ об истории православной церкви в северной части Тихого океана, введению в научный оборот новых документов и систематическому изучению бывших владений России в ходе специальных научно-исследовательских экспедиций.

Велико значение в изучении и сохранении объектов наследия России состоявшихся в 2009–2013 гг. научно-исследовательских экспедиций под руководством Героя России М. Г. Малахова и научным кураторством А. Ю. Петрова по рекам Юкон, Кускоквим, Иннок, Нушагак и Копер. Эти экспедиции по выявлению памятников русской культуры можно разделить на три этапа. Во время первого этапа участники экспедиции шли на байдарках в условиях, максимально приближенных к середине XIX в., повторив путь рязанца – известного первооткрывателя реки Юкон – Л. А. Загоскина. Во время второго – география была расширена и включала уже пути других русских исследователей Аляски: Г. И. и Н. А. Шелиховых, И. Я. Васильева, П. В. Малахова, С. И. Лукина, священника Я. Нецветова. Третий этап еще более расширил наше представление об исторических маршрутах того времени и включал уже Алеутские острова.

Научные цели экспедиций включали в себя: описание современных социально-экономических условий проживания коренного населения по рекам Юкон и Кускоквим; проведение историко-географических, историко-филологических и этнографических исследований. Целью экспедиции было выявление и описание наследия России в труднодоступных районах Аляски. Также важно было понять и изучить влияния русской культуры на современную жизнь и культуру местных народов, сопоставив с выявленными документами в отечественных и зарубежных архивах и библиотеках.

Во многом благодаря широкому охвату территории в ходе экспедиций был определен значительный пласт российского наследия, который до настоящего момента не являлся предметом специального исследования и не был осмыслен как единое явление.

Исследования проводились на обширной территории проживания двух основных этнических групп – атабаски (коюконы, ингалики, верхнекускоквимцы) и эскимосы-юпик (незначительно – эскимосы-инупиаты). Перед началом экспедиции было выяснено, что большинство обследованных поселений малонаселенные – 50–500 человек.

В ходе полевых исследований было установлено, что до 90% из них – коренные жители. Многие поселки связаны друг с другом водным путем – реками Юкон и Кускоквим, однако существуют населенные пункты полностью отрезанные от других. Доставка всего необходимого происходит только воздушным путем. При выявлении объектов русской культуры важно было учесть и то обстоятельство, что в 1950–1970-е гг. произошло значительное сокращение числа населенных пунктов и их укрупнение.

Полученные результаты стали возможны благодаря активной деятельности священнослужителей – участников экспедиции из Калужской епархии – иерея Романа Глыбовского, протодиакона Сергия Комарова и иеромонаха Макария (Комогорова). Можно сказать, что они стали православными миссионерами XXI в. Они проводили научные исследования в соответствии с разработанными митрополитом Калужским и Боровским Климентом (Капалиным) и А. Ю. Петровым инструкциями. По пути следования экспедиций практически все населенные пункты имели православные приходы. Священнослужители совершали богослужения в православных храмах совместно с духовенством местных православных общин на Аляске. Почти все жители деревень посещают храмы православной церкви в Америке, которая находится в каноническом общении с Русской православной церковью. Однако свои представительства имеют также католическая церковь и протестантские деноминации (Епископальная церковь, Библейская церковь, баптисты и др.).

В ходе изучения селений внутренних районов Аляски было установлено, что большинство православных храмов находится у эскимосов. При опросе местных жителей зафиксирован тот факт, что в их памяти до сих пор сохраняются и передаются из поколения в поколение истории о жизни первых православных миссионеров. Вероятно, самым важным событием в деятельности миссионеров индейцы считают примирение враждующих племен и кланов. Этот факт отмечался и в документах РАК периода Русской Америки. Удивительно, но рассказы местных жителей достаточно точно передают характер христианской проповеди того времени, когда русские миссионеры собирали жителей в специально установленных для этого палатках – походных церквях. Очевидно, что в сознании аборигенов запечатлелась святость новой религии, необходимость соблюдать благоговение в доме Божиим. Объявляя во время крещения

всех братьями во Христе, причащая их от одной чаши, миссионеры оказывали влияние на межплеменные отношения.

Именно через призму православия многие представители коренных народов воспринимают и осознают русский период своей истории. Большинство из них знают имена американских православных святых – священномученика иеромонаха Ювеналия, священномученика Петра Алеута, преподобного Германа Аляскинского, святителя Иннокентия (Вениаминова), праведного Якова (Иакова) Нецветова.

По мнению отечественных и зарубежных исследователей, распространение православия стало основным фактором русского культурного влияния на жизнь аборигенов в этой части Нового Света. Так, Н. Н. Болховитинов отмечал, что именно православная церковь стала главной хранительницей русского наследия в Северной Америке. Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин) первым предпринял изучение деятельности православной церкви на Аляске после 1867 г. В монографическом исследовании он рассматривает историю присутствия Русской православной церкви на Аляске (русский и американский периоды) со времен ее открытия до 1917 г. Он подчеркивал, что православные миссионеры тесно взаимодействовали с паствой и в своей духовной деятельности опирались на изучение и сохранение особенностей культуры коренных народов. Их стараниями сложилась письменность основных этнических групп Аляски, переводились на туземные языки книги Священного писания, богослужебные и вероучительные тексты [4, с. 480].

Как отмечает академик РАН Н. Н. Болховитинов, «прибытие миссии архимандрита Иоасафа в 1794 г. на Кадьяк было не только отправным пунктом, но и своего рода завершением, или точнее, кульминацией процесса первоначального просвещения и Христианизации туземного населения Аляски» [2, с. 131–132].

В отличие от РАК, Русская православная церковь продолжила свою деятельность на Аляске и после того, как та стала американским штатом. Но этот уникальный опыт пока мало отражен в исследовательской литературе.

В настоящее время идет активная работа по сбору источников, которые бы давали более полную картину о сохранившихся объектах духовной и материальной культуры на Аляске и в Калифорнии. Так, счетные книги православных храмов, где указаны суммы и характер пожертвований Церкви являются важным источником сведений об

истории ареала. Из них можно получить сведения о православных священниках, кто из белых американцев, живет в ареале, о местной экономике и культурной практике.

Результаты экспедиционных исследований показали, что, несмотря на то что русский этап на Юконе и Кукоквине был по продолжительности более коротким (1840–1860), по сравнению с прибрежными поселениями – Кадьяк, Уналашка, Атка (вторая половина XVII в. – 1867 г.), многие влияния русской культуры сохранились до нашего времени и играют значительную роль в жизни коренных народов. Среди заимствований – русские слова, встречающиеся в языке индейцев и эскимосов, обозначающие продукты и предметы быта: *чай, сахар, молоко, ложка, платок, баня* и т. д. Подобного словаря русских заимствований не создано до сих пор, но их количество дает основание говорить о существовании особого аляскинского диалекта русского языка. Широкое распространение получили русские фамилии и имена (Кожевников, Иванов, Васка, Питка, Исмайка, Николай и пр.). Все эскимосы и атабаски говорят, что в них течет русская кровь, и это считается предметом гордости.

В ходе экспедиции было впервые выявлено более 30 метрических книг на русском языке, охватывающих период 1852–1950-е гг. В обнаруженных материалах нашли отражение важные статистические сведения по населенным пунктам внутренних районов Аляски. Подобный комплекс документов является достаточно редким. По крайней мере, в Библиотеке Конгресса, в фонде, посвященном деятельности Русской православной церкви на Аляске, и в коллекции Юдина имеются лишь обрывочные сведения соседних районов. Ценно то, что наиболее ранняя книга (1852) содержит автографы Я. Нецетова, причисленного к лику святых Американской православной церковью. Для сохранения столь редких документов специальными службами Аляски принято решение об их передаче в архивохранилище на остров Кадьяк.

Указанные выше материалы позволили сделать вывод, что влияние русских культурных традиций продолжалось и после уступки российских колоний Соединенным Штатам. Все делопроизводство до начала XX в. велось на русском языке, имена и фамилии местных жителей указаны русские, значительной была креольская прослойка (потомки русских, эскимосов и алеутов), указаны и этнические русские, выходцы из России, которые остались жить на Аляске. Местное

население представлено несколькими племенами – это квихпакцы, инкалиты, куюканцы, кольчане, кускоквимцы.

На Аляске сохранилось большое количество памятников истории русского освоения, многие из которых не изучены и не поставлены на охрану. В ходе экспедиции были выявлены могилы и могильные плиты русских колонистов и креолов (в Рашен Мишен), сохранились остатки русских фортов и других построек (форт в Нулато, в Рашен Мишен, Колмаковский редут и др.). Требуется составление реестра объектов, связанных с русской колонизацией, нанесение их на карту и детальное изучение.

В 1844 г. Л. А. Загоскин обнаружил и дал краткую характеристику разрушенного укрепленного поселения в семи милях от устья крайнего правого рукава Юкона – реки Апхун. Оно характерно для многих среднерусских и сибирских городищ – острогов – и полностью вписывается в русскую традицию. В устье Юкона другие русские поселения неизвестны. Более того, местные племена, по свидетельству американских археологов, никогда не строили укреплений. Таким образом, данные Л. А. Загоскина не укладываются в привычную схему освоения Аляски. Возможно, это городище имеет отношение к давней легенде о первом русском поселении на Аляске, основанном в XVII в. людьми с судов Семёна Дежнёва или какой-либо другой экспедиции.

Церкви и часовни названы в честь Св. Германа Аляскинского (Стоуни Ривер), Св. Сергия Радонежского (Чатбалук, 1932), Св. Николая (Крукед Крик, 1945), Св. Петра и Павла (Слитмют, 1950), Св. Серафима Саровского (Нижний Калсаг, 1940), Свв. Ольги, Веры, Надежды, Любви (Бетел, 1974).

Качество церковного убранства и ухоженность церкви и кладбища, а также частота богослужений зависят от того, имеется ли в поселении свой священник: если да, то службы проводятся еженедельно и по праздникам. В противном случае богослужение совершается два раза в год и в праздники или жители посещают храмы соседних деревень, где есть свой священник.

Церковнослужители бережно хранят память о своих предшественниках, знают их имена. Отрадno, что все священники, служившие и служащие сейчас, в Центральной Аляске являются представителями коренного населения. Все они окончили Кадьякскую семинарию – одну из четырех, существующих в США.

Отец Михаил, священник Чатбалука, смог вспомнить четыре посещения этой территории епископом; Бетел ждал владыку осенью прошлого года на освящение нового храма.

Редкое посещение епископом этих территорий, недостаточное число священников может быть объяснено переносом кафедры владыки в Сан-Франциско – территориально аляскинские приходы оказались отдаленными. Кроме того, не все представители аляскинского духовенства в свое время поддержали идею автокефалии Американской православной церкви.

Во всех собранных анкетных сведениях отмечалось, что в каждом поселении имеется по одному православному храму, что обусловлено прежде всего скромными размерами поселений. Численность православной общины может колебаться от 40 человек (Стоуни Ривер, общая численность населения 54 человека) до 300 человек (Бетел, общая численность населения 5 тыс. человек). В старых, основанных еще до продажи Аляски или во второй половине XIX в., поселениях доля православных достигает 98 %, в подавляющем большинстве это представители коренных народов. Респонденты утверждают, что неизменна тенденция возрастания числа лиц православного вероисповедания. Даже в крупных городах штата (Анкоридж, Фэйрбэнкс) ряд православных священников обращены из протестантов (из 45 священников Анкориджа 7 – бывшие протестанты).

Объясняя феномен распространения православия на Аляске, многие американские историки указывают на то, что оно близко по духу базовым языческим традициям. Поэтому туземцам легко оставаться в лоне этой конфессии. Тому приводятся разнообразные примеры: культ предков похож на почитание старцев и местных подвижников, склонность клириков русского обряда к бытовому наставничеству напоминает роль вождя или шамана. С другой стороны, укрепление православия на Аляске можно объяснить толерантностью к местному языку, традициям и т. д. Следует отметить высокую степень активности православных общин, которые организуют детские православные лагеря, воскресные церковные школы. Отмечается, что ранее богослужение происходило на церковнославянском языке и языке юпике, в настоящее же время превалирует английский с небольшой долей русского. Весь ход богослужения признается прямым русским заимствованием. Убранство православных церквей подчинено единому канону. Подавляющее большинство утвари

изготовлено в США в XX в.: иконы, книги на английском языке, богослужебные предметы, православные календари (печатаются в Нью-Джерси). Каждая церковь имеет по одному колоколу, отлитому в США. Небольшое количество колоколов, их дефицит не привел к принятию традиции колокольных звонов, которую местное население может охарактеризовать лишь как частную и редкую. В беседах со священниками отмечалось, что они были бы признательны за получение церковных колоколов из России.

Лишь в селениях Чатбалук и Рашен Мишен был обнаружен значительный пласт русскоязычной церковной литературы и икон конца XIX – начала XX в. Это и Библия, и Священное Писание, и журналы «Отдых христианина», и метрические книги. Сохранилось немало печатных икон конца XIX в., направляемых сюда Святейшим синодом. Участниками экспедиции обнаружены иконы одесской, киевской и московской типографий. Досадно, но в настоящее время русскоязычная литература является лишь реликвией и не востребована по причине незнания русского языка.

После продажи Аляски ее территория была разделена федеральным правительством на секторы, которые были предоставлены представителям различных конфессий для проведения миссионерской деятельности. Как отмечают современные православные священники, эта политика дала определенные плоды. Респондентами отмечалось, что деятельность инославных миссионеров является агрессивной (хотя, это, возможно, и субъективная точка зрения). Противостояние между конфессиями имело отражение и на взаимоотношениях прихожан. К примеру, поселок Калскаг в 1930-х гг. разделился по религиозному признаку – Верхний Калскаг стал католическим, Нижний Калскаг – православным.

Старые поселения, которые традиционно являются православными, отличаются моноконфессиональностью – в них отсутствуют неправославные храмы (исключением является Аниак), в других же селениях присутствуют и прочие конфессии (к примеру, в Верхнем Калскаге одна католическая и две протестантских церкви). Повсеместны смешанные браки представителей разных христианских конфессий. Приверженность православному вероисповеданию можно назвать еще одной русской традицией, прочно вошедшей в жизнь коренного населения Аляски. Одним из объяснений большого авторитета православных священников – их принадлежность

к коренному населению. В ходе экспедиционного исследования не был встречен ни один неправославный священнослужитель – представитель коренных народов.

Местные жители в целом обладают неплохими представлениями по истории православия на Аляске. Они знают о православных святых Аляски, даты основания храмов. Часть молитв воспроизводят на русском языке. В английский язык вошли такие слова, как *матушка*, *Божья* и др.

Православие считается исконной религией местного населения. Жители Алеутских островов называют православную церковь «алеутской». Данные социологических опросов свидетельствуют, что процент православных, перешедших в другие конфессии на порядок ниже числа лиц, перешедших в православие.

За время экспедиции удалось познакомиться с музеем селения МакГрат (из других населенных пунктов музей есть в Бетеле). Так как эти населенные пункты были основаны в XX в., то среди экспонатов отсутствуют те, которые освящают историю православия на Аляске.

В семьях хранятся иконы конца XIX – начала XX в. К примеру, в доме Дикена Ивана (Дикенс Лендинг) хранится икона, которая была подарена его деду русским священником во время крещения. Так как самому Дикену 52 года, то возраст иконы можно определить как превышающий 100 лет.

Местными жителями отмечаются в основном религиозные праздники: Рождество (православное), Пасха, Крещение и др. Светские праздники, такие как День независимости и Новый год справляются в тех поселениях, где доля белого населения является значительной. Традиционный календарь местных жителей, основанный на смене сезонных промыслов, испытал на себе влияние православного.

Подавляющее большинство аляскинских жителей знают, что ранее эта территория принадлежала России. Исключением являются, возможно, лишь дети дошкольного и младшего школьного возраста. Некоторым местным жителям знакомы имена Баранова, Колмакова, Загоскина (несколько человек читали его сочинение, переведенное на английский язык). Знание церковной истории Аляски является гораздо более глубоким. Подавляющее большинство респондентов знают имена и жития православных святых Аляски (св. Петра Алеута, св. Германа Аляскинского, св. Якова Нецветова, св. Иннокентия (Вениаминова), св. Ювеналия). Прихожане наизусть

знают многие молитвы (на английском языке), при этом понимают значение русских вставок.

Весьма интересное отношение к факту продажи Аляски было высказано в селении Крукед Крик: «Продала Россия Аляску и нас вместе с ней».

Национально-региональный компонент в школьной программе представлен весьма слабо – не более двух часов в курсе истории США отводятся истории Аляски. В школах некоторых селений по собственной инициативе проводятся факультативные занятия, на которых изучается культура и история родного края (например, в Чатбаллуке).

В памяти старшего поколения присутствие русских на территории Аляски в годы Второй мировой войны, деятельность советских офицеров по реализации программы ленд-лиза. О современной России представления весьма неполные. Некоторые из представителей старшего поколения не знали о распаде Советского Союза, не знали как выглядит современный флаг Российской Федерации. При этом поддерживают точку зрения, что холодная война была нужна лишь политикам, но никак не народам двух стран.

Значительное число русских заимствований воспринимаются современными жителями Аляски как свои исконные, национальные традиции (к примеру, слова русского языка, вошедшие в состав аляскинской лексики). Наибольшее русское влияние сохраняется в праздновании Святки. Кроме церковной службы, на Аляске бытует традиция исполнения рождественских песен в течение 40 мин на языке юпике, на русском и английском языках. Дети на ломаном русском языке поют колядки (одна из них даже была исполнена).

В 2013 г. третий этап исследований по выявлению объектов русской культуры на Аляске прошел морским путем. Называлась эта экспедиция «Алеутские острова: под парусами Русской Америки». В этот раз была изучена гряда Алеутских остров, остров Кадьяк и часть полуострова Аляска. Экспедиция вышла с острова Кадьяк 26 июля на французской яхте «Sauvage». За полтора месяца были преодолены 2 286 морских миль, или 4 234 км. Высаживались более чем на 60 островах. В результате члены экспедиции достигли самого западного острова Атту и отправились в обратный путь. Это научно-исследовательское путешествие завершилось на острове Адак 12 сентября 2013 г.

Путь такой был выбран по определенным причинам. Изучив документы XVIII–XIX вв., прежде всего путевые заметки купцов и морских офицеров, мы пришли к выводу о том, что именно этим путем – вдоль Алеутских остров проникали в Новый Свет русские люди и русская культура. Именно эти территории испытали наибольшее влияние со стороны наших соотечественников.

На полуострове Аляска мы посетили населенные пункты Чигник, Первилле, Сенд Поинт. Здесь, как и везде на Аляске, живут люди, носящие русские имена и фамилии. Сохраняется традиция празднования Святков, Нового года, православного Рождества.

Остров Кадьяк – один из важнейших центров русской культуры в Америки, ее колыбель. Именно здесь находится Свято-Германовская семинария – одна из четырех православных семинарий США. Большое научное значение имеет архив, содержащий немало ценных документов о православии на Аляске и о Русской Америке. Музей Баранова и музей эскимосов-алеутиков способствуют изучению следов русской духовной культуры, присутствие которой наблюдается в русских топонимах, православной вере коренного населения, остатках русских заимствований в языке коренных жителей. На острове обнаружены остатки строений Игацкой и Орловской промысловых партий, расположенных в Игацкой бухте. В бухте Трех Святителей пока не проводились полномасштабные археологические изыскания, которые могут существенно прояснить вопросы, связанные с образом жизни первых русских переселенцев и их взаимодействием с алеутами. Мы знаем некоторые из обстоятельств образования первых постоянных русских поселений Г. И. и Н. А. Шелиховыми именно в этом месте [7].

На находящемся рядом острове Коровина, на месте, обозначенном на карте как кладбище, обнаружено поселение. На острове Унга, на месте старого русского поселения, смытого цунами в 1964 г., обнаружены остатки печи.

В другом поселении полуострова – Кинг Ков (основано после продажи Аляски) построена православная церковь, при которой открыта воскресная школа, где занятия проводятся и на русском языке. К сожалению, рядом стоявшее селение Бельков погибло из-за пожара, в котором сгорело и здание православной церкви.

На острове Акун выявлены развалины русской артели, расположенной у алеутской деревни Речешной, где имеются остатки барабор.

На острове Акутан до сих пор действует православная церковь с одноименным названием. У алеутского населения сохранились русские имена и фамилии.

На острове Уналашка при выявлении памятников русского присутствия важно изучить Датч Храбор – бывшее селение Илюлюк, столица Уналашкинского отдела Русской Америки. Здесь находится Преображенская церковь, построенная еще во времена Русской Америки. В архиве семинарии преп. Германа Аляскинского, которая находится в подчинении Православной церкви Америки (Orthodox Church of America) обнаружены метрические книги, датированные 1871 г., когда православная церковь Аляски находилась под управлением Синода Российской империи. Алеутский музей города способствует изучению и сохранению объектов материальной и духовной русской культуры. Тем не менее стоит признать, что тема Русской Америки здесь поставлена на коммерческую основу – сувениры русской тематики – визитная карточка города. Вообще, на острове Уналашка и расположенном рядом Седанке в русский период было до 10 селений.

На соседнем острове Борька нашли лишь остатки поселения, сохранившего русские черты и деревянный крест. Такая же ситуация наблюдалась в деревне Макушиной и Чернавской бухте.

На острове Умнак особый интерес представляет селение Никольское. Здесь действует небольшая (18 человек), но дружная православная община. Ее члены носят русские имена и фамилии и являются хранителями русской духовной культуры. Такая же ситуация в селении Атка на одноименном острове.

В селении Адак на одноименном острове также сохранились следы русской материальной культуры. Встреча с представителями православной общины показала, что Россия ассоциируется у местных жителей именно с православной культурой. Сохраняются традиции изготовления предметов домашнего обихода по российской традиции. Также служащая береговой охраны Елена Измайлова показала резную деревянную шкатулку, сделанную ее отцом. Не зная, что она изготовлена алеутом, можно было бы принять ее за произведение русского прикладного искусства.

На острове Атту команда высадилась на месте алеутского поселения, уничтоженного японцами в годы Второй мировой войны. На месте той деревни установлен памятный знак со списком жителей

тех лет. Практически у всех жителей прежней деревни были русские имена и фамилии. Соседний остров Агатту порадовал находкой русского православного креста.

Остров Кыска, который посетила экспедиция, в XVIII в. был одним из основных районов промысла морского бобра. Однако нахождение на нем японской и американской военных баз наложило свой отпечаток и в настоящее время крайне сложно отыскать там следы русской материальной культуры.

Одним из самых географически отдаленных был остров Танага и располагающийся рядом остров Барабора, где были обнаружены остатки алеутских построек – барабор.

Важнейшей частью наследия России на Аляске являются сохранившиеся влияния на языки коренных народов.

Для исследования следов русской духовной культуры наибольшее значение имеют те поселения, которые ведут свою историю с периода Русской Америки. Сохранившаяся в них православная община – носитель традиций, которые представляют собой симбиоз русского и алеутского наследия. Именно на них стоит обратить существенное внимание при дальнейшем изучении наследия Русской Америки.

Итак, православное и историко-культурное наследие Русской Америки является уникальным базисом для развития позитивного имиджа России, выявления и консолидации людей, симпатизирующих России в США.

К сожалению, этот скрытый на первый взгляд, но весьма масштабный и значимый политический элемент российского наследия в настоящее время задействован недостаточно. Тем не менее, в перспективе он вполне может стать одним из важнейших составляющих научно-культурной политики Российской Федерации и Русской православной церкви в США.

Изучение православия важно проводить на междисциплинарной основе, в свою очередь, без его понимания весьма сложно осмыслить весь комплекс объектов материальной и духовной культуры на Аляске. В этом отношении важное значение имеет образовательный процесс и весьма желательно, чтобы в спецкурсах по истории, географии и специального страноведения в университетах читались лекции, посвященные проблемам, затрагиваемым в данной статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений. 1775–1815. – М.: Наука, 1966. – 530 с.
2. *Болховитинов Н. Н.* У истоков православия в Северной Америке (середина XVIII в. – 1794 г.) // Американский ежегодник – 1993. – М.: Наука, 1994. – С. 127–132
3. История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. / под ред. Н. Н. Болховитинова. – Т. 1: Основание Русской Америки (1732–1799). – М.: Международные отношения, 1997. – 480 с.; – Т. 2: Деятельность Российско-американской компании (1799–1825). – М.: Международные отношения, 1997, 1999. – 470 с.; – Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867). – М.: Международные отношения, 1997, 1999. – 558 с.
4. Климент (Капалин) Митрополит Калужский и Боровский. Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 г. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 608 с.
5. *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. – М.: Наука, 1968. – 507 с.
6. *Петров А. Ю., митрополит Климент (Капалин), Малахов М. Г., Ермолаев А. Н., Савельев И. В.* История и наследие Русской Америки // Вестник Российской академии наук. – 2011. – № 12. – С. 1090–1099.
7. *Петров А. Ю.* Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. – М.: Весь мир, 2012. – 304 с.
8. *Howay F. W.* A List of Trading Vessels in the Maritime Fur Trade, 1785–1835 / Ed. by R. Pierce. – Kingston: Limestone Press, 1973. – 209 p.

УДК 339.923:061.1

Л. А. Печищева

кандидат исторических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области медиатехнологий ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: lusya-85@inbox.ru

ГЕРМАНИЯ И ПАКИСТАН: РАЗВИТИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ 2000 ГОДОВ

В статье рассматривается германо-пакистанское экономическое сотрудничество в начале XXI в. Анализируется роль основных немецких ведомств, которые поддерживают социально-экономические программы Пакистана с целью сохранения стабильности политического режима и развития демократических институтов в Пакистане.

Ключевые слова: Германия; Пакистан; торгово-экономическое сотрудничество; Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития ФРГ (BMZ); Германское общество по международному сотрудничеству (GIZ).

Pechishcheva L. A.

Dr., Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies,
Institute of International Relations and Social-Political Studies, MSLU

GERMANY AND PAKISTAN: THE DEVELOPMENT OF TRADE AND ECONOMIC RELATIONS AT THE BEGINNING OF THE 2000S

The article is devoted to the economic cooperation between Germany and Pakistan at the beginning of the 21st century. It is also analyzed the key German organizations, that support various social-economic programs in Pakistan for the purpose of keeping a stable political regime and developing the democratic institutions in Pakistan.

Key words: Germany; Pakistan; trade and economic relations between Germany and Pakistan at the beginning of the 2000s; BMZ; GIZ.

Пакистан и Германия уже не одно десятилетие являются партнерами в торгово-экономическом сотрудничестве. Германия – пятый по величине иностранный инвестор в Пакистане. В течение десятилетий немецкие компании успешно работают в Пакистане. За последние десятилетия возросло число пакистанских компаний, активно

участвующих в промышленных ярмарках в Германии. Согласно Германскому федеральному министерству статистики (German Federal Statistical Office) пакистанский экспорт в Германию увеличился на 76%, в то время как двусторонний торговый объем возрос на 2%, начиная с 2009 г. [4]. Немецкие прямые иностранные инвестиции в Пакистан также возросли за этот период. В 1990-е гг. Пакистан и Германия организовали союз в виде бизнес-форума – Pakistan German Business Forum (PGBF), который стал официально существовать с 1997 г.

Основными экспортными товарами Пакистана в Германию являются текстиль, товары из кожи, медицинские инструменты, ювелирные изделия. Основу пакистанского импорта из Германии составляют продукция химической промышленности, машины, электроприборы, транспортные средства, изделия из железа [3]. Интерес немецких компаний к пакистанскому рынку возрастает, в особенности в секторе энергетики и инфраструктуры.

Во время визита премьер-министра Пакистана Джилани в Берлин в декабре 2009 г. Германия и Пакистан подписали Договор о двусторонних торговых инвестициях. Благодаря этому договору была открыта новая глава в германо-пакистанских торговых отношениях, что помогло укрепить деловые отношения.

Одни из значимых двусторонних соглашений между Германией и Пакистаном являются:

- соглашение о воздушном сообщении и транспорте;
- соглашение о двойном налогообложении;
- рамочное соглашение с внесением ежегодных поправок по финансовому и техническому сотрудничеству;
- соглашение по взаимодействию в научных исследованиях и развитии технологий [3].

Пакистан также является и важным партнером для Германии в международном сотрудничестве. Германское общество по международному сотрудничеству (Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit – GIZ, до 2010 г. GTZ), как представитель Правительства ФРГ, в большей степени Федерального министерства экономического сотрудничества и развития ФРГ (Bundesministerium fuer wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung – BMZ) и Федерального министерства иностранных дел, начало свою деятельность в Пакистане в 1972 г., когда было подписано двустороннее Соглашение между Германией и Пакистаном [5].

Приоритетными направлениями организация GIZ в Пакистане являются:

- образование;
- здравоохранение;
- возобновляемые источники энергии и энергосбережение;
- надлежащее управление на всех уровнях государственной власти.

Правительство ФРГ поощряет развитие демократических институтов и стабильного политического режима в Пакистане. Правительство Пакистана рассматривает развитие отношений с Германией и ЕС как возможность интеграции Пакистана в мировую экономику.

После избрания демократического правительства в Пакистане в июне 2013 г. в страну совершил официальный визит министр иностранных дел ФРГ Гидо Вестервелле, который охарактеризовал свой визит как новый импульс для двустороннего сотрудничества между Германией и Пакистаном [4].

Во время этой официальной встречи Гидо Вестервелле заявил, что Германия готова помогать Пакистану и собирается выделить 93,5 млн евро в 2013–2014 гг. для поддержки нового демократического правительства Пакистана [2]. Эти средства будут направлены на развитие энергетики, образования и науки, здравоохранения, а также демократических институтов в Пакистане. В свою очередь, премьер-министр Наваз Шариф на встрече с Гидо Вестервелле заявил, что правительство Пакистана разрабатывает проекты, преимущественно в сфере энергетики и высоких технологий, по привлечению немецких инвесторов и бизнесменов в Пакистан.

Для поощрения и развития демократических институтов в Пакистане GIZ и другие иностранные правительственные и неправительственные организации работают в так называемых племенных районах Пакистана на границе с Афганистаном (Федерально-административные племенные районы – ФАТА/FATA), а также в пакистанском регионе Сват. Совместно с иностранными инвесторами и организациями поддерживаются многие проекты BMZ. К примеру, в сфере образования соглашения по софинансированию существуют с Европейской комиссией, Нидерландами, Австралийским агентством по международному развитию. Французское агентство по развитию осуществляет софинансирование некоторых

проектов немецких организаций GIZ и BMZ в секторе здравоохранения в регионе ФАТА [5].

Однако, несмотря на значительный потенциал и ресурсы Пакистана, страна сталкивается со многими социально-экономическими и политическими проблемами: высокий уровень безграмотности населения, недостаточно хороший доступ к получению образования и здравоохранению, недостаточная вовлеченность населения, особенно женщин, в политическую жизнь страны, высокий уровень безработицы и бедности. К примеру, в 1990-е гг. Пакистан столкнулся с низкими показателями экономической динамики и начинал отставать от Индии по паритетному душевому доходу, по индексу бедности и т. д. «Замедление темпов экономического роста Пакистана в 1990-е гг. было результатом ослабления усилий по индустриализации экономики и акцента, сделанного на торговлю и сферу услуг. Неслучайно импортная квота (импорт товаров к валовому доходу) в Пакистане в 2000 г. составила 17% по сравнению с 11% в Индии» [1, с. 273].

К политическим проблемам в Пакистане можно отнести коррупцию и недостаточно эффективное управление местных властей по причине низкой вовлеченности населения в процесс принятия политических и административных решений, прежде всего из-за невысокого уровня образования населения и религиозных особенностей и традиций. К тому же, неразрешенный территориальный спор между Индией и Пакистаном влечет нестабильность во всем Южно-Азиатском регионе. Другие проблемы в Пакистане связаны с неэффективным использованием природных ресурсов, неразвитостью инфраструктуры, низкими налоговыми поступлениями, увеличивающимся разрывом в энергоснабжении населения, нехваткой транспортных средств, постоянно приводящих к значительным потерям в сельском хозяйстве и экономическим убыткам.

Таким образом, чтобы избежать стагнации в политической и экономической сферах, правительство Пакистана стремится сделать акцент на развитии демократических институтов, привлечь иностранные инвестиции и новые технологии в страну. Необходимо также придать государству имидж надежного и перспективного партнера для развития сотрудничества с другими государствами с целью еще большей интеграции Пакистана в мировое сообщество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. Южная Азия в мировой политике. – М.: Международные отношения, 2004. – 368 с.
2. *Fakih Hassan Rizvi*. Pak-German economic diplomacy. Daily Times (Pakistan). 18.06.2013. – URL: http://www.dailytimes.com.pk/default.asp?page=2013%5C06%5C18%5Cstory_18-6-2013_pg3_63.
3. Economic cooperation: Germany announces €93.5 million for Pakistan. The Express Tribune. 09.06.2013. – URL: <http://tribune.com.pk/story/560896/economic-cooperation-germany-announces-e93-5-million-for-pakistan/>
4. Economic relations. 02.08.2013 – URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/01-Laender/Pakistan.html>
5. Pakistan. GIZ. 02.08.2013. – URL: <http://www.giz.de/en/worldwide/362.html>

УДК 355.40

А. В. Привезенцев

кандидат исторических наук, доцент
заместитель директора ИМО и СПН МГЛУ
e-mail: zenzev@mail.ru

**БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА
ПО ВЗГЛЯДАМ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ИСТОРИКА
ЭНЕЯ ТАКТИКА**

На основе анализа трактата полководца Древней Греции Э. Тактика «О перенесении осады» автор выявил основные мероприятия властей, которые должны проводиться в отношении собственных граждан (недовольные, должники, изгнанники, чьи родственники находятся в заложниках у противника), иностранцев, наемников, способствующие социально-политической стабильности в полисе в условиях непосредственной военной угрозы.

Ключевые слова: полис; безопасность; измена; переворот; агентура; тайные сношения; иностранец.

Privezentsev A. V.

Ph. D., Prof., the Deputy Director of the Institute of International Relations and Social and Political Sciences

**THE SECURITY OF THE STATE ACCORDING
TO THE VIEWS OF THE ANCIENT GREEK HISTORIAN AENEAS TACTICS**

The article studies the views of the Ancient Greek military leader Aeneas Tactics in the fields of security of the ancient Greek Polis in the IV century B.C. On the basis of the analysis of the treatise E. Tactics – “How to Survive under Siege”, the author shows the basic activity of the authorities, which are to be carried out towards citizens (unsatisfied, debtors, exiles, whose relatives are held hostages by the enemy), foreigners, mercenaries, contributing to the socio-political stability in the Polis under the circumstances of an immediate military threat.

Key words: policy; security; treason; revolution; agents; espionage; foreigner.

Опыт укреплять города и брать города осадой имеет свое начало в глубокой древности. В большинстве случаев города-крепости удавалось захватить с помощью завербованных внутри города представителей власти, граждан, воинов противника, караульных, которые сообщали информацию о наиболее подходящем времени начала штурма, о наиболее слабом месте в обороне или открывали в нужный момент городские ворота.

Частые случаи овладения крепостями с помощью завербованной агентуры вынуждали стратегов обороны искать меры по противодействию предательству. Свидетельством существования в Древнем мире обобщенного опыта обороны городов служат исторические произведения и трактаты полководцев. Некоторые писатели говорили о таком опыте в отдельных главах своих трудов [4], другие полностью посвящали свои произведения вопросам обеспечения безопасности полисов во время непосредственной военной угрозы.

Одним из стратегов первой половины IV в. до н. э. был греческий полководец Эней Тактик, автор трактата «О перенесении осады» [5]. Его труд относится к числу немногих специальных работ, имеющих чисто практическое значение. Историки исследовали труд Энея в трех аспектах – с лингвистическо-филологической стороны, военно-технической и с точки зрения наемничества [1; 2]. Не исследовался Эней, в частности, как источник деятельности государства по обеспечению национальной безопасности в IV в. до н. э. Следовательно, в этом отношении Эней является в значительной мере новым источником.

Стремясь отчасти восполнить этот пробел, автор ставит своей задачей рассмотреть, как изображает Эней¹ мероприятия по обеспечению безопасности полиса на фоне социально-политической борьбы, а также какую роль в этих мероприятиях играют специальные службы. Исследование вышеописанных вопросов представляет интерес и в настоящее время, ввиду происходящих по всему миру «цветных революций» и особенно в связи с событиями в Украине.

Обратимся теперь к превентивным мерам, которые Эней рекомендует предпринять против недовольных существующим строем и являющихся вербовочной базой для противника. Труд начинается с указания, на какие отряды следует разделить все силы полиса и какими физическими, моральными и социальными качествами следует обладать входящим в них гражданам. В частности, те, кто составит особый отряд, «пусть будут люди благорасположенные к власти и довольные ею» [5]. Во главе таких отрядов должно поставить человека, который в случае изменения правительства подвергся бы наибольшей опасности. Отряд этот имел бы большое значение при

¹ Более подробно о самом Энее и его произведении смотри монографию автора данной статьи «Теория и практика военной агентурной разведки с древнейших времен (V в. до н. э. – V в. н. э.)» [3, с. 120–124].

заговорах. «Ведь он внушал бы страх желающим в городе противоположного» (I, 6)¹.

В следующей главе перечисляются мероприятия против желающих произвести переворот. Крепостные стены – это рубеж, граница, преодолев которую, враг может совершить много неприятностей обороняющимся. Поэтому Эней рекомендует меры, которые, по его мнению, предотвратят измену, вербовку агентов среди воинов гарнизона. Это следующие меры:

- охрана должна быть многочисленной;
- часовых следует все время перемещать с одного поста на другой. Они не должны знать заранее, где и когда будут нести охрану;
- менять как можно чаще начальников охраны.

В подтверждение заботы о выборе караульных Э. Тактик приводит пример: «Также и следующим образом был предан город своим привратником. Он (т. е. караульный. – *Прим авт.*) завел обыкновение, когда собирались запирать ворота, выходить с кувшином будто бы за водой. Приходя к источнику, он клал камни в известное противникам место, являясь на которое, они узнавали по положенным камням, что хотел сообщить им страж города. А именно, если он стоял в первую стражу, он клал один камень на условленное место, если во вторую – то два, если в третью – три, если же в четвертую – четыре. Кроме того, он сообщал, в каком месте стены и на каком именно из постов выпало ему стоять по жребию. И вот, подавая знаки таким способом, он предал город» (XVIII, 21–22). В этом примере мы видим первое свидетельство существования в Древней Греции агентурной сигнализации.

Особый подбор караульных осуществляется при охране городских ворот. «Для охраны ворот должны быть поставлены не первые попавшиеся, но осмотрительные и находчивые, которые всегда в состоянии бдительно следить за всем, что ввозится в город; к тому же они должны быть состоятельны и иметь в городе залог – я имею в виду детей и жену, – но не из тех, которые по бедности или вынуждаемые обстоятельствами, или в силу безвыходности своего положения дали бы себя убедить кому-нибудь или сами бы склоняли кого-либо к совершению переворота. Тиран боспорский Левкон даже тех

¹ Далее в круглых скобках указываются ссылки на сочинения Э. Тактика «О перенесении осады». Римская цифра – номер главы, арабская цифра – номер параграфа (абзаца).

увольнял из стражи, которые вошли в долги из-за игры в кости или из-за другой страсти» (V, 1–2).

Только при таких условиях «никто не смог бы сделать что-либо в интересах врагов, или произвести государственный переворот». И далее автор приводит множество детальных указаний относительно организации сторожевой службы и поведения караульных:

– во время всенародных праздников граждан, не заслуживающих доверия, освобождать от несения охраны, поручая ее только наиболее верным. Такие особые меры предосторожности Эней объясняет тем, что в праздники наиболее часто антиправительственные замыслы, приводятся в исполнение и сдаются города врагу (XXII, 16–17);

– у каждого подъема на стену следует поставить верных людей, которые должны воспрепятствовать всякому, желающему подняться на стену (III, 3). Этот же совет в несколько иной форме повторяется в главе XXVI, в которой Эней рекомендует в опасные моменты устанавливать посты не только на стенах, но и под ними, чтобы одни наблюдали за всем, что происходит вне города, а другие – внутри него (XXVI, 1–7).

Большой интерес представляет для нас глава X. В ней подробно перечисляются те превентивные меры, которые должны быть сделаны в готовящемся к осаде городе в условиях непосредственной угрозы его захвата. Наряду с мероприятиями, вызванными соображениями военного характера, Эней считает необходимым проведение **ряда мер, направленных равно как против неприятелей, так и против внутреннего врага**, «ради страха и отвращения злоумышляющих»:

– все праздники следует проводить в городе, а в условиях осады города праздники должны быть запрещены;

– частным лицам нельзя собираться вместе ни днем, ни ночью. В случае необходимости им разрешается быть вместе только с разрешения власти и в каком-нибудь общественном здании;

– нельзя также устраивать общие трапезы, обедать всем по своим собственным домам, за исключением свадеб и поминок, причем об этом должны быть заранее поставлены в известность магистраты;

– никто из граждан не имеет права покинуть город без разрешения;

– имеющему оружие более чем для одного человека следует зарегистрировать его, он не должен ни посылать никому оружие за пределы города, ни получать его;

– установление контроля над ввозом и продажей оружия (XXX, 1–2);

– установление строгого контроля над всем, ввозимым в город. Необходимость такого контроля объясняется Энеем тем обстоятельством, что неоднократно в сосудах, корзинах, телегах с хворостом, тюках с платьем и т. п. тайно ввозили оружие и вражеских агентов;

– никому без позволения властей не разрешается нанимать солдат и самому наниматься на службу;

– установление контроля за отправляемыми и прибывающими письмами. Следить должны цензоры, к которым и будут прежде всего приносить письма;

– для стимулирования доносов о подготовке заговоров против города или нарушений из вышеперечисленного назначается денежное вознаграждение и объявленная сумма публично вручается на площади или у алтаря, или в храме, чтобы тем охотнее любой решился делать доносы о чем-либо из упомянутого.

Меры, рекомендуемые в отношении иностранцев:

– иностранцы, прибывающие в полис, обязаны нести оружие открыто и немедленно сдавать его;

– все иностранцы обязаны зарегистрироваться (X, 10);

– никто, в том числе и хозяева гостиниц, не имеют права принимать иностранцев у себя без ведома магистратов, которые обязаны записать, у кого тот или иной иностранец остановился (X, 9);

– на ночь гостиницы должны запираются;

– жителей сопредельных областей, которые или воспитываются в городе или находятся здесь по какой-либо надобности учитывать, занося в списки;

– членам посольств из других государств не разрешается разговаривать с кем угодно; к ним следует приставить на время их пребывания в городе граждан, заслуживающих наибольшего доверия (X, 11);

– бродяг (праздношатающихся) среди них (т. е. иностранцев. – *Прим. авт.*) следует изгонять;

– если же окажутся перебежчики, то объявлять, что будет каждому из горожан, чужеземцев или рабов, если кто попытается бежать;

– на время проведения смотров с оружием проживающие в городе чужеземцы должны изолироваться; нарушившие этот приказ рассматриваются как нарушители закона;

– при угрозе военного нападения иностранцам следует запирать склады и лавки, гасить светильники и никто не должен выходить из своих помещений.

Особые *меры* предосторожности Эней рекомендует принять *против изгнанников*. Здесь мы находим первое свидетельство о зарождении методов специальной деятельности. Всякого рода связи с изгнанниками (личные встречи, переписка) преследуются. Эней в данном случае специально указывает, что нарушившему это предписание грозит наказание. В отношении же монарха, стратега или правителя, который находится в изгнании, следует заранее объявить, что убивший его получает награду. В случае если он сам будет убит, вознаграждение получают дети, если же нет детей – ближайшие родственники. «Если же кто-нибудь из сторонников сосланного [правителя], монарха или стратега причинит ему вред, он получает часть вознаграждения и разрешение вернуться. Это должно побуждать остальных действовать подобным образом» (X, 16–17). Такое отношение к изгнанникам диктовалось всей историей Древнего мира, так как они, часто находясь в стане противника, имели информацию о людях, стоящих у власти, полководцах, воинах, их личных качествах; слабых местах в обороне и т. п.; могли тайно иметь сношения с осажденными и таким образом способствовать сдаче города.

Наряду с ополчением собственных граждан руководителям обороны приходится иметь дело с отрядами из союзных городов и отрядами наемников. Наемничество в тот период истории было распространенным явлением. Это были профессиональные воины. Причем наемники из одного города могли служить в противоположных враждующих армиях, и, как показывает исторический опыт, тем самым создавались условия к вербовке друг друга на основе землячества. Как следствие, характерной чертой в отношении к иноземцам является отсутствие доверия. Об этом ясно свидетельствуют различные *меры* предосторожности, рекомендуемые автором *при использовании наемных отрядов*.

Прежде всего, среди тех объявлений, которые следует сделать в готовящемся к осаде городе, Эней упоминает о двух предписаниях в отношении наемников. «В наемном войске после призыва к молчанию должно объявить следующее: если кто-нибудь хочет уйти, будучи недовольным существующим положением, он может это сделать тотчас. Если же он будет пойман при попытке покинуть город позднее, то будет продан в рабство» (X, 18). Далее перечисляются

наказания за другие преступления – всякого рода вред войску карается смертью, за менее же значительные проступки полагается тюрьма, «согласно существующему закону» (X, 19).

Итак, это первое объявление – сугубо военного характера. При найме, видимо, предусматривались какие-то определенные взаимные обязанности нанимателя и воинов, а непредвиденное обстоятельство, в данном случае – осада, давало наемникам право расторгнуть контракт. Защитники города стремились в особенно напряженное время осады облегчить свое положение и, в частности, по возможности предотвратить какое-либо недовольство среди части своего войска – наемников. Этим и объясняется разрешение всем желающим покинуть полис.

Суровые меры наказания вполне закономерны в военное время. Вторая часть приведенного распоряжения скорее всего не относится к наемникам. Этим объясняется и разница в наказании за бегство наемника или нанесение какого-либо вреда военным силам полиса. С гражданами расправляются «согласно законам города». Иное дело – наемник, который рассматривается как чужеземец. Оставляя войско и полис вопреки договору, он тем самым превращается во врага, а когда его ловят – в пленного. Поэтому с ним и следует поступать так, как обычно поступали в IV в. до н. э. с военнопленными, т. е. продать в рабство.

Иной характер носит другое объявление о наемниках: «Запрещается нанимать воинов или наниматься самому без разрешения магистратов» (X, 7). И здесь преследовались военные цели, но учитывалась, без сомнения, возможность использования наемников и враждебными силами внутри города.

Эней счел необходимым посвятить специальную главу вопросу о безопасном использовании наемников, сама возможность военного превосходства этих наемных отрядов над силами полиса весьма показательна при суждении о распространенности института найма воинов. В условиях беспокойной обстановки в полисе, недовольства и волнений, которые временами выливались в вооруженные выступления, наемники представляли особую опасность, являясь той реальной силой, к помощи которой обращались и олигархи, и демократы, и будущие тираны. В истории IV в. до н. э. мы находим немало фактов, свидетельствующих о том, что опасения Энея и его советы имели под собой реальную почву (XI, 7–10; XXVIII, 1–2, 5, 13–19).

Специальная глава в трактате уделена вопросу о *паролях* в отрядах наемников или союзников, происходящих из «различных городов или племен». В смешанном наемном войске, равно как и среди союзных племен, не следует в качестве пароля использовать слова, значение которых может быть выражено иными словами или на родном наречии, поэтому следует выбирать такие пароли, которые хорошо запоминаются и наиболее соответствуют предстоящим мероприятиям (XXIV, 1–2).

Кроме того в главе XXV Энеем предлагается *система условных знаков и сигналов* для опознавания на расстоянии своих людей и подразделений. Так, патрулям и часовым сообщается двойной пароль, который должна называть каждая из сторон, причем для большей надежности пароль этот можно сопровождать каким-либо дополнительным условным знаком – зрительным или слуховым.

Учитывая возможность предательства со стороны наемников, Эней предлагает ряд мер их нейтрализации: нанимать воинов должны наиболее богатые граждане на свои средства и жить наемники должны у нанявших их граждан, от них же они получают оплату и содержание.

Другая опасная для города категория граждан – *родственники заложников*. «Если город выдал противнику заложников, то при подходе вражеского войска следует родителей и близких родственников заложников удалять из города, пока не минует осада, чтобы они не видели, как среди наступающих врагов ведут и предают смерти их детей. Ведь может быть, что, находясь в городе, они предпримут что-либо враждебное» (X, 23). Если затруднительно выслать их под каким-либо предлогом, то можно оставить, но так, чтобы они меньше принимали участия в различных городских делах, не знали заранее того, что будут делать, и как можно меньше были бы представлены самим себе как днем, так и ночью. Они должны быть разделены по одному и находиться под постоянным надзором у троих более надежных граждан. При таком положении они никак не смогут вступить в контакт с вражескими лазутчиками.

Исключительно большое место в трактате отводится *сигнализации и средствам связи*. Среди сигналов на первом месте по значению стоят сигналы световые, так как их видно на дальнем расстоянии, особенно в ночное время или при плохой видимости днем.

В трактате Энея имеются сведения об *агентурной сигнализации*, которые можно обнаружить при описании мер, против подачи сигналов неприятелю. Эней рекомендует «по определенному сигналу должен везде тушиться свет» (VII, 7). Ночью не разрешается ходить с каким-либо огнем. «Ведь некоторые, – поясняет Эней, – когда повсюду им мешали произвести переворот или помочь неприятелю, придумали следующее: принеся факел или светильники, спрятанные в корзинах или подстилках, эти люди подавали условные знаки своим союзникам» (VII, 25–26). «Всякий, кто донесет на нарушившего эти предписания, получает денежную награду, которую должно вручить ему всенародно, на площади или у жертвенника с тем, чтобы вызвать у других желание подражать им. Такую же награду получает и донесший на любого злоумышляющего» (VII, 15).

Из всех способов связи и передачи сигналов и сообщений, описываемых у Энея, следует особо выделить *средства тайных сношений*. Этому вопросу целиком посвящена XXXI глава, являющаяся наиболее подробным изложением сведений в этой области, дошедшим от Античности.

Отметим несколько примеров тайной передачи информации. «Что касается тайных писем, то есть много всяких способов посылать их. Однако необходимо, чтобы и отправляющий, и получающий заранее договорились между собой. Наиболее скрытными могут быть следующие способы:

№ 1 – письмо точками, поставленными над буквами первой, второй или третьей строки любой рукописи (книжный шифр. – *Прим. авт.*).

№ 2 – письмо, вложенное внутрь подошвы сандалий.

№ 3 – послание, забинтованное на ране человека.

№ 4 – сообщение может быть принесено и в ушах женщин, в которых вместо серег – свернутые тонкие пластинки из свинца.

№ 5 – письмо, зашитое под нижнюю каемку панциря.

№ 6 – письмо, зашитое в ремень уздечки.

№ 7 – письмо на пузыре, спрятанном в бутылке с маслом.

№ 8 – а однажды кто-то, написав прямо на деревянной дощечке, употребляемой для письма, покрыв ее воском и на воске написал другое письмо. Когда затем она прибыла к кому следовало, этот соскоблил воск, прочитал, вновь написал таким же образом и отослал ее обратно.

№ 9 – можно допустить, что кое-кто писал и на самшитовой дощечке чернилами лучшего качества, давал им возможность высохнуть, а затем покрывал белилами, делая буквы невидимыми. Когда дощечка придет к тому, кому она послана, то ее надо взять и положить в воду, так как в воде становится ясно видимым все написанное.

№ 10 – можно писать все что угодно и на доске, предназначенной для святилища героя, затем ее выбелить, высушить и нарисовать всадника с факелом (или по желанию что-либо иное) – белую одежду и лошадь белую; если же не белую, то [любого] другого цвета, за исключением черного. Затем дать кому-либо ее выставить в первом встретившемся святилище неподалеку от города якобы для поклонения. Кому следует прочесть написанное, тому надо пойти в святилище и, распознав нужную доску по какому-либо условному значку, отнести домой и положить в масло; тогда все написанное станет видимым.

№ 11 – послание на игральной кости.

№ 12 – письмо, спрятанное на плечевой части хитона.

№ 13 – послание, привязанное к стреле.

№ 14 – надпись в виде татуировки на голове, скрытая волосами.

№ 15 – письмо, лежащее в заранее назначенном месте.

№ 16 – письмо, зашитое в ошейник собаке» (XXXI, 1–32).

Наряду с такого рода советами Эней дает ряд указаний, которые вряд ли можно рассматривать иначе, как направленные только против внутреннего врага. Он рекомендует проявить внимание к другим слоям общества, и прежде всего рассмотреть единодушны ли граждане, так как во время осады это является величайшим благом. В случае отсутствия единодушия «настроенных враждебно к существующему строю», особенно вождей и инициаторов антиправительственных дел в городе, следует изгнать, не вызывая подозрений, лучше всего удалив их из города под каким-нибудь благовидным предлогом – в составе посольства или по другим общественным делам (X, 20).

Большая предусмотрительность Энея проявляется здесь, может быть, ярче, чем где бы то ни было: «Если же трудно изгнать их под этими предлогами, – продолжает он, – пусть они останутся в городе, по возможности меньше выполняя военные обязанности. Они не должны знать заранее, где и что они будут делать. Следует, чтобы эти люди по возможности меньше принадлежали самим себе, не

могли встречаться друг с другом и находились бы под постоянным наблюдением. При таком положении дел они менее всего были бы способны произвести переворот» (X, 21–25).

Непосредственным продолжением X главы является глава XI с многообещающим заголовком «Заговоры». Она дает нам информацию о том, как необходимо предотвращать вербовку в среде своих граждан противником. «Следует обращать внимание на тех из граждан, – говорится в ней, – которые настроены враждебно к существующему строю, и не предпринимать ничего, не обдумав» (XI, 1). Такое выделение в особую главу вопроса о внутренних врагах, сделанное после столь богатой по содержанию предыдущей главы, еще раз подчеркивает особую важность этой проблемы для полиса.

Итак, Эней в своем военном руководстве постоянно учитывает возможность внутренней борьбы. Предлагаемые им меры равным образом должны как защитить город от неприятеля, так и помешать агентам противника в осуществлении их замыслов. Более того, в ряде случаев совершенно очевидно, что имеется в виду только внутренний враг. Это не доказывает, конечно, что временами в том или ином полисе не могло быть согласия между гражданами. Показательно другое – такие периоды рассматривались скорее как исключение из обычного положения. Давая некоторые советы, Эней счел необходимым специально оговорить, что следовать им можно только в случае единогласия среди граждан.

Здесь Эней наряду с другими мерами предлагает также и облегчение положения *должников*, сокращение или полное уничтожение процентов, а при чрезвычайной опасности и прощение части или даже всего долга, если это будет необходимо, так как весьма часто такие люди таят в себе опасность и могут при определенных ситуациях польститься на материальные вознаграждения противника. Следует также облегчать положение тех, кого нужда поставила в затруднительные обстоятельства. Каким образом равномерно и необременительно для богатых это можно было бы сделать и из каких источников расходы могут быть оплачены, об этом автор ссылается на другой свой трактат «О добывании средств». К сожалению, этот источник до нас не дошел.

Долги, недостаток жизненных средств являются главными причинами недовольства. Эта мысль Энея находит полное подтверждение у других авторов IV в. до н. э., особенно в многочисленных

высказываниях Исократ (IV, 174; V, 120; VIII, 24). Именно бедняков Эней считает наиболее опасными врагами: ведь эти люди легче всего могут войти в соглашение с противником, произвести государственный переворот, стать опорой тирана. Поэтому во время осады первая и основная задача власти – обеспечение единомыслия среди граждан.

Но эти бедняки-должники не были единственной недовольной силой, к их борьбе с собственниками нельзя свести всю ту борьбу в полисах, о которой говорит Эней. Лучшим доказательством этого является та же XIV глава. Эней начинает ее весьма показательными словами: «Итак, с теми, кто является противником существующего строя, должно обращаться, как предписано». И далее следуют приведенные уже нами советы относительно должников. Таким образом, Эней как будто отделяет от всех противников существующего строя – «самых злейших врагов». Недовольство последних вызвано их тяжелым материальным положением. Именно поэтому Эней и считает возможным ликвидировать это недовольство в рамках существующего в полисе строя. Иное дело – остальные недовольные, претензии и требования которых, видимо, не только не ограничиваются экономическими вопросами, но часто носят совершенно иной характер. В отношении их Эней ссылается на данные ранее рекомендации и советы.

Таким образом, сочинение Энея Тактика «О перенесении осады» содержит весьма полное описание системы превентивных мер в древнегреческом полисном государстве, которые повышали его безопасность в условиях непосредственной угрозы завоевания. Многие подобные меры получают свое развитие и применение в современных условиях, что, несомненно, повышает внутреннюю стабильность и национальную безопасность современных государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляев В. Ф.* Эней Тактик – первый военный теоретик античности // Вестник древней истории. – 1965. – № 1–2. – С. 24–41.
2. *Маринович Л. П.* Социально-политическая борьба и наемничество в Греции IV в. до н. э. в трактате Энея Тактика // Вестник древней истории. – 1962. – № 3. – С. 14–35.
3. *Привезенцев А. В.* Теория и практика военной агентурной разведки с древнейших времен (V в. до н. э. – V в. н. э.): Монография. – М.: ВАМО, 2013. – 326 с.

4. *Фронтин С. Ю.* Стратегемы / пер. с лат. А. Б. Рановича. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 92 с.
5. *Эней Тактик.* О перенесении осады : сборник Военная мысль Античности / пер. с греч. Ф. Н. Беяева. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – С. 5–59.

УДК 327

А. Д. Соловых

аспирант кафедры теории и истории
международных отношений ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: rapnuta@gmail.com 89296076321

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПРАВА КУРДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

В статье рассматривается один из важнейших принципов международного права – право на самоопределение народов, а также его применимость к проблеме курдского этноса, территория расселения которого разделена между четырьмя странами (Турцией, Ираком, Ираном и Сирией). В связи с этим автор ставит своей целью проанализировать возможность самоопределения курдов, проживающих в данных государствах.

Ключевые слова: курды; самоопределение; международное право.

Solovykh A. D.

Post-graduate Student of the Chair of Theory and History
of International Relations of the Institution for Foreign Relations
and Social and Political Studies, MSLU

THE LEGAL EVALUATION OF THE KURDISH PEOPLE'S RIGHT TO SELF-DETERMINATION

The author of this article dwells upon the legal right of people to self-determination as one of most important principles of the international law. Also the right of the Kurdish people, whose territory is divided between four countries (Turkey, Iraq, Iran and Syria), to apply this principle is considered. In this regard the author's aim is to analyse whether the Kurdish people in these counties have the right to self-determination or not.

Key words: Kurds; self-determination; international law.

Курды – самый большой в мире народ, не имеющий собственной государственности, насчитывающий около 30 млн человек, подавляющее большинство которых проживает на территории Ирака, Ирана, Сирии и Турции. Актуальность курдского вопроса обусловлена высокой значимостью Ближневосточного региона, который испокон веков был ареной войн за перераспределение сфер влияния. Значительные запасы нефти на Ближнем Востоке придали новое политическое и экономическое значение региону в XX в.

Процесс этнической консолидации курдской народности завершился к середине VII в. Но ее формирование не сопровождалось становлением государственности. Этому в первую очередь помешали крайне неблагоприятные внешние условия. В VII–XIII вв. из-за выигрышного геополитического положения территория, занятая курдами, стала ареной войн периода халифатов [7].

В начале XVI в. имел место первый раздел территории компактного проживания курдов (*далее* – Курдистан) между Османской империей и Ираном. В тот период примерно 2/3 территории, занятой курдскими племенами, перешли под власть Стамбула. Но Иран и Османская империя продолжали воевать за господство над этой территорией, открывающей пути для экспансии во всех направлениях и представляющей собой естественную крепость благодаря горному рельефу и воинственному населению. Непрекращавшиеся войны причиняли колоссальный ущерб национальному развитию курдов.

В XIX – начале XX в. Курдистан был охвачен восстаниями. Именно тогда впервые была провозглашена идея создания независимого объединенного Курдистана и появился курдский национализм как идеология и политика.

Курдский вопрос обрел современное политическое значение в 1923 г., когда в соответствии с Лозаннским договором территория компактного расселения курдов была поделена между Турцией, Ираком, Ираном и Сирией. Это предопределило специфику национального развития курдов в XX в., когда правительства этих стран придерживались политики «одна страна, один народ, один язык». В результате курдские меньшинства подвергались жесткой дискриминации и, как следствие, стало расти национальное движение и образовалось несколько центров силы, которые направляют и подпитывают курдский национализм. Одним из них является турецкая Рабочая партия Курдистана (РПК). Другим – курдская автономия в Ираке, провозглашенная в 1974 г., однако укрепившая свои позиции лишь во время войны в Ираке 2003 г. благодаря тесному сотрудничеству с США и их покровительству [14]. В связи с гражданской войной в Сирии и сирийским курдам представился шанс стать в будущем третьим центром силы. В январе 2014 г. два курдских региона Сирии – Кобани и Джизре – объявили о создании автономии [6]. Еще летом 2012 г. курды Западного, или Сирийского, Курдистана заявили о самоуправлении, и со временем в каждом из этих регионов были

созданы свои правительства и парламенты, а также Высший совет Курдистана как временный орган самоуправления [15]. Таким образом, в Ираке курды воспользовались правом на самоопределение и получили широкую автономию в рамках федерального государства, в Сирии курды уже на полпути к этому, чего нельзя сказать о курдах Турции и Ирака. В настоящей статье автор ставит своей задачей рассмотреть право курдского народа на самоопределение как в составе существующих государств, так и в виде отдельного независимого государства.

Международно-правовая оценка курдского сепаратизма может быть дана только с учетом одного из основных принципов международного права – права на самоопределение народов. Понятие самоопределения прошло долгий путь, прежде чем было сформулировано в качестве принципа международного права. Право народа на самоопределение – это способность народа контролировать принятие решений и участвовать в нем, если оно касается определения политического статуса народа, поощрения его экономического, социального и культурного развития и управления его природными богатствами и ресурсами. Считается, что реализация данного принципа способствует сохранению мира и стабильности в странах с этнически неоднородным населением.

Право народов на самоопределение имеет два аспекта: внутренний и внешний. Внешний аспект относится к народам, которым необходимо определить политический статус своих территорий в международном праве, и в некоторых случаях к колониальным или расистским режимам, где народы подвергаются порабощению и эксплуатации и т. п. Некоторые ученые также считают, что данный аспект относится к национальным меньшинствам, но в особых случаях в качестве крайней меры, например: если меньшинство находится под властью расистского режима, в случае отрицания его права на участие в органах власти, или если оно подвергается массовым дискриминациям со стороны непредставительного правительства.

Важно отметить тот факт, что применение права на самоопределение можно считать гарантом территориальной целостности стран и панацеей от возникновения конфликта. Однако для этого правительства многонациональных государств должны быть открыты для изменений, необходимых для мирного разрешения споров, и только в случае соблюдения прав и интересов национальных меньшинств

возможно их мирное сосуществование в составе многонациональных государств [13].

Для раскрытия темы настоящей статьи необходимо рассмотреть документы, которые закрепляют принцип самоопределения народов в международном праве. Показательным является тот факт, что в Уставе ООН принцип равенства и самоопределения народов закреплён в качестве общепризнанной нормы международного права, ведь одна из целей ООН – развитие дружественных отношений между государствами «на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов» (п. 2 ст. 1) [12]. Данный принцип получил дальнейшее развитие в ряде международных актов и договоров:

– в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1960 г., говорится о том, что все народы имеют право на самоопределение: в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие [5];

– в Декларации о принципах международного права 1970 г., касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, заявлено, что в силу принципа равноправия и самоопределения народов, закреплённого в Уставе ООН, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава, а также, что особенно важно, создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определённого народом, являются формами осуществления этим народом права на самоопределение. При этом государствам запрещается применять силу в целях лишения народов права на самоопределение [4];

– Ст. 1 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и ст. 1 Пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. также подтверждают права народов на самоопределение и добавляют, что все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из

международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования [8; 9].

Необходимо отметить, что народ, борющийся за самоопределение, должен обладать правосубъектностью. В соответствии с международным правом, «субъектом права на самоопределение являются народы, нации и народности, а также народы, состоящие из нескольких наций, народностей или национальных групп, имеющие общую территорию, одну или несколько других общностей (историческую, культурную, языковую, религиозную и т. п.) и объединенные общностью цели, которую они хотят достичь посредством самоопределения» [11]. Таким образом, международное право признает борьбу за самоопределение легитимной, разрешая при этом выход из состава государства, но не «поощряя» его.

Что касается принципа нерушимости границ, то очевидно, что он относится к внешним угрозам: государства в соответствии с действующим международным правом не имеют права применять силу или угрозу силой в отношении других государств. Однако народы, реализующие свое право на самоопределение, могут применять все формы борьбы, так как в Декларации о принципах сказано, что если государство осуществляет насильственные действия, препятствующие реализации права на самоопределение, народы имеют право оказать государству сопротивление [4].

Необходимо подчеркнуть, что право на самоопределение имеют лишь те народы, у которых нет своих национальных государств, например палестинцы или курды. При этом не следует путать право национальных меньшинств на отделение с правом народов на самоопределение. Право на отделение имеют лишь те национальные меньшинства, которые не представлены в органах власти страны и права которых ущемляются.

Национальное меньшинство – это национальная группа, консолидированная и живущая в одном из регионов государства, характеризующаяся сформировавшимся ощущением внутреннего единства и вместе с тем стремящаяся сохранить свои специфические черты (язык, культуру и т. д.) [2].

В соответствии со ст. 27 Пакта о гражданских и политических правах от 1966 г. национальным меньшинствам не может быть

отказано в праве пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и пользоваться родным языком. Иными словами, национальные меньшинства имеют право добиваться в рамках государств, на территории которых они проживают, создания для них национально-культурной или национально-территориальной автономии, но не права на самоопределение, поскольку по действующему международному праву оно им не принадлежит [10].

В настоящее время в рамках международного права применяются новые политические способы реализации права на самоопределение, при которых на определенное время вопрос о независимости откладывается:

- соглашение об отсрочке окончательного урегулирования на 5, 20 и более лет (имеет место в практике латиноамериканских государств; было применено в Чеченской республике);

- предоставление территории фактически полной независимости в рамках государства в соответствии с договором (Аландские острова со шведским населением в составе Финляндии, Иракский Курдистан);

- предоставление самоопределяющейся территории независимости (но не де-юре) при условии, что она будет реализована позже, что гарантируется ООН или каким-либо государством.

Увеличение числа политических форм реализации права на самоопределение в разных формах дает возможность не сводить его к сецессии (отделению части территории от данного государства по решению ее населения или органов). Данное право может реализоваться и в границах государства, в состав которого входит народ, и в таких политических формах, как национально-культурная автономия, территориальная автономия, федерация, общая демократизация государства и др. Именно разнообразие выбора дает возможность в каждом конкретном случае самоопределяться с учетом интересов всех заинтересованных народов.

Однако иногда случается, что в ходе реализации права на самоопределение возникает конфликт. В соответствии с Уставом ООН, ее органы уполномочиваются расследовать любой спор, любую ситуацию, которая может привести к международным трениям и вызвать спор [12].

Если подобный спор или ситуация могут создать угрозу международному миру и безопасности и массовой гибели людей, Совет

Безопасности уполномочен рекомендовать надлежащую процедуру или методы урегулирования не только на основании ст. 33, но и ст. 42. Если же ситуация не создает угрозы всеобщему миру и массовой гибели людей, то она должна регулироваться самим государствами в строгом соответствии с основными принципами международного и гуманитарного права ст. 55 [10].

Таким образом, из принципа самоопределения следует право народа любого государства добиваться автономии, руководить экономической жизнью своей страны, распоряжаться своими естественными ресурсами, право на развитие, право решать все внутренние вопросы (языка, религии и т. п.).

На практике реализация права на самоопределение предполагает определенный уровень развития соответствующего народа, т. е. возможность существовать независимо и самостоятельно, а также для его самоопределения требуются определенные внешние условия. Стремление народов к суверенитету и самоопределению вполне объяснимо, но попытки достижения этого любыми методами (без учета интересов других этнических групп и соседних государств) могут стать причиной дезинтеграции социально-политических общностей и, соответственно, межэтнических и межгосударственных конфликтов [3].

Обращаясь к курдскому вопросу, следует сделать вывод, что курды как народ, борющийся за самоопределение, являются субъектом международного права. Однако, для того чтобы это право реализовалось, необходимо, чтобы у курдов был общий лидер и общие цели. Вместе с тем необходимо отметить, что сирийские и турецкие курды в данный период времени ставят целью не обретение независимости, а создание курдских автономий в рамках уже существующих государств. На данном этапе курды Ближнего Востока слишком разобщены, но все заметнее становится лидерство среди них Курдского автономного района в Ираке.

Курдский автономный район в Ираке осуществляет подготовку вооруженных сил сирийских курдов, также на территории автономии находятся военные базы Рабочей партии Курдистана. Это означает, что курды разных стран преследуют разные цели, однако все более заметной становится главенствующая роль иракских курдов и их лидера Масуда Барзани. Ведь несмотря на то, что Курдский автономный район не признал сирийскую автономию по причине того, что это может негативно сказаться на сотрудничестве района

с ключевыми партнерами, такими как Турция и Иран, он поддерживает сирийских курдов во всем, что не наносит вреда имиджу Иракского Курдистана. Это является результатом политических успехов автономии, которая представляет собой пример успешной реализации политического способа осуществления права на самоопределение – Иракский Курдистан фактически независим, заключает собственные международные договоры, осуществляет контакты с иностранными государствами, однако юридически входит в состав Ирака.

Говоря о турецкой Рабочей партии Курдистана, необходимо подчеркнуть, что она признана многими странами в качестве террористической организации. Однако ее военные ресурсы играют важную роль в борьбе курдов за самоопределение, поэтому она обладает несомненным авторитетом. Например, в 2011 г. иранская Партия жизни Курдистана по рекомендации РПК прекратила боевые действия в Иране и направила свои силы в Сирию для оказания помощи сирийским курдам, которые под руководством РПК в середине 2012 г. фактически создали в Сирии автономию [1].

Необходимо обратить особое внимание на трактовку права на самоопределение Конституционным судом Турции. В его решении по делу Партии свободы и демократии в 1993 г. сказано, что правом на самоопределение, а также независимость и свободу обладают только нации. Национальностью, согласно Конституционному суду Турции, является высокоорганизованная социальная структура, которая достигла высшей формы единения в ходе общественного прогресса. По заявлению Конституционного суда, нации в процессе становления проходят несколько исторических и социологических стадий и приобретают определенные характеристики. Нация не является племенем или этнической группой, представляющей собой социологическую структуру, созданную кочевыми, лингвистическими и этническими группами, которые не приобрели сознания общей истории. Конституционный суд считает группы, имеющие религиозное или этническое ядро, «простыми, примитивными и ограниченными», они противопоставляются понятию нация [13]. Из вышесказанного можно также сделать вывод о том, что подобное определение относится только к нациям, уже обладающим государственностью, и только эти образования имеют право на самоопределение. Следовательно, народы, не обладающие государственностью, не считаются объектами, имеющими право на самоопределение. По

мнению автора, данное определение направлено на то, чтобы лишить курдов права на самоопределение.

Из всего вышеописанного следует заключить, что исходя из международно-правовых позиций, курды как народ имеют право на самоопределение, однако на данном этапе сложно говорить о создании отдельного курдского государства, так как в каждой из четырех стран курдский вопрос имеет свою специфику. Курдские политические организации поставлены в разные условия и преследуют разные цели. У курдов также нет единого политического лидера, а лидеры курдов в разных странах неохотно идут на сотрудничество, поэтому отсутствует единая программа действий. Вследствие этого в настоящее время решение курдского вопроса лежит скорее в уравнении курдов в политических и гражданских правах с остальными народами и в удовлетворении их национально-культурных и иных потребностей.

Таким образом, международное право признает право курдского народа на самоопределение. Но на данном этапе сложно говорить о создании единого курдского государства, и на это есть несколько причин: *во-первых*, в каждой из четырех стран курдский вопрос имеет свою специфику; *во-вторых*, отсутствует общий лидер курдского национального движения и общие цели; *в-третьих*, понятие права народов на самоопределение носит противоречивый характер, оно отнюдь не идентично с правом на отделение и трактуется исходя из национальных интересов государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балмасов С. С. Иран и Сирия используют «курдский фактор» против Турции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=15559>
2. Баранов Н. А. Этнополитология. – Балтийск : БГТУ, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nicbar.ru/etnopolitologia_10.htm
3. Блищенко И. Содержание права народов на самоопределение // Право народов на самоопределение: идея и воплощение / сост. А. Г. Осипов. – М., 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z428_page_9.html
4. Декларация ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml

5. Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным народам и странам. 1960 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/155/24/IMG/NR015524.pdf?OpenElement>
6. *Жаров К.* Второй курдский регион на севере Сирии провозгласил автономию в одностороннем порядке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/917836>
7. *Лазарев М. С., Мгои Ш. Х., Васильева Е. И. и др.* История Курдистана. – М.: Восточная литература, 1999. – 205 с.
8. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml
9. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
10. ОНЮА. Вводная лекция по международному праву, 2011 год. Международная правосубъектность народов, борющихся за самоопределение [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://senatm.com/mejdunarodnogo-prava/mejdunarodnaya-pravosubyechnost-narodov.html>
11. *Старушенко Г. Б.* Самоопределение как правовая основа предотвращения конфликтов и защиты прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.memo.ru/hr/referats/selfdet/Chapter5.htm>
12. Устав ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter1.shtml>
13. *Derya Bayir.* Turkey, the Kurds, and the legal contours of the right to self-determination. – URL: <http://www.tplondon.com/journal/index.php/ks/article/view/28>
14. *Kenneth Katzman.* The Kurds in Post-Saddam Iraq. – URL : <http://fpc.state.gov/documents/organization/101816.pdf>
15. *Abdulla N.* The rise of Syria's Kurds. – URL : <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2014/01/rise-syria-kurds-201412353941189707.html>

УДК 327

А. Г. Спицын

кандидат исторических наук
профессор кафедры теории и истории
международных отношений ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: aspitsyn@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ XXI ВЕКА

В статье исследуются основные направления антропогенного воздействия на природу и его влияние на международные отношения в начале XXI в. Анализируются позиции крупнейших государств мира в области международных экологических программ, отдельные национальные проекты в сфере развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и перспективы их влияния на соотношение сил в международной торговле энергоносителями.

Ключевые слова: глобальная экология; международные природоохранные организации; техногенные катастрофы; Киотский протокол; возобновляемые источники энергии; солнечная и ветровая энергетика; международная экологическая экспертиза.

Spitsyn A. G.

Prof., candidate in History, Theory and History of International Relations
Department, Institute of International Relations and Sociopolitical Sciences,
MSLU

PROBLEMS OF GLOBAL ECOLOGY IN THE WORLD POLITIC OF THE XXI CENTURY

The article investigates the main directions of anthropogenic influence on the nature and his impact on the international relations in the beginning of the XXI century, analyzing positions of the biggest world States in different ecological programs and certain national projects in the development of renewable energy sources (RES) and perspectives of their influence on the relation of forces in the world trade of energy.

Key words: global ecology, international ecologic organizations, man-made disasters, the Kioto Protocol, renewable energy sources, solar and wind power, international ecological expertise.

Уже исполнилось 28 лет с начала крупнейшей техногенной катастрофы на Чернобыльской АЭС, которая драматичным образом напомнила, что достижения человеческого разума сопряжены с самыми негативными экологическими последствиями. Вызывающие

шумный эффект в мировом общественном мнении акции таких международных природоохранных организаций, как Гринпис (Greenpeace), Всемирный фонд охраны природы (World Wide Fund for Nature) не могут остаться без внимания и последствий в межгосударственных отношениях, а экологические угрозы, вслед за угрозами политическими, экономическими и военными, давно уже приобрели глобальный характер.

В феврале 2012 г. активисты Гринпис, среди которых была знаменитая актриса Люси Лоулесс, известная по сериалу «Ксена – королева-воин», забрались на зафрахтованную концерном «Шелл» 53-метровую вышку бурового судна «Ноубл Дискаверер» и вывесили плакаты «Остановите “Shell”» и «Спасите Арктику!», протестуя против поисков нефти у берегов Аляски.

В августе того же года гринписовцы атаковали принадлежащую Газпрому буровую платформу в Печерском море, протестуя против российских планов нефтедобычи в Арктике. Осложнения отношений России с рядом государств накануне проведения Зимних Олимпийских игр в Сочи не заставили себя ждать, а последствия акции Гринпис ощутимы до сих пор.

Наряду с ростом влияния экологических проблем на межгосударственные отношения и давления неправительственных международных природоохранных организаций, вносящих новые векторы в мировую политику, осложняется в целом и общепланетарная ситуация в области экологии.

Согласно данным крупнейшей в мире перестраховочной компании «Swiss Re», экономический ущерб от техногенных катастроф и природных катаклизмов составил в 2012 г. 186 млрд долл., количество жертв – 14 тыс. человек, сравнимое с числом погибших солдат и офицеров СССР за все время войны в Афганистане. Только ураган «Сэнди» в Мексиканском заливе привел к потерям в размере 70 млрд долл. США (второй показатель после урагана «Катрина» 2005 г.). Авария на нефтедобывающей платформе компании «Бритиш Петролеум» в той же акватории привела к катастрофическим последствиям для природы региона, а извержение вулкана близ ледника Эйяфьядлайёкюдль в Исландии 2010 г. на несколько суток нарушило авиасообщение во всей Западной Европе. В одной из наиболее технологически развитых стран мира Японии аварии на АЭС

«Фукусима-1» и «Фукусима-2», вызванные цунами 2011 г., привели к радикальному пересмотру стратегии развития атомной энергетики, расположенные за тысячи километров ФРГ, Бельгия и некоторые другие государства приняли решение полностью и окончательно отказаться от атомной энергетики. В мире нарастает общественное движение за отказ от мирного использования энергии атома, под давлением которого Австрия, Нидерланды, Польша и Испания уже официально запретили строительство новых АЭС на своих территориях. Новая Зеландия, провозгласившая в 1987 г. безъядерный статус, ввела полный запрет на использование атомной энергетики и заход в свои территориальные воды судов с ядерным оружием и ядерными энергетическими установками на борту. Несмотря на энергетический «голод» во многих государствах Южной Америки, строительство новых АЭС до сих пор рассматривается с большой долей скептицизма и исключается из предвыборных программ во избежание риска потери значительной доли избирателей.

Природные аномалии в акватории реки Амур в России и Китае в 2013 г., ущерб от которых окончательно не оценен, – один из наиболее ярких и чувствительных примеров воздействия экологии на выживание целых регионов, а решения руководства Роспотребнадзора нередко толковались с точки зрения «политэкологии».

Вопросы охраны здоровья человека и окружающей нас природы не только приобрели глобальный характер, но и стали неотъемлемой частью сферы международной политики и межгосударственных отношений.

Более тесного и скоординированного международного сотрудничества требуют прежде всего природные катастрофы глобального характера, которые не могут быть квалифицированы как последствия действий того или иного государства, той или иной транснациональной компании, а являются результатом общего осложнения природных условий на всех континентах.

По данным международного Центра исследований стихийных бедствий, число природных катастроф с каждым десятилетием увеличивается. Если в 1973–1982 гг. в мире было зафиксировано около 1,5 тыс. природных катаклизмов, то в 1983–1992 гг. их количество увеличилось до 3,5 тыс., а в период 1993–2002 гг. – до 6 тыс. [9]. На с. 177 приводится график, отражающий рост природных катастроф за последнее столетие.

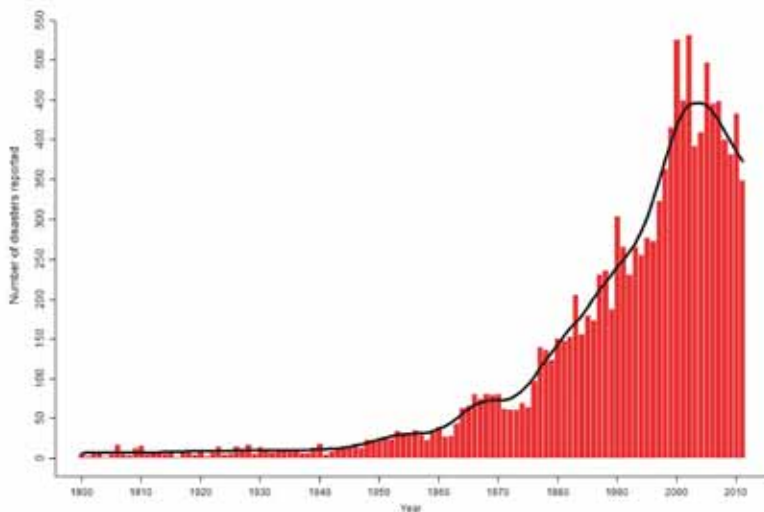

График роста природных катастроф в период 1900–2011 гг.

В настоящее время природные катастрофы происходят в мире в четыре раза чаще, чем 30 лет назад, а экономический ущерб от их разрушений вырос семикратно (данные аналитического отдела Департамента экономических и социальных проблем ООН [14, с. 3]). В период 1990–1999 гг. число прямых и косвенных жертв стихийных бедствий (потеря собственности, сельхозугодий и рабочих мест) увеличилось почти вдвое и затронуло жизнь 188 млн человек, в то время как от вооруженных конфликтов за этот же период пострадал 31 млн человек. В 2011 г. общие потери (согласно данным швейцарской страховой компании «Свиз Ре») составили 350 млн долл. США [12, с. 7]. По оценкам американского климатолога Джона Твигга, автора исследования «Пути уменьшения ущерба от катастроф», начиная с 1970 г. природные катаклизмы ежегодно уносят в среднем 80 тыс. жизней и негативно влияют на жизнь 144 млн человек, а, по данным ООН, в 1990-е гг. произошло 84 крупных природных катаклизма, что в три раза превышает показатели 1960-х гг. [9]. При этом совокупный экономический ущерб от стихийных бедствий в 1990-е гг. достиг почти 600 млрд долл. США, тогда как в 1960-е гг. аналогичный показатель не превышал 70 млрд долл. США (все расчеты производились в ценах 1998 г.). Даже если учесть, что в 1960-е гг. многие стихийные бедствия в странах третьего мира могли остаться

«недооцененными» (из-за неразвитости систем учета в то время), эти данные весьма красноречивы.

Международные усилия, направленные на согласование действий всех государств мира в сфере глобальной экологии столкнулись с серьезными проблемами в начале XXI в. Так переговоры в рамках Конференции ООН по климату, проходившие в Дохе (Катар) в конце 2012 г., столкнулись с глубокими различиями в позиции ряда крупнейших государств мира.

США, Индия, Китай и Япония не присоединились к продлению Киотского протокола, так как давно превысили разрешенный уровень выбросов и просто не в состоянии выполнять свои обязательства по его соблюдению. Ранее Канада и Австралия заявили о выходе из этого соглашения.

Россия отказалась подписать ту часть договора, которая налагает ограничения на производство парниковых газов, хотя до сих пор в силу структуры своей экономики не является «загрязнителем» и лишь подтвердила намерение снизить их выброс на 75 % по сравнению с 1990 гг., хотя выбросы парниковых газов в пределах российской территории на 35 % меньше разрешенного уровня и, по оценкам специалистов, до 2020 г. его не превысят.

Оценки этих шагов России в экспертной среде неоднозначны. Некоторые специалисты считают, что Россия потеряла возможность получать денежные компенсации в рамках климатических проектов по снижению выбросов, финансируемых другими странами и привлекать инвестиции для «зеленой» модернизации промышленности. Решение России означает отказ от инвестиций партии зеленых, которые могли бы составить примерно 10 млрд долл. до 2020 г. и быть использованы для «экологичного» развития российской промышленности. «Учитывая, что в российской казне средств на «зеленую» модернизацию, как правило, не находится, а продолжение участия России в Киотском протоколе (КП) не налагает на экономику никаких ограничений – это неконструктивное и крайне вредное решение как для экономики, так и для окружающей среды», – считает Владимир Сливяк, сопредседатель российской экологической группы «Экозащита!», принимавший участие в переговорах в Дохе как официальный наблюдатель [5, с. 1].

Что касается позиции российского руководства, то в ходе заседания правительства РФ, где рассматривалась госпрограмма об

охране окружающей среды на 2013–2015 гг., председатель правительства Д. А. Медведев заявил, что стоит «помахать ручкой» Киотскому протоколу, так как Россия не смогла воспользоваться данным международным соглашением в коммерческом плане и каких-либо выгод от Протокола не получила [6]. Важнейшим фактором, обусловившим решение российского руководства, скорее всего, стало то обстоятельство, что такие крупнейшие страны, как США, Канада и Япония вышли из Киотского протокола, Китай и Индия не были до сих пор охвачены его ограничениями, и дальнейшее участие в нем России (речь идет о так называемой торговле квотами, предусмотренной второй частью Протокола) не соответствовало принципу равноправия и целесообразности.

Первый период действия Киотского протокола (подписан в 1997 г.) действовал до 2013 г., второй – заканчивается в 2020 г. Чтобы торговать квотами с 2013 г., страны – участницы Протокола должны были взять на себя новые обязательства по сокращению выбросов. Таких оказалось немного: 27 стран Евросоюза (сокращение на 20% от уровня 1990 г.), Норвегия, Швейцария, Исландия, Лихтенштейн, Монако, Австрия, Украина и партнеры России по Единому экономическому пространству – Белоруссия и Казахстан. Суммарно на эти страны приходится лишь 15% всех мировых выбросов парниковых газов [5].

Из крупнейших и наиболее развитых межгосударственных образований только Евросоюз, на долю которого приходится 11% мировых выбросов, не вышел из переговоров, настаивая на обновлении Киотского протокола к 2015 г. Руководители ЕС считают, что некоторые так называемые развивающиеся страны (прежде всего Китай и Индия) вошли в число крупнейших загрязнителей и обязаны взять на себя обязательства по сокращению выбросов, если не в равной доле с ведущими признанными «загрязнителями», то, по крайней мере, с признанием реальных последствий их индустриализации. Относительно сроков согласования нового международного соглашения комиссар ЕС по климату Конни Хедегард полагает, что оно должно вступить в силу не позднее 2020 г.

Несмотря на различие позиций, подавляющее большинство стран – участников конференции ООН по климату в Дохе (2012) приняли единый пакет решений – «Дохийский климатический портал» («Doha Climate Gateway»). За продление действия Киотского протокола в целом проголосовали около 200 стран (включая Россию),

выразив таким образом общественную поддержку общей направленности этого документа.

Важным направлением совместных действий в области экологии, согласованных в ходе дохийских переговоров 2012 г., стало оказание финансовой помощи, направленной на реализацию экологических программ. Так в период 2013–2015 гг. ЕС обязался выделить странам с переходной экономикой около 6 млрд евро для реализации климатических программ, в частности, на финансирование специального климатического фонда, а также программ, направленных на борьбу с незаконной вырубкой лесов и переход к новым условиям, вызванным изменениями климата.

В настоящее время наиболее развитые государства мира прилагают активные усилия по поиску альтернативных экологически безопасных и возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

В условиях обострения экологических проблем бурно развивающейся отраслью энергетики стала ветроэнергетика. Так в конце 2012 г. общая установленная мощность всех ветрогенераторов составила 282,6 ГВт, увеличившись более чем в десять раз по сравнению с 2000 г. В 2012 г. количество электрической энергии, произведенной всеми ветрогенераторами мира, составило 450 тераватт-часов (около 3 % всей произведенной человечеством электрической энергии) [10].

Всего в 2013 г. в индустрии ветроэнергетики были заняты около 500 тыс. человек, а мировой рынок оборудования для ветроэнергетики вырос до 36,5 млрд евро [10].

Следует отметить, что в области ветряной энергетики передовые позиции занимает Европа. В 2007 г. в Европе было сконцентрировано 61 % установленных ветряных электростанций всего мира, в Северной Америке 20 %, Азии 17 %. В настоящее время первое место в Европе по доле электроэнергии, произведенной на ветряных электростанциях, принадлежит Дании (более 20 %), второе – Германии (около 15 %). Среди других европейских стран следует выделить по этому показателю Португалию и Испанию. В один из мартовских дней 2008 г. Испания установила европейский рекорд, получив 40,8 % всей электроэнергии страны на ветряных генераторах. Норвегия из года в год наращивает инвестиции в сфере в «зеленой» энергетике, в частности ветряной, на 14–15 %.

Анализируя перспективы развития ВИЭ, следует прежде всего обратить внимание на КНР, которая по всем параметрам уверенно нагоняет ведущие государства мира. Например, в 2012 г. совокупная

мощность действующих в Китае ветровых электростанций (ВЭС) была доведена до 100 ГВт, причем только за 2013 г. было установлено 14 ГВт, а общий объем электроэнергии, выработанной на ВЭС, превысил 100 млрд кВт-часов (для сравнения: на АЭС Китая вырабатывается 98 млрд кВт-часов). По общей мощности действующих в стране ветрогенераторов Китай занял первое место в мире и согласно планам правительства намеревается довести к 2020 г. общую мощность ВЭС до 200 ГВт.

По данным Европейской ассоциации фотоэлектрической промышленности, одним из наиболее динамично развивающихся направлений является и солнечная энергетика. В 2012 г. суммарная мощность действующих гелиоэнергетических установок в мире выросла на 31 ГВт, превысив рубеж в 100 ГВт, что равно генерации 16 крупных АЭС. Европа и в этой области является лидером, сосредоточив около 70% всех генерирующих мощностей данного вида альтернативной энергетики в мире. Например, в Италии они уже обеспечивают примерно 7% потребляемой электроэнергии, в Германии – 6%, в Греции – 4%, а в Болгарии, Чехии, Бельгии и Испании – по 3% [10].

В 2012 г. в ЕС были установлены новые фотоэлектрические преобразователи суммарной мощностью 17 ГВт, причем почти половину этого прироста обеспечила Германия. Хотя Европа и сохраняет свое первенство в этой области, ее доля в числе устанавливаемых на планете солнечных батарей сократилась с двух третей до половины в результате активного развития солнечной энергетики в Азии и Северной Америке. Так Китай и США в 2013 г. ввели в эксплуатацию вдвое больше солнечных станций, нежели годом ранее, Индия увеличила количество фотоэлектрических преобразователей в пять раз, Япония – на 50%. Как видим, в области ВИЭ, после Европы, лидируют именно те государства, которые не подписали Киотский протокол.

Согласно прогнозам президента Европейской ассоциации фотоэлектрической промышленности Винфрида Хоффмана, самый большой прирост мощностей гелиоэнергетики произойдет в ближайшие годы в Китае, на втором месте окажется Япония, на третьем – США. Интерес к развитию солнечной энергетики подстегивается снижающейся себестоимостью оборудования. Так, если 20 лет назад производство одного кВт-часа стоило одно евро, то сегодня в странах, богатых солнцем, оно обходится менее чем в 10 евроцентов,

а в некоторых регионах – в 6–7 евроцентов. Электроэнергия, генерируемая фотоэлектрическими установками, уже сейчас дешевле, чем розничные цены на электроэнергию в ряде стран (в том числе Италии, Испании, Дании, Австралии и в южных районах Германии).

По информации экспертов американской консалтинговой компании «Navigant Consulting», к концу 2020 г. стоимость электроэнергии, производимой из солнечного света с помощью фотоэлектрических модулей, сравнивается со стоимостью электричества, производимого традиционной энергетикой. Причем этого можно будет достичь и без традиционных льгот, которыми пользуется «зеленая» энергетика. Точкой отсчета «солнечной независимости» считают 2017 г., когда государственные грантовые программы в США прекратят свое существование. Германия, бессменный лидер ЕС в освоении энергии солнца, и вовсе может уже с 2015 г. отменить все льготы для производителей наземных крупногабаритных солнечных установок за исключением небольших систем, устанавливаемых на крышах зданий.

По мнению аналитиков, в ближайшие семь лет в строительство новых солнечных установок во всем мире будет вложено 134 млрд долл. США, а их суммарная мощность составит 438 ГВт. Наибольший рост рынка обеспечат страны Северной и Южной Америки, а также азиатского региона.

Выдвижение Китая в ряд ведущих экономических держав мира сопровождалось резким ростом экологических проблем как внутри страны, так и за ее пределами. Выйдя на второе место в мире по ВВП после США, Китай по ущербу экологии своей территории и другим странам намного опередил своего великого соседа на другой стороне Тихого океана. Как отмечает французская газета «Атлантико», «загрязнение воздуха в Китае “бросает тень” на весь мир» [3, с. 3]. В результате головокружительного экономического роста уровень загрязнения в Поднебесной за последние 25 лет возрос многократно. Так в начале января 2013 г. датчик на крыше американского посольства в Пекине выдал поразительную цифру 755 по индексу качества воздуха Агентства по охране окружающей среды США (Environmental Protection Agency, EPA). Обычно этот показатель не превышал 500 и, если уровень загрязнения выше 100 может «навредить здоровью восприимчивых людей», то выше 400 становится «опасным» для всех без исключения.

Наблюдательные станции на всем западном побережье Северной Америки (от Калифорнии до Британской Колумбии) регулярно подают сигналы тревоги с приближением облаков грязного воздуха из Китая, которые, несмотря на путешествие через весь Тихий океан, практически не рассеиваются. Аналитики американского журнала «Chemical & Engineering News» считают, что около 30% загрязнения воздуха на западном побережье Америки можно напрямую списать на китайский «импорт» [1].

В области соблюдения ряда требований экологии нарастает напряженность отношений Китая и со странами Европы. Так китайские авиакомпании отказались платить введенный Евросоюзом налог на выбросы парниковых газов. Заместитель генерального секретаря Китайской ассоциации воздушного транспорта (China Air Transport Association, CATA) Цай Хайбо заявил, что «Китай не будет сотрудничать с ЕС в области торговли квотами на выбросы парниковых газов, поэтому авиакомпании его страны не собираются вводить новые надбавки для своих клиентов» [3, р. 3].

Одновременно Китай выступил с критикой постановления Верховного суда Евросоюза, разрешающего европейским властям взимать с начала 2012 г. с иностранных авиакомпаний компенсацию за выбросы углекислого газа. Действительно, в конце 2012 г. высший судебный орган ЕС постановил, что Евросоюз имеет право обязать все авиакомпании, осуществляющие полеты над территорией стран членов ЕС, выплачивать компенсации за выбросы самолетов. В решении суда говорится, что применение схемы выплат за выбросы углекислого газа в атмосферу соответствует принципам международного права и договору об «открытом небе». Пекин квалифицировал этот экологический налог как «зеленый занавес», который может спровоцировать торговую войну.

В реализации международных экологических программ важное место занимает такой крупный «загрязнитель» как Япония. Несмотря на то что в 2011 г. японское правительство официально взяло на себя обязательство сократить к 2020 г. выхлопы углекислого газа на 25 % от уровня 1990 г., после аварии на АЭС «Фукусима» оно было вынуждено кардинально изменить свои планы в этой области. Так правительство Японии представило в секретариат Рамочной конвенции ООН по климату документ о регистрации других более высоких пределов выхлопов [2]. Одновременно в Японии активно ищут замену «атомным кипятивильникам» – АЭС, делая ставку на более

безопасные и чистые технологии производства энергии. Так недавнее исследование «фотоэлектрического рынка» Японии, проведенное транснациональной консалтинговой компанией «IMS Research», показывает, что его рост в 2013 г. составит 120% [2], который позволит Японии занять по этому показателю второе место в мире (после Германии). Главной движущей силой японской солнечной энергетики являются крупные, так называемые мегасолнечные, проекты суммарной мощностью более 2 ГВт.

Многочисленные международные экономические проекты требуют доскональной и дорогостоящей экологической экспертизы, которая давно приобрела внешнеполитическое значение, потребовала не только сложных технических согласований, но и серьезных международных переговоров. Так только начальные экологические исследования района газопровода «Северный поток», ставшие самыми масштабными из всех ранее проводившихся на Балтике, стоили более 100 млн евро, а на последующие годы было выделено 40 млн евро [12]. В рамках этого проекта впервые удалось сбалансировать международные и национальные экологические требования всех стран в исключительных экономических зонах, через которые проходит трасса газопровода.

Если строительство «Северного потока» может служить примером корректного согласования сложнейшего энергетического проекта, есть примеры и серьезной обструкции со стороны некоторых лидеров стран Балтийского региона в международном сотрудничестве в сфере энергетики. Например, президент Литвы Даля Грибаускайте, известная своей антироссийской ориентацией и занимавшая во второй половине 2013 г. должность председателя Совета Евросоюза, заявила, что ЕС не будет покупать электричество с Балтийской АЭС в Калининградской области, которую квалифицировала «небезопасной» и несоответствующей требованиям конвенции ЭСПОО (Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте) и нормам МАГАТЭ. «Литва, как весь Евросоюз, может покупать энергию только из тех источников, которые безопасные и соответствуют конвенции ЭСПОО», – заявила Д. Грибаускайте [8].

В рамках нарастающей глобализации вопросы экологии становятся объектом сложных согласований в двухсторонних и многосторонних международных отношениях, а в некоторых случаях – движущей

силой реальной мировой политики, требуя все более профессионального подхода к их анализу и решению со стороны государственных учреждений и неправительственных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Интернет-портал журнала «Chemical & Engineering News» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cen.acs.org/index.html>, 4–01–2012
2. Интернет-портал Японской радиовещательной корпорации NR World [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www3.nhk.or.jp/nhkworld/russian/top/news01.html>, 12.02.2012
3. Интернет-портал журнала «Деньги» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dengi.ua/magazine.html>, 04.01.2012, р. 3.
4. *Кинг Б.* Загрязнение воздуха в Китае «бросает тень на весь мир» / Atlantico, France, 13.03.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // earth-chronicles.ru/news/2013-03-10-40397
5. *Лютова М.* Россия выходит из Киотского протокола // Ведомости, 10.12.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rus.ruvr.ru/2012_12_08/Uchastniki-peregovorov-OON-po-klimatu-prinjali-edinij-paket-reshenij/
6. *Медведева Д. А.* Балтика в XXI веке: приоритет – экология / РИА Новости, 5.04.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [www.http://polit.ru/news/2013-04/](http://www.polit.ru/news/2013-04/)
7. *Норкин А.* Испания: первая фотоэлектрическая станция без дотаций / Facepla.net. 07.04.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.facepla.net/index.php/the-news/energy-news-mnu/2232-spain-pv-wo-dotation>
8. Президент Литвы: Евросоюз не будет покупать электричество с Балтийской АЭС / Регнум [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.regnum.ru/news/1657365.html#ixzz2T8WleNnp>
9. Center for Research on the Epidemiology of Disasters (CRED). – Bruxelles, Belgium. – URL : <http://www.cred.be/>
10. European Fotovoltaic Industry Assotiation (IPIA), Report 2013. – URL : http://termaal.ru/globalnyj_rynok/analytics/outlook2015/
11. Golos-ameriki. – URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/russia-ecology-the-kyoto-protocol/1554888.html>
12. Swiss Re Annual Report 2011. – URL : www.swisre.com
13. UN Department of economic and social affairs (ECOSOC), Statistic Division. – URL : <http://www.un.org/en/development/desa/index.html>
14. US and China in race to the top of global wind industry / Интернет-портал: Energy Daily. – URL : <http://www.gwec.net/index.php>

УДК 338.2

С. Т. Стукалова

кандидат философских наук
заведующая кафедрой связей с общественностью ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: stukalovast@mail.ru

РЕБРЕНДИНГ PR-ОТРАСЛИ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНА

В статье рассматривается вопрос о роли и задачах отрасли связей с общественностью в современных условиях социально-экономического развития общества. Особое внимание уделяется анализу деятельности профессионального сообщества в области реализации социальной политики региона во взаимосвязи с улучшением репутации самой коммуникационной отрасли.

Ключевые слова: социальная политика; регион; связь с общественностью; ребрендинг; корпоративная социальная ответственность; человеческий капитал; стратегическое планирование.

Stukalova S. T.

PhD, Head of the Department of Public Relations,
Institute of International Relations and Social-political Studies, MSLU

REBRANDING PUBLIC RELATIONS AND DEVELOPPING REGIONAL SOCIAL POLICY

The article focuses on the role of public relations and its rebranding in connection with socio-economic development of modern society. Particular attention is paid to some ideas of how regional social policy might be advanced by means of public relations in different spheres.

Key words: social policy; region; public relations; rebranding; corporate social responsibility; interaction of social groups; human capital; strategic planning.

Постановка вопроса о ребрендинге отрасли связей с общественностью продиктована возрастанием роли коммуникационной отрасли и усложнением ее задач по обеспечению и развитию общественных связей в современных социально-экономических условиях. В настоящее время переосмысливаются представления о социальных функциях государства, развивается структура государственного управления (созданы министерства РФ по развитию регионов Дальнего Востока, Северного Кавказа, Крыма, анонсирована реформа местного самоуправления), усиливаются тенденции

усложнения общественных отношений, меняется коммуникационная система общества. Отсюда ускоряются и обновляются процессы информационного обмена и управления коммуникационными потоками. Императивом становится наполнение новым содержанием деятельности специалистов по коммуникациям и определяющих ее стандартов. С ребрендингом отрасли связана также необходимость изменить восприятие широкой аудиторией этой сферы профессиональной деятельности как значимой, социально ответственной, способствующей гармонизации отношений во всех сферах жизни общества. На повестку дня развития области связей с общественностью, обозначенную в докладе Российской академии общественных связей (РАОС) «Состояние национальной индустрии общественных связей. 2014», включены вопросы о «повышении значимости индустрии общественных связей как важнейшего фактора развития гражданского общества, экономики и государственных институтов в России, восстановлении и укреплении репутации отрасли и профессии в общественном сознании, в средствах массовой информации, органах государственной власти, в деловых кругах» [5, с. 38].

Прежде всего отрасли связей с общественностью необходима действенная система саморегулирования, которая обеспечивала бы на практике соблюдение этических норм и принципов профессионального поведения, зафиксированных в профессиональных этических кодексах и хартиях [5]. В этом случае, подготовка специалистов для социально ответственной деятельности с высоким уровнем развития коммуникативных технологий должна включать обязательный, полноценный, методически выверенный курс по профессиональной этике. Его должны сопровождать ясные примеры, на практике иллюстрирующие значение аксиологических аспектов в решении этических дилемм в профессиональной деятельности. Следовательно, такие примеры должны быть даны профессиональным сообществом.

Принятое международное определение связей с общественностью изменило содержание понятия «связи с общественностью» как процесса стратегических коммуникаций, которые направлены на установление взаимовыгодных отношений между организацией и ее аудиториями [2]. Такие отношения можно охарактеризовать как отношения сотрудничества, они предполагают диалогический характер коммуникативного процесса, субъект-субъектные отношения между субъектом PR-деятельности и его общественностью,

поскольку нацелены на долгосрочную перспективу и на прогнозируемый результат.

Специалисты по связям с общественностью, профессиональные коммуникаторы, работающие в организации, – специальная служба, задача которой понимать интересы и ожидания общества на этой основе строить вместе с руководством организации долгосрочные с учетом этических норм отношения. Связи с общественностью располагают разнообразным инструментарием для развития оптимальных форм взаимоотношений, управления репутацией компании, формирования имиджа, антикризисного менеджмента, информационного обмена во внутреннем пространстве организации любого типа и в ее внешнем окружении. Эффективная деятельность связей с общественностью конвертирует успешные, грамотно выстроенные коммуникации в деловую репутацию и устойчивое развитие самой организации, а также регионов ее присутствия. Таким образом, связи с общественностью имеют социально ориентированный и социально ответственный характер, что означает на практике учет в деятельности организации интересов, потребностей общественности, социальных групп, с которыми она вступает в отношения через информационно-коммуникативное взаимодействие.

В действительности, в настоящее время содержание социальной политики государства определяется таким направлением, как региональная социальная политика. Являясь частью общей стратегии государства, субъектам Российской Федерации отведена ведущая роль в реализации региональных социальных программ, т. е. региональные органы власти одновременно формируют и проводят самостоятельную социальную политику. С учетом финансовых возможностей и вместе с местными администрациями они несут ответственность за решение проблем в области занятости, организации социальной защиты и социальной помощи населению. Эта деятельность направлена на прогрессивное развитие социальной сферы – совершенствование условий, образа и качества жизни членов общества. В настоящее время социальная политика государства претерпевает глубокие изменения, меняется представление о социальных функциях государства – удовлетворение социальных потребностей населения будет зависеть от развития человеческого капитала как условия конкурентоспособности государства, следовательно необходимо создавать условия для его развития [1]. Социальная политика имеет

разные модальности реализации и проводится через институты гражданского общества, корпорации, политические партии, учреждения гуманитарной сферы, ассоциации, фонды и т. д. В данной ситуации потребность в регионе разных субъектов (от государственных учреждений до отдельных компаний и организаций) в коммуникационных услугах возрастает. Если региональными органами власти будут «запущены» механизмы выстраивания отношений с общественностью через коммуникации, это поспособствует эффективному существованию всех социальных институтов региона.

Вкладом в решение вопросов, относящихся к области социальной политики, является сегодня социально ответственная деятельность коммерческих компаний, т. е. добровольный и осознанный, стратегический вклад в развитие общества в приоритетных для нее сферах: социальной, экономической, экологической. Тем самым осуществляется плановое системное содействие в обеспечении устойчивого развития общества (местного сообщества), а также увеличивается репутационный ресурс компании как «социально ответственного “гражданина” местных сообществ» [4]. Социальное инвестирование означает приоритет формирования репутационного капитала, долгосрочного сотрудничества со всеми заинтересованными участниками по отношению к увеличению прибылей в максимально короткие сроки. Организация деятельности корпоративной социальной ответственности (КСО), подготовка социальной отчетности, представляющий собой важный коммуникационный ресурс, – результат совместной работы руководства компании и департамента по связям с общественностью. Очевидно, что корпоративная социальная ответственность включает компании в решение задач социальной политики региона.

Кроме того, грамотно построенные внутрикорпоративные коммуникации, корпоративная философия, стандарты корпоративного поведения, обучения и карьерного развития преобразовывают взаимоотношения внутри коллектива. Весь комплекс горизонтальных и вертикальных коммуникаций может работать на стабильное функционирование предприятия.

PR-проектирование является сегодня одним из основных направлений коммуникационной деятельности в связях с общественностью, способом решения проблемных ситуаций, особенно действенным в нестабильной экономической реальности. Проект разрабатывается

для решения или локализации некой проблемы, при наличии информации в результате различных исследований, подтверждающих актуальность и важность ее решения. Примеры успешно реализованных проектов в разных регионах страны, собранные на страницах издания «Национальная премия» в области развития общественных связей «Серебряный Лучник», свидетельствуют о накопленном опыте специалистов по связям с общественностью комплексно и творчески решать многосложные задачи в разных сферах, в том числе социальной. Авторами и исполнителями проектов являются корпоративные службы по связям с общественностью, коммуникационные агентства, отделы общественных связей агентств социальной информации, администрация города, края, комитет по информационной политике, пресс-служба. Номинации премии: «Лучший проект продвижения научных достижений и инноваций», «Лучший проект продвижения идей спортивного, здорового образа жизни», «Лучший проект в области социальных коммуникаций и благотворительности», «Лучший проект по развитию и продвижению территорий» – пример социального проектирования в разных областях [3]. Создание в регионах служб и отделов по связям с общественностью, агентств, оказывающих коммуникационные и консалтинговые услуги, повлечет за собой активную проектную деятельность, что продолжит расширение географии национальной премии «Серебряный лучник».

В ряду современных технологий, применяемых в связях с общественностью, и непосредственно связанных с социальной политикой региона – продвижение и развитие территории. В данном случае решается комплекс задач, главная из которых заключается в том, чтобы жители региона идентифицировали себя с местом проживания и не стремились переселиться в другие регионы. Речь идет не только о географической территории, но о людях живущих и имеющих к ней отношение, а также тех, кто чувствует к ней свою причастность. В проекте «продвижение территории» участвуют специалисты разных профилей, в том числе экономисты, социологи, экологи, психологи, журналисты, маркетологи, историки и профессионалы в области рекламы и PR. На всех этапах подготовки проекта необходимы постоянные исследования, измерения, ситуационный анализ, защита природоохранных зон, изучение архивов, местной прессы с тем, чтобы учесть мнение всех целевых аудиторий. Важным представляется сотрудничество с экспертными сообществами для

принятия компетентного решения. В результате создается собственный, присущий данной территории конкурентный потенциал как комфортного места проживания, отдыха, а также экономического развития. Таким образом, деятельность проектной команды на основе коммуникационных технологий, интегрирующих все аспекты развития территории для улучшения качества жизни, может внести целенаправленные прогрессивные изменения в окружающей действительности, сформировать «репутацию» территориального образования, соответствующую концепции устойчивого развития.

Очевидно, что сложность и ответственность задач в связях с общественностью показывает, что их могут выполнить профессионально подготовленные специалисты, умеющие понимать свою аудиторию, творчески и ответственно мыслить, принимать решения при отсутствии готовых алгоритмов, соотносить ценностные аспекты планируемых действий с их результатом. В таком случае можно в значительной степени повлиять на развитие инфраструктуры коммуникационных услуг, изменить представление о стратегической эффективности PR-деятельности в контексте региональной социальной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахинов Г. А., Камилев Д. А.* Социальная функция государства в условиях рыночной экономики: вопросы теории и практики. – М.: ИНФРА, 2006. – 280 с.
2. Меморандум Российской ассоциации по связям с общественностью «О состоянии общественных отношений в Российской Федерации в 2012–2013 годах» / ред. Ю. Б. Грязновой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.raso.ru/about/memorandum>
3. Пятьдесят лучших проектов Национальной премии в области развития общественных связей «Серебряный Лучник» 2010–2011 гг. – Ульяновск: Дом печати, 2013. – 634 с.
4. *Семенов И. С.* Корпоративное гражданство: западные модели и перспективы для России // Полис. – 2005. – № 3. – С. 13–36.
5. Состояние национальной индустрии общественных связей. 2014. Доклад Российской академии общественных связей. – М.: Моск. гос. универ. печати им. И. Федорова, 2014. – 39 с.

УДК 327

М. А. Джабер Тахер

аспирант кафедры теории и истории
международных отношений ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: taheerjaber@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МАДРИДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (1991 г.) ПО БЛИЖНЕВОСТОЧНОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ

Статья посвящена урегулированию палестино-израильского конфликта и роли в этом процессе Мадридской мирной конференции 1991 г., за стол которой международному сообществу удалось посадить вместе непримиримых противников – Израиль и Организация освобождения Палестины.

Ключевые слова: Палестина; Израиль; Мадридская конференция.

Taheer M. A. Jaber

Post-graduate student of the Department of Theory and History
of International Relations of the Institute of International Relations
and Social-political Studies, MSLU

THE HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE MADRID CONFERENCE (1991) ON THE MIDDLE EAST SETTLEMENT

The article is devoted to the settlement of the Palestinian-Israeli conflict and the role in this process of the Madrid peace conference of 1991, at the table where the international community failed to put together irreconcilable opponents – Israel and the PLO.

Key words: Palestine; Israel; the Madrid conference.

Сегодня по истечении 60 лет с момента, когда мировое сообщество начало заниматься решением «палестинской проблемы», она еще дальше от ее разрешения, чем в начале этого пути. Нет в мире проблемы, которая привлекала бы к себе такое внимание политиков, дипломатов, религиозных и общественных деятелей и СМИ многих стран мира.

Однако в истории палестино-израильских отношений были моменты, когда появлялся свет в конце туннеля и урегулирование конфликта казалось достижимой и реальной целью. В этой связи большой интерес для историков, изучающих этот конфликт, в том числе и для автора настоящей статьи, представляет Мадридская мирная конференция (октябрь – ноябрь 1991 г.), когда международному

сообществу впервые удалось усадить за стол переговоров представителей обеих противостоящих сторон, что открывало реальную перспективу решения одного из сложнейших вопросов международной политики.

С точки зрения теории международных отношений Мадридская конференция была интересна тем, что она явилась примером известного в конфликтологии феномена, когда обе стороны конфликта расходятся в идентификации противоборствующей стороны. Другой пример: Азербайджан считает противоборствующей стороной не Нагорный Карабах, а Армению. Армения считает, в свою очередь, что с Азербайджаном конфликтует Нагорный Карабах.

Мадридская конференция выявила, что Израиль считает противоборствующей стороной не Организацию освобождения Палестина (ООП), а арабские страны. Поэтому Израиль отказался вести переговоры с ООП и на конференцию отправилась совместная иорданопалестинская делегация.

1970-е гг. стали свидетелями ряда региональных и международных событий, что неизбежно вызвало изменения в позициях арабских стран в отношении конфликта с Израилем в сторону тенденций, отличных от лозунгов противодействия созыву арабской конференции, высказанных на Арабском саммите, состоявшемся в Хартуме в 1967 г. (нет – переговорам, нет – миру, нет – признанию). Так начала формироваться официальная общеарабская позиция, нацеленная принять принцип прямых непосредственных переговоров с Израилем на основе соответствующих резолюций СБ ООН, в частности № 242 и № 338. Это стало результатом того, что Египет уже не участвовал в политическом и военном раскладе сил – участниц конфликта после подписания Соглашения о разделении вооруженных сил Египта и Израиля на 101-м километре, что имело место после окончания войны 1973 г.¹ Президент Египта А. Садат принял точку зрения США, которые подталкивали арабские страны в сторону сепаратных двусторонних соглашений с Израилем, и даже подписал Кемп-Дэвидский договор.

¹ 101 км связан с пунктом, на котором остановился бой на Египетском фронте 24 октября 1973 г., при этом израильская армия остановилась на расстоянии 101 км от Каира, после того как она окружила Третью египетскую армию к востоку от Суэцкого канала.

Руководство ООП поддержало официальную общеарабскую позицию с целью принятия полного и сбалансированного политического урегулирования, которое приведет к созданию независимого Палестинского государства на территориях, оккупированных в 1967 г., со столицей в Восточном Иерусалиме. Однако арабские правительства, за исключением Египта, продолжали придерживаться идеи о необходимости созыва международной мирной конференции под эгидой ООН. Они выступали против сепаратных соглашений и настаивали на коллективных переговорах, противостоя Израилю, проводившему политику, которая, по сути, отрицала урегулирование, основанное на соответствующих международных резолюциях. Израиль, хотя и демонстрировал определенную гибкость и готовность уступить некоторые арабские территории, оккупированные им 5 июня 1967 г., однако начал аннексию некоторых других территорий, например Голанских высот и Восточного Иерусалима. Если Израиль и согласился дать какую-то власть Палестинской автономии на оккупированных территориях в переходный период, то, с другой стороны, он организовал и организывает иммиграцию евреев и создает еврейские поселения на оккупированных арабских территориях. Израиль вытесняет арабов с этих территорий, что противоречит всем международным законам и резолюциям, защищающим права граждан на территориях, находящихся под оккупацией. Хотя Израиль и ушел с некоторых арабских оккупированных территорий, например Синайский полуостров в Египте, он оккупировал обширные территории на юге Ливана во время нападения на Ливан летом 1978 г., а также во время крупномасштабного захвата Ливана летом 1982 г. Если Израиль и доказал частичную готовность согласиться на принцип «земля в обмен на мир», он, с другой стороны, стремился к достижению военного превосходства над арабскими государствами, расположенными по соседству с ним. Израиль не стеснялся использовать грубую военную силу под предлогом, что это силы быстрого реагирования Израиля [5].

На протяжении нескольких десятилетий «холодной войны» соотношение сил в Арабо-израильском конфликте было связано непосредственно с уровнем американо-советских отношений, поскольку каждое из этих двух государств стояло за одной из сторон конфликта, оказывая ей различные виды помощи. Следовательно, когда одна из сверхдержав пыталась добиться завоеваний за счет другой стороны, это неизбежно влекло за собой соответствующую

реакцию со стороны другой сверхдержавы. Поэтому ясно, что некоторые арабские страны концентрировали свои усилия на развитии стратегических союзнических отношений с Москвой. Напротив, Израиль опирался, со своей стороны, на Соединенные Штаты, хотя в то же время была заметна тенденция, со стороны некоторых арабских государств-союзников Москвы, развивать отношения с США, особенно, в 1970–1980-е гг. [5].

Однако необходимо отметить, что союзнические отношения между некоторыми арабскими странами и Советским Союзом никогда не достигали того уровня, на котором находились отношения между Израилем и США. При этом США делали все возможное для того, чтобы баланс военных сил в регионе Ближнего Востока оставался в пользу Израиля.

Как отмечает в своей диссертации бывший посол Палестины в Москве Фаттах аль-Ориди, «к началу Международной мирной конференции в Мадриде в 1991 г. позиции как США, так и Израиля в отношении способов решения палестинской проблемы были уже в основном сформулированы. Они оказали решающее влияние на содержание палестино-израильского направления в ближневосточном мирном процессе... Наиболее важными этапами выработки этих позиций были Кэмп-Дэвидские соглашения 1979 г. и так называемая «ближневосточная инициатива» Р. Рейгана 1982 г. – документы, реализация которых должна была позволить израильтянам и американцам решить палестинскую проблему без палестинцев и за их счет. Вполне естественно, что они были отвергнуты палестинцами» [4, с. 17].

6 марта 1991 г. президент США Дж. Буш объявил о своей инициативе по решению проблемы Ближнего Востока, состоящей из четырех пунктов: 1) выполнение Резолюций СБ ООН № 242 и 338; 2) принцип «земля в обмен на мир»; 3) законные права палестинского народа; 4) безопасность и мир Израилю.

Американская администрация, направив на Ближний Восток госсекретаря Дж. Бейкера, объявила, что готова сотрудничать с палестинцами, но при условии, что они войдут в состав совместной иордано-палестинской делегации [1].

Что касается Москвы, которая являлась коспонсором переговоров в Мадриде, то ее позиция в то время отражала ту реальность, в которой она находилась в результате сложного переходного этапа,

который она переживала. Самое главное, к чему она стремилась, это подчеркнуть необходимость сотрудничества с США в условиях «нового мирового порядка».

Когда ООП обратилась к Москве, попросив ее повлиять на Вашингтон, с тем чтобы он учитывал права палестинцев, Министр иностранных дел СССР А. Бессмертных быстро отреагировал на эту просьбу.

14 мая 1991 г. в Женеве состоялась встреча советской делегации во главе с А. Бессмертных и палестинской делегации во главе с Я. Арафатом. На этой встрече были выработаны следующие принципы предстоящей Мадридской конференции:

1. конференция будет называться «мирная конференция»;
2. европа участвует в качестве наблюдателя;
3. ООН также участвует в качестве наблюдателя;
4. достигнутые соглашения сдаются на хранение в ООН;
5. достигнутые соглашения должны быть заверены ООН [1].

Эти принципы помогли преодолеть препятствия, воздвигнутые некоторыми странами на пути поисков мирного урегулирования.

Что касается Израиля, он решительно заявил, что направит свою делегацию на Мадридскую конференцию только в том случае, если там не будет самостоятельной палестинской делегации.

28 сентября 1991 г. Национальный совет Палестины, собравшись на сессию в Алжире, дал согласие на участие в предстоящей мирной конференции. Однако поскольку Израиль отказался встречаться с самостоятельной палестинской делегацией, Иордания и ООП пришли к соглашению, что на конференцию отправится их единая совместная делегация. 13 декабря 1991 г. Исполком ООП дал соответствующее согласие.

Арабские государства и Организация освобождения Палестины в 1991 г. приняли совместный призыв СССР и США к миру с целью достижения полного и сбалансированного мира и завершения конфликта на Ближнем Востоке путем четкого претворения в жизнь соответствующих международных резолюций. На открытии конференции в Мадриде все арабские государства настаивали на необходимости придерживаться этих резолюций. При этом они верили, что провозглашенный мир неизбежно приведет к сохранению законных прав этих государств на возвращение оккупированных территорий и неурезанный суверенитет, а также соблюдение

незыблемых и законных прав палестинского народа на создание независимого государства, на самоопределение и возвращение беженцев к их очагам и собственности в соответствии с Резолюцией СБ ООН № 194.

Однако, к большому сожалению, курс арабов и палестинцев на то, чтобы придерживаться международных резолюций, связанных с Арабо-израильским конфликтом, натолкнулся на непреодолимое противодействие Израиля и США, которые выдвигали специфические и пространные толкования этих резолюций, ставшие предметом торга, и нижеследующий пример ясно об этом свидетельствует.

Две Резолюции – № 242 и № 338 – считаются наиболее весомыми и неясными одновременно.

Несмотря на то что Резолюция № 242 появилась в результате того, что Израиль совершил агрессию против арабских стран и захватил часть их территории, вышеупомянутая резолюция не приняла во внимание этот факт. Результат агрессии не учитывался ООН, что явствовало из этой резолюции, поскольку целью ее формулирования было еще больше запутать все, что связано с агрессором, не принимая во внимание законные права палестинского народа. Резолюция полностью игнорировала эти права, а также права государств, подвергшихся агрессии.

С точки зрения процессуальной, резолюция была принята в Совете Безопасности ООН в соответствии с текстом шестой главы Устава ООН, и, следовательно, резолюция, по своему правовому характеру, означала лишь «рекомендацию», не имевшую обязательной силы. В отличие от нее резолюции, которые может принимать Совет Безопасности в соответствии с седьмой главой, обязывают, хотя и теоретически, претворять их в жизнь, как, например, использование военной силы и другие предупредительные меры, которые могут быть менее жесткими, но действенными.

Что касается Резолюции № 338, то она была принята после октябрьской войны 1973 г. и не принесла ничего нового, кроме того, что она подтвердила необходимость осуществить Резолюцию № 242. И это несмотря на то что политическое и военное соотношение сил частично изменилось в пользу арабской стороны.

Позиция палестинцев и всех арабов на конференции в Мадриде заключалась в принципе «земля в обмен на мир». Исходя из этого, арабские участники Мадридской конференции стали выделять

этот принцип, указывая, что он гарантирует минимум законных прав арабов. В это же время Израиль делал попытку максимально размыть свою позицию с целью затянуть время переговоров с тем, чтобы они погрязли в деталях. Для этого израильские правительства манипулировали толкованиями соответствующих международных резолюций, в частности, Резолюций № 242 и № 338. Они отрицали легитимность ООП, единственного законного представителя палестинского народа, признанного Генеральной Ассамблеей ООН. Израильское правительство выдвигало различные проблемы, которые не имели никакого отношения к сути переговоров.

Исходя из этого, арабская сторона поставила законные вопросы. Первый вопрос – можно ли принять формулу «нужды мира» при любых условиях «навязанных» ранее? Второй – можно ли потворствовать политике США, которая полностью склоняется в сторону Израиля? Третий – стал ли Израиль в действительности достаточно зрелым, чтобы принять полное и взвешенное разрешение конфликта?

Ответы на эти вопросы раньше были отрицательными с арабской стороны. Это было решительное «нет», поскольку принятие американских и израильских условий стало бы слишком чреватым и рискованным для арабских государств, для будущего их безопасности, стабильности, их национального суверенитета, а также для будущих прав палестинского народа. Однако коллективная арабская позиция в отношении американских и израильских условий регулирования сохранялась недолго. Так, некоторые арабские участники решили втянуться в процесс сепаратных урегулирований, временных этапных соглашений в рамках максимально возможного сближения с теми решениями, которые предлагали США и Израиль. В результате 26 октября 1994 г. было подписано Соглашение между Иорданией и Израилем в долине Вади-эль-Араб около г. Эйлат, а до этого заключили Соглашение в Осло между ООП и Израилем [6].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что основная проблема, связанная с Мадридской конференцией, заключалась в том, что она была созвана в условиях значительного поворота в соотношении сил в мире, в условиях, когда роль Советского Союза переживала спад, а затем произошел его распад, в то время как

Соединенные Штаты укрепляли свои позиции как единственная сверхдержава на международной арене, что сопровождалось опасными проявлениями, а также выразилось в развязывании Первой войны в Заливе, которая повлияла на соотношение сил в регионе и формулу Арабо-израильского конфликта. Появились колебания в рядах арабов и палестинцев, которые склонялись к тому, чтобы приспособиться к американской точке зрения по преодолению конфликта, которая не решает проблемы обеспечения даже минимума национальных прав палестинцев. Кроме того, раздавались призывы принять за основу американскую концепцию урегулирования.

В Мадриде по инициативе Дж. Буша и М. С. Горбачева состоялось торжественное открытие Международной мирной конференции, которая должна была урегулировать многолетний Арабо-израильский конфликт на Ближнем Востоке. Со вступительным словом к присутствующим обратились сопредседатели президент США Дж. Буш и президент СССР М. С. Горбачев.

Все понимали, что мир на Ближнем Востоке невозможен без мирного диалога между палестинцами и израильтянами. Однако палестинцы с самого начала оказались в ущемленном положении. Они не получили права на формирование самостоятельной делегации, а были включены в состав иорданской. Руководителем палестинской части совместной иордано-палестинской миссии стал 72-летний общественный деятель Хейдар Абд аш-Шафи.

Министр иностранных дел Египта Амр Муса изложил арабскую позицию по урегулированию Палестино-израильского конфликта, которая предусматривала:

1. соблюдение Израилем прав палестинского народа;
2. распространение требований Резолюции СБ ООН № 242 на Западный берег реки Иордан, полосу Газа и Голанские высоты;
3. прекращение строительства израильских поселений на оккупированных территориях, включая Восточный Иерусалим, поскольку оно препятствует миру;
4. признание особого статуса Иерусалима.

31 октября 1991 г. с изложением позиции Израиля выступил израильский представитель. Он утверждал, что Израиль выполнил Резолюцию Совета Безопасности ООН № 242 в части, касающейся вывода войск с оккупированных территорий, вернув египтянам Синай в соответствии с Египетско-израильским договором 1979 г.

Израиль был готов на возврат сирийцам всей или части территории Голанских высот, при условии сохранения там присутствия израильских войск и неприкосновенности израильских поселений [3; 7].

Вашингтон делал ставку на то, что сможет использовать свои сильные позиции на Ближнем Востоке. При этом он полагал, что это даст ему возможность проводить единоличную политику, с помощью которой он стремился ускорить достижение неравного политического урегулирования. При этом ставилась цель установления «нового регионального порядка». Таким образом, Вашингтон не учитывал, как выяснилось позднее, что эта несбалансированная односторонняя политика столкнется с региональными препятствиями. Практически во время подготовки к созыву конференции Вашингтон выступал за формулу, в которой палестинское представительство будет ограничено отдельными лицами из сектора Газа и Западного берега, включая Восточный Иерусалим. Эти лица должны были входить в состав совместной палестино-иорданской делегации под руководством иорданцев. Естественно, среди палестинских представителей, участвовавших в делегации, не было представителей от палестинских беженцев, проживавших в лагерях, а также не было представителей от палестинских диаспор в изгнании. Таким способом Вашингтон стремился одним махом решить несколько задач одновременно:

1) умалить представительский статус ООП, а также покуситься на законные национальные права палестинского народа;

2) ограничить потолок «палестинского урегулирования» на его первом переходном этапе в том, что касается решения проблемы «населения» сектора Газа и Западного берега, исключая Восточный Иерусалим, в рамках режима «автономии»;

3) заранее исключить требования о «палестинской независимости» (или даже права на самоопределение) из повестки дня переговоров и таким образом исключить «решение проблемы», вытекающее из них, даже на втором этапе, который будет изучать окончательную ситуацию на палестинских территориях, оккупированных в июне 1967 г. Поэтому американцы и израильтяне настаивали, чтобы палестинская команда была лишь частью иорданской делегации или, другими словами, некоторые лица должны были быть включены в иордано-палестинскую делегацию¹.

¹ Это указывает, что, к большому сожалению, палестинское участие в Мадридской конференции противоречило основам, заложенным

По мнению автора статьи, подходы США и Израиля к проблеме политического урегулирования вступали в противоречие с объективными условиями и необходимостью решения этой проблемы, что привело к пробуксовыванию переговорного процесса, взявшего старт в Мадриде, а затем Ближний Восток снова был ввергнут в пучину кровавого насилия. Военные действия начатые Израилем, одержимым идеей задействовать свои мощные вооруженные силы, на оказание давления на арабских участников переговоров.

Приоритет достижения основ нового ближневосточного порядка заставил Соединенные Штаты усиливать свое давление на арабов и воздерживаться от какого-либо давления на Израиль во время его переговоров с Сирией. В ходе этих переговоров Израиль настаивал на мерах по обеспечению безопасности, которые должны были укрепить его преимущество, а также выступил против своего присоединения к соглашению о нераспространении ядерного оружия, согласовав это с американской позицией.

Двусторонние переговоры между арабскими делегациями и делегацией Израиля начались 4 ноября 1991 г. Было очевидно, что Соединенные Штаты оседлали переговорный процесс, сведя на нет роль России как одного из коспонсоров мирного процесса. Америка

Национальным советом Палестины на его 20-й сессии 23–28 сентября 1991 г., где было подтверждено, что ООП готова участвовать в мирной конференции в случае выполнения следующих условий: участники конференции обязуются выполнять международные резолюции на основе «земля в обмен на мир», а также на основе предоставления политических и национальных прав палестинскому народу. Конференция должна была гарантировать право ООП как единственного законного представителя палестинского народа на формирование своей делегации как внутри страны, так и за ее пределами, в том числе и в Иерусалиме, а также право на ее участие на равных правах с другими сторонами в переговорах. Следующее условие – это приостановление строительства поселений как основное условие для начала мирного процесса. Стороны должны гарантировать участие Восточного Иерусалима в качестве темы и присутствие его представителя на всех этапах переговоров, поскольку Иерусалим является частью палестинских территорий, оккупированных в 1967 г. Необходимо исключить частичные и сепаратные решения и гарантировать координацию арабских стран на этой основе. Необходимо гарантировать связь между всеми треками урегулирования и его этапами вплоть до полного урегулирования в соответствии с международными резолюциями.

проводила политику, направленную на еще большее сокращение роли Российской Федерации, ставшей правопреемницей Советского Союза в роли коспонсора политического и переговорного процесса в регионе Ближнего Востока. Соединенные Штаты считали, что роль, которую играл Советский Союз, а затем Российская Федерация, после ухода А. Козырева с поста министра иностранных дел, представляет опасность для американо-израильского проекта, целью которого было навязать израильскую экспансионистскую концепцию урегулирования. Его преемник Б. Панкин определил концепцию Российской Федерации в отношении основ урегулирования в тот момент, когда начался трек двусторонних арабско-израильских переговоров. Эта новая старая советская концепция опиралась на необходимость немедленного прекращения Израилем строительства еврейских поселений на палестинских территориях, оккупированных в 1967 г. Согласно этой концепции, Израиль должен вывести свои войска со всех территорий, он должен признать право палестинского народа на самоопределение, принять принцип «земля в обмен на мир», найти приемлемое урегулирование проблемы Иерусалима, а также согласиться с тем, что все государства региона имеют право жить в мире в рамках международно-признанных границ, однако эта концепция не содержала четкой позиции в отношении вопроса палестинских беженцев и рамок его решения.

Назначенный в декабре 1991 г. послом в Израиле А. Е. Бовин писал: «Отрабатывая общий подход к ближневосточному урегулированию, следовало бы, как мне представлялось, иметь в виду два обстоятельства. Американцы играли и будут играть первую скрипку. И – на здоровье. В конце концов они работают и на нас, на наши интересы. Вторая скрипка – тоже неплохо, если, конечно, играть на ней. А не просто держать в руках. Это – первое. И второе. В данном случае переговоры, если угодно, самоцель. Прочного мира не будет еще долгое время. Переговоры важны сами по себе. Почти незаметно, но все-таки они меняют атмосферу, дают опыт общения. Наша задача – не давать “советы”, не предлагать – особенно, когда не просят – варианты, а терпеливо внушать сторонам, что только они сами и только сидя за одним столом могут найти решения, устраивающие всех» [2, с. 21–22].

Мадридская конференция не дала каких-либо ощутимых результатов. Ее историческое значение заключается в том, что она

впервые свела за столом переговоров непримиримых противников, открыв «зеленый свет» политическому процессу ближневосточного урегулирования.

Мадридская конференция, хотя и не принесла прямых практических результатов, имела историческое значение, поскольку именно на ней все стороны согласились с принципом «территории в обмен на мир», заложенном в Резолюциях № 242 и 338, а арабские страны вслед за Египтом согласились вести прямые переговоры с Израилем, тем самым признав в нем равного партнера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абу Мазен (Махмуд Абас)*. Путь в Осло. – М. : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996. – 306 с.
2. *Бовин А. Е.* 5 лет среди евреев и мидовцев. – М. : Захаров город, 2000. – 196 с.
3. *Панкратьев В. П.* Арабо-израильские отношения в контексте Ближневосточного конфликта в 1980–1990-е годы. – М. : Политиздат, 2009. – 104 с.
4. *Хайри Наджи Абель Фаттах аль-Ориди*. Ближневосточный мирный процесс: палестинское направление : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М. : МГУ, 2000. – 17 с.
5. *Халиль Хусейн*. Арабо-израильские переговоры. События и документы (на араб. яз.). – Бейрут : Бейсан, 1993. – 199 с.
6. The Jordan–Israel Peace Treaty. What is it? // Jordan Media Group. – Amman., – 1995. – № 18. – S. 25–32.
7. The Middle East Economic Digest (MEED). – V. 35. – 1991. № 44. – P. 4–5.

УДК 323(430.2)4

А. И. Щербаков

аспирант каф. теории и истории международных отношений
ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: madrid.antonio9@mail.ru

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СПЕКТРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ВЕДУЩИХ ПАРТИЙ ГЕРМАНИИ

В статье анализируется отношение различных политических объединений времен Второго рейха к колониальной политике, проводимой немецким правительством на зависимых от Германии территориях, которая значительно повлияла на отношения между европейскими странами. Автор уделяет внимание позициям партий Германии, а также эволюции их взглядов в связи с изменением международной конъюнктуры.

Ключевые слова: Германская империя; колонии; партия центра; социал-демократы; экспансия; империализм; Отто фон Бисмарк.

Shcherbakov A. I.

Post-graduate student of the MSLU Department of International Relations and Social-Political Science

COLONIAL QUESTION IN THE SPECTRUM OF THE GERMAN LEADING PARTIES

The article examines the relation of the various political groups from the Second Reich to the colonial policy pursued by the German government on the dependent territories of Germany, which greatly affected the relations between European countries. The author pays attention to the position of each of the main parties in Germany, as well as the evolution of their views due to the change of the international situation.

Key words: German Empire; colonies; Centre Party; the Social Democrats; expansion; imperialism; Otto von Bismarck.

Начиная с формирования Германской империи в 1871 г. до начала Первой мировой войны в стране насчитывалось более 30 различных политических объединений, участвовавших в выборах в Рейхстаг. Рассматривая в целом отношение немецких партий в кайзеровской Германии к колониальной политике, то прежде всего можно констатировать, что ни одна политическая группировка с самого начала не связывала себя полностью с колониальной экспансией, а также с тем, каким образом управлять заморскими территориями. Активно выступавшие за вхождение Германии в колониальную гонку такие

партии, как свободно-консервативная и национально-либеральная, не были в целом ориентированы проколониально. Причем характерно, что политический спектр за 100 лет сильно менялся от прямого отказа от колоний за счет неформального империализма свободной торговли до так называемого радикально-расистского поселенческого колониализма. Однако конечный поворот в сторону колониальных захватов в значительной степени был определен тактически и во многом зависел от политических требований современности.

Эти обстоятельства во многом характерны для Германской консервативной партии, самой сильно партии Второго рейха, которая опиралась на дворянство, крупных землевладельцев, протестантский клир и чиновничество. Ее позиция по колониальному вопросу часто разнилась, доходя иногда до полного отказа от колоний. Как восточно-эльбские землевладельцы, обладавшие большинством внутри партии, так и другие консервативные круги внутри нее, предпочитали скорее восточную экспансию на европейском континенте, чем заморские колонии [4]. В любом случае, немецкий национализм и прусские представления о государстве силы частично привели эту консервативную партию к агрессивно-воинствующему империализму в своем политическом курсе.

Однако из-за давления, которое вызвал аграрный кризис, а также необходимости соответствовать средним слоям населения для продвижения аграрно-консервативных интересов, вместе с изменением самоопределения партии поменялось и ее отношение к заокеанской экспансии. На место традиционно-очевидному недоверию к капиталистической заморской политике, на фоне скрытой неприязни к индустриальному развитию страны пришел националистический и расистский консерватизм (начиная с основания радикального «Союза фермеров» («*der Bund der Landwirte*») в 1893 г.) [3]. После этого аграрии примирились, так сказать, с мировой политикой, правда, потребовав за это свою цену: «В конце концов, они допускали индустриальное развитие государства и даже ассигновали флот, но в качестве компенсации потребовали для себя грандиозных таможенных льгот» [5, с. 262]. К этому стоит добавить, что вначале 1890-х гг. для прусских аграриев рынок пшеницы и картофеля в Европе окончательно иссяк и перспективы новых потенциальных рынков сбыта за морем казались выгодными. В конечном итоге партия в своей избирательной программе поставила акцент на интересы поселенцев из среднего

класса, что выражалось в противостоянии с развитыми капиталистическими компаниями в процессе колониально-идеологических дебатов.

Представительство интересов колониальных переселенцев из среднего класса против больших компаний (с поздних 1890-х гг. до начала XX в.) взяла на себя Партия свободных консерваторов. Она представляла интересы владельцев предприятий тяжелой индустрии, финансовых кругов, крупных землевладельцев. Родовитые представители крупной буржуазии обычно выступали за экономическую экспансию и участие частного капитала в колониях. Так как партия практически принадлежала О. фон Бисмарку, она была обязана поддерживать этот «эксперимент» сразу после захвата первых колоний в 1884–1885 гг. Политическим пристанищем ведущих представителей колониального движения, а также большинства финансистов колониальных корпораций была именно Свободно-консервативная партия. Их участие в колониальной деятельности было обусловлено не личными мотивами или ожиданием каких-то экономических преференций, а скорее было актом «услужливости» по отношению к царившему тогда общественному мнению и чиновничьему влиянию. Этот факт очень хорошо отражен в правительственном меморандуме для прессы в июне 1889 г. Ярким примером этого отношения к колониализму и так называемой услужливости к О. фон Бисмарку был, без сомнения, личный банкир канцлера Герсон фон Бляйхредер [10, с. 482]. По национальным причинам Свободно-консервативная партия отстаивала в вопросах внешней политики экспансионистскую позицию с акцентом на колониализм, вооружение флота и переселение на Восток.

Во внешнеполитическом плане от свободных консерваторов совсем немного отличалась Национально-либеральная партия, курс которой был более гибким. Эту партию, представительницу имущих слоев населения и интеллигенции можно охарактеризовать как колониальную, хотя крыло партии сторонников свободной торговли на рубеже веков дистанцировалось от формальных колониальных захватов. Партия упорно поддерживала колониальную политику 1880-х гг. и всегда голосовала в пользу колониальных планов. По этой причине степень организованности участников партии в национальных союзах, как, например, и в Немецком колониальном обществе и других колониальных объединениях, была необычно высока. Неслучайно

ведущую роль в немецком колониальном обществе играли видные представители Национально-либеральной партии Р. фон Беннигсен, племянник Л. Беннигсена, и И. фон Микель.

Вместе с убывающей активностью партии и последовавшего за этим внутривосточного поражения колониальная политика все больше приобретала функцию интеграционной роли и идеологической модернизации, где немецкий либерализм был тесно связан с национальной идеей. В то время в национально-либеральных взглядах проявляются идеи империализма с уклоном реальной политики, за которыми, во-первых, стоит необходимость «плыть по ветру империалистического духа времени», во-вторых, таятся конкретные экономические и социально-империалистические интересы. Как раз тогда появилась необходимость в сильной и сознательной немецкой колониальной и мировой политике. Расцветали надежды и так называемых либеральных империалистов (например М. Вебера) и молодых либералов (Ф. Наумана), они считали, что в случае успешной экспансионистской политики появятся предпосылки для реформ внутри страны [7]. И поэтому они выступали за фактическую связь империализма и демократии. Если относительно необходимости колониальной политики по национальным, экономическим, культурным и социально-империалистическим причинам сомнений не было, а партия приписывала колониальное участие исключительно себе, то внутри партии были представители интересов крупного капитала и среднелассовых националистических поселенцев, например Пангерманский союз, которые непримиримо выступали против этой необходимости. Стоит заметить, что свободные консерваторы и национал-либералы в своих представлениях по поводу действий в колониях придерживались схожей точки зрения. В период зарождения трансваальского кризиса в конце 1890-х гг. руководящие круги партии активно выступали за участие германского правительства в данном вопросе [2].

Не таким однозначным, как у Национально-либеральной партии, было отношение к колониальной политике Католической партии центра. Тем не менее неудача проекта Самоа 1880 г. приписывается именно этой партии. Кроме того, в рядах партии существовала хорошо скрытая антикапиталистическая направленность, так как в ней совсем не было сильного экономического лобби с материалистическими заморскими интересами. С другой стороны, в партии все равно

присутствовали обычные колониально-пропагандистские мотивы того времени по типу перенаселения и перепроизводства. Самый сильный оппонент О. фон Бисмарка и вождь политизированного католицизма Л. Виндтхорст уже в 1884–1885 гг. перед лицом канцлера и Рейхстага подчеркивал, что колонии могли бы быть желаемым рынком сбыта для германской продукции, а в 1894 г. католический священник принц Филипп фон Аренберг намекнул собравшимся слушателям в Кельнский католический день об экономическом преимуществе колоний, говоря, что колонии откроют рынок излишкам продукции и найдут применения гражданам. Сверх того, в 1912 г., когда Германия уже давно прекратила являться эмиграционной страной, такие члены партии, как М. Эрцбергер пропагандировали немецкие колонии как идеальную аграрную страну «для правоверных христианских поселенцев» [6, с. 83] в противовес преобладающему населению протестантских фермеров. Но в целом партия центра не придавала особого значения колониям как с точки зрения перенаселения, так и решения немецких экспортных проблем. Во внутривнутриполитических кругах иногда даже рассматривался уход с захваченных территорий или с их части.

Тем не менее в рядах центристов о полном отказе от колониальной политике речи быть не могло, несмотря на вполне континентальный их образ мышления, а также некоторые соображения, которые они высказывали по поводу отдельных методов, целей и масштаба колониальной политики. Уже во времена первых колониальных захватов 1884 г. партийная пресса приняла скорее позитивный тон, чтобы перед монополистами национальных взглядов (такими как Германия) и перед лицом национальных декларируемых колониальных предприятий доказать собственную надежность и компенсировать чувство отсталости, которое вытекало из фактического чувства подчинения в протестантской Германии. Без сомнения, экономические интересы не играли главной роли по причине социальной пирамиды партии, членство которой простиралось от верхушки консервативного дворянства и среднего класса до противников классовой борьбы из числа промышленных работников и мелких крестьян. Естественно процесс принятия решений в рядах партии центра был медленным, а иногда заканчивался и провалом. Однако между неизбежными христианскими обязательствами и порой авантюрной и убыточной колониальной политикой всегда имелось полезное политически-

тактическое пространство для маневра. Когда от партии «Центра» было необходимо согласие на какой-либо колониальный вопрос, то это всегда требовало церковных или культурно-политических уступок по принципу *do ut des*.

Решающим фактором активной поддержки колониальной политики правительства, вопрос о которой вскользь поднимался во времена блока Б. фон Бюлова с 1907 по 1909 г., должен был стать вопрос миссионерства для местного населения, которое было напротив тесно связано с процессом поступательной интеграции политического католицизма в государство силы после окончания культуркампа. Таким образом, религиозно-культурные и гуманитарные мотивы являлись основной отправной точкой партии для возможного колониального сотрудничества, причем культурно-политические интересы касались как внутривнутриполитических целей (окончание культурной борьбы), так и перспектив на заморских территориях (христианская культурная политика).

Такая колониальная политика послужила причиной согласия центристов на колониальный проект 1888–1889 г., при помощи которого Рейхстаг должен был заранее приготовить средства для подавления первого африканского восстания и который был особенно заметен на фоне грандиозной кампании против рабства французского кардинала Ш. Лавигерье. Эта кампания в католических районах Германии породила широкое общественное движение против рабства. Если руководители центристов осознавали связь между планами правительства по подавлению восточноафриканского восстания и движением против рабства, ничего против этого они не имели, так как Л. Виндтхорст говорил, что с помощью средств, предусмотренных для борьбы с рабством и работорговлей, попутно можно позаботиться о чести, престиже и общих немецких интересах. К тому же потеря будущей Танзании не входила в планы представителей партии из-за цивилизационных и миссионерских задач христианской Европы в Африке.

Вместе с началом кампании против рабства для немецких католиков наступил очевидный переломный момент. Как раз по причине активного движения против рабства немецкий католицизм для колониальной политики приобрел образ «христианского долга», который снова ставил Германию в позицию национально-империалистического государства силы. К этому моменту в Рейнской

области сформировалось положительно настроенное к колониям крыло партии. Представителем этой группировки был В. фон унд цу Хенсбрех, названный своим товарищем по партии «Вильгельм Африканус». Его вклад в Немецко-африканское общество составлял 90 тыс. немецких марок. Рейнский граф и крупный землевладелец, с 1883 по 1893 г. член партии, был представителем империалистического и крайне агрессивного национализма. Позднее он возглавил небольшую группу рейнских, вестфальских и шлезвигских консервативно-либеральных «национальных католиков», так называемых «дернбургских католиков», главным образом дворян, высокопоставленных чиновников и представителей крупной католической буржуазии. На известных «готтентотских» выборах 1907 г., которые проходили под колониальными лозунгами, они не только выдвигали своих национально-католических кандидатов против кандидатов центра, но и почти полностью в общественно-политическом и международно-политическом плане идентифицировали себя с великодержавной политикой Б. фон Бюлова.

Но также и в правом крыле центра уже образовалась проколониальная группа, которая находилась в тесной связи с организованным колониальным движением. Призыв к созданию немецкого колониального общества приписывают К. Х. фон Зуйдвик, вестфальскому помещику, а также соучредителю фракции центра и ее председателю в 1882–1890 гг. в прусской палате депутатов. Он был как руководителем Колониального союза, так и Немецкого колониального общества. Консервативный аристократ принц Ф. фон Аренберг, с 1890 по 1905 гг. являлся связующим звеном между партией и правительством по колониальным вопросам, а также главным ответственным лицом по вопросу католических миссий на зависимых территориях, также был одним из председателей немецкого колониального общества, как и многолетний президент съезда католиков князь А. цу Левенштайн. В прочем нельзя считать, что демократическое крыло центристов не тяготело к колониям. Мотив миссионерства вполне соответствовал колониальной идее, которая в остальном едва могла заинтересовать, например, местное христианское население. Как быстрое одобрение центром восточноафриканского проекта 1888–1889 гг., так и привлечательную во внутри- и внешнеполитическом плане отправку флота весной 1898 г., от которой летом 1897 г. отказались, на этом фоне достаточно легко объяснить, хотя бы потому, что в ноябре этого года

было совершено убийство двух миссионеров в Китае. У партии не было крепких мировоззренческих представлений по колониальному вмешательству, скорее это были различные понимания политической, экономической или моральной сторон вопроса. Поэтому успех был за счет умеренного колониального курса Л. фон Каприви, рассчитанного на равномерное дозирование «кнута и пряника». Именно канцлер дал сигнал партии об их гуманитарно-христианских интересах в колониальной политике. Если говорить в общем, то центристы не старались чрезмерно форсировать колониальную политику, в отличие от национал-либералов.

Настоящей помехой прямой формальной экспансии выступили в процессе колониальных захватов и после них левые либералы. Изначально они были противниками немецкого колониализма. Под руководством Е. Рихтера в 1880–1890-х гг. они голосовали резко против заморской империи, так как считали ее экономически неэффективной и в погоне за новыми территориальными приобретениями видели причину будущих международных конфликтов, которые бы негативно сказались на свободной торговле. Хотя иной раз левые либералы исходили из моральной точки зрения в своей аргументации, именно экономический аспект колониального вопроса всегда был для них основным. «We want trade and not dominion» – эта фраза часто повторялась в Соединенных Штатах и Великобритании того времени, подчеркивая дух экспансионизма свободной торговли. Этот принцип и переняли левые либералы, 26 июня 1884 г. Л. Бамбергер сформулировал его в Рейхстаге в качестве программы. Оппозиция после первоначального согласования с целями О. фон Бисмарка программу одобрила, тогда официальная политика перешла от простой защиты торговых интересов к установлению колониальной системы с чиновниками и постоянным присутствием вооруженных сил.

Также экономические соображения играли главную роль, когда либералы постепенно отстранялись от первоначального отказа или сдержанности в колониальных вопросах, например в проектах прибрежного африканского государства Того или проектах, которые предполагались либо как основа экспансионизма свободной торговли, либо как культурно-миссионерский эффект за морем, как этого хотели в арендованном китайском порте Циндао. В этой связи именно представители свободомыслящей партии под руководством Е. Рихтера санкционировали колониальное приобретение Того

и Циндао, основной смысл которого Рихтер закрепил следующим образом: «Да, мои господа, какие же у нас на самом деле интересы в Китае? Хотим ли мы править китайцами? На самом деле мы хотим от них только денег, больше ничего. Для нас представляет интерес только экономическая сторона дела» [8, с. 103]. После 1907 г. большая часть левых либералов в принципе поддерживала колониальную политику, что было особенно характерно на фоне знаменитого блока Б. фон Бюлова, хотя из их рядов и вышло левобуржуазное крыло, упорно отвергавшее колониальную политику. В это же время в левом либерализме все заметнее становится переход от первоначального отказа от колониальной политики к умеренному противодействию формальному империализму, что естественно приводило к внутривнутрипартийным трениям. Экономическая выгода для либералов оказалась незыблемой.

В соответствии с географическим ограничением юга Германии, а также антипрусской и партикуляристской направленности и укоренения в мелкобуржуазные и средние слои населения Народная партия Германии дольше всех, по сравнению с коллегами, не принимала колониальную политику. И хотя в рядах партии многие представители буржуазно-демократического пацифизма, например Л. Квидде, противостояли немецкой колониальной и военно-морской политике, партия начала относиться к империализму или колониализму толерантно в связи со стремлениями к слиянию с левыми либералами. Именно необходимость выйти из буржуазной демократии, которая вытекала из экспортных интересов южногерманской торговой и промышленной буржуазии, привела к тому, что партия, в числе чиновников которой числился такой видный проколониальный деятель как К. Шторц, была готова к 1907 г. разрешить применения необходимых инструментов для колониальной войны в Юго-Восточной Африке. Именно сотрудничество с блоком Б. фон Бюлова могло объяснить такую смену курса.

Еще раньше, чем южногерманские демократы, от своей антиколониальной политики отказалась Свободомыслящая народная партия, которая образовалась по средствам распада Немецкой свободомыслящей партии. Под автократичным руководством Е. Рихтера первоначально партия придерживалась оппозиционной риторики по отношению к колониальной политике, вооружению флота и увеличению числа сухопутных войск на зависимых территориях. В свое время в Рейхстаге Рихтер даже обрушился с сильной критикой на

К. Петерса и его политических соратников [1]. Но позднее, а именно с начала XX в., проявились экономические интересы сторонников партии, мелких и средних предпринимателей, интеллигенции свободных профессий и ремесленников, вследствие чего сторонники немецкого участия в империалистической гонке профессор Р. Айкхоф и баварский министр юстиции Э. Мюллер-Майнинген укрепили свое положение. Так как одним из приоритетов партии был экономический либерализм, она всегда имела негативное отношение к колониальному участию Германии, подвергая критике нечеловеческие методы колониального господства и нерациональную практику управления колониями. Однако это отношение постепенно уступило место условному одобрению колониальной политики. Эта новая политическая линия началась с одобрения захвата Циндао (в очередной раз при помощи Е. Рихтера) и продолжилась в ограниченной поддержке колониальной войны в Юго-Западной Африке. Создание независимого ведомства по колониям, за счет которого партия обещала выгодное, беспрепятственное и спокойное использование зависимых территорий, а также передача этого ведомства в управление директору банка Денбрук, приблизили партию к вхождению в блок Б. фон Бюлова.

Гораздо раньше и более решительно, чем Свободомыслящая народная партия, свой шаг к империализму и колониализму, соблюдая традиции либерализма, сделало Свободомыслящее объединение, образованное в 1893 г. после раскола Свободомыслящей народной партии. Хотя партия и основывалась на принципах манчестерской школы, как и партия Е. Рихтера, в ней было более позитивное отношение к колониальным приобретениям. Эта тенденция появилась не только из-за сильных в этой партии заморских, судоходных и банковских интересов. Идею направленности на широкие слои избирателей для реализации внутривнутриполитических планов заложили еще представители бывшей Свободомыслящей народной партии. Для этого с поддержкой вполне умеренного экспансионистского и военного курса Л. фон Каприви планировалось сдерживать консервативное влияние крупных землевладельцев и осуществить конституционно-политическую модернизацию. Конечно, с отставкой Л. фон Каприви притворить это в жизнь не удалось, но за счет практического слияния с Национально-социальным союзом Ф. Наумана партия получила внутривнутрипартийную поддержку, сопровождаемую более острой империалистической риторикой.

Основанная в 1896 г. либерально-протестантскими пасторами вместе с М. Вебером, Х. фон Герлахом, П. Гере, А. Дамаске и др. партия пыталась осуществить некий синтез либерализма, национализма и социализма. Она решительнее всех обозначила свою приверженность к империализму среди либеральных кругов. Их концепция сводилась к политической интеграции рабочих масс (во главе с короной Гогенцоллернов), а также к демократическому созданию государственных институтов за счет экспансионистской политики в типичном в те годы немецком стиле. Тогда в международных отношениях применялась твердость и сила, а внутри страны происходили реформы. Вместе с дополненной Ф. Науманом интерпретацией так называемой варварской речи Вильгельма II, приуроченной к посланию экспедиционного корпуса в Циндао, подразумевавшему войну на уничтожение в Китае, а также с другими высказываниями коллег по партии по поводу отношений белого и местного населения, проявились явные профашистские лозунги. Конкретные предложения по войне 1904–1907 гг. между правительственными войсками и племенами гереро и нама стирали грань между силовыми и военными методами и фашизмом, приобретая социально-дарвинистскую направленность, которая не была присуща другим немецким партиям.

Наряду с этими маленькими левобуржуазными критиками колониальной политики только представители социальной демократии упорно придерживались непримиримой позиции, хотя в свете ревизионизма 1890-х гг. в партии наметился, начиная с 1907 г., определенный поворот от всестороннего отказа от колоний к фактическому согласию с проводимой там политикой. Хотя часть рабочего класса, главным образом сторонники направления немецкого философа Ф. Лассалья, уже начиная с 1884 г. была вдохновлена колониальными захватами. В целом Социально-демократическая партия рассматривала колониальную политику как средство по поддержанию капитализма и боролась с ней в свете ее противоборства с «прусской» формой государства и Вторым рейхом, хотя, в конечном счете, все эти нападки на капиталистическую сторону вопроса колоний часто сводились к общим и формальным устным заявлениям, которые были необходимой частью социальной работы партии в то время.

Разумеется, когда марксистская доктрина не предлагала какой-то конкретной схемы антиколониальной агитации, а К. Маркс

и Ф. Энгельс даже видели в колониализме нечто позитивное и модернистское, социал-демократы в своей агитации прибегали к теориям, высказанным еще в первой половине XIX в. либералами и консерваторами. С экономической точки зрения они исходили из теории недопотребления, когда происходит отставание уровня потребления от возможностей производства, и теории избытка капитала, где в этой связи особую роль играл высказанный английским радикалом Э. Г. Уэйкфилдом социально-империалистический момент. Поэтому цель социально-демократической агитации сводилась к тому, как разоблачить так называемые социальные аргументы колониальной пропаганды. Так В. Либкнехт 1 марта 1885 г. в знаменитой речи в Рейхстаге описал основные колониально-пропагандистские аргументы о перенаселении и перепроизводстве, а также определил колониальную политику, назвав ее экспортом социальных вопросов, и охарактеризовал как «благословение» расширения внутреннего рынка за счет повышения потребления рабочего населения. Социал-демократы делали леволиберальные упреки колониальной политики, рассматривающей как нечеловеческое эксплуатирование местного населения и мотовство налоговых денег для личных интересов. Моральные, гуманитарные и финансовые вопросы, а также старая либеральная точка зрения, что колонии создают препятствие для свободного экономического развития, стали зерном колониальной критики социал-демократии, прежде чем появилась систематическая марксистская антиимпериалистическая теория.

Между тем с самого начала прагматическая точка зрения была причиной дебатов. Во время дискуссий о проекте по дотациям пароходства, представленный на рассмотрение в Рейхстаге в 1884 г. и предусматривающий создание путей для почтовых пароходов в Восточную Азию, Австралию и Африку, большинство членов партии отстаивали позицию его принятия. В конечном итоге давление низов привело к тому, что линии Африки и Самоа были отменены из-за их связи с колониальной политикой, в то время как азиатские и австралийские пути должны были получить поддержку при условии, что через них будут ходить только новые и построенные на немецких верфях корабли. Стоит добавить, что данное условие поддержки в Рейхстаге не получило [9].

Как снижение уровня безработицы путем создания рабочих мест за счет постройки новых кораблей, так и увеличение сбыта на

иностранных рынках были задачами партии, которые нельзя не принять во внимание. К этому прибавилась и цивилизационная сторона вопроса, где экономическая экспансия должна была оказать положительное культурное влияние на местное население. В добавление к этому впервые появилась прагматическая точка зрения, что социально-демократическая партия уже не может находиться в постоянной оппозиции. Все эти соображения превращались в ревизионистскую пропаганду, где марксистские догмы о неизбежном в будущем крахе капиталистического общественного порядка ставились под сомнение, т. е. отныне основная позиция социал-демократии заключалась не в отказе от колониальных владений, а, наоборот, в защите колониальной политики, если она проходит в рамках свободной торговли и гуманном обращении с местным населением. Насколько непринципиальным по вопросу отказа от заморских владений было большинство членов партии, показывают их нападки на колониальную бюрократию и немецкий колониальный милитаризм, в пример которым был приведен удачный опыт британских колоний. Акцент на подобную критику, не против колоний в целом, а конкретно против используемых там методов, сохранился в рамках партии и в начале XX в.

Оживленная буржуазная дискуссия по поводу колоний развернулась не только в правом крыле партии. Все больше появлялось мыслей о колониализме в качестве борьбы высших культур против низших, а также укрепляются соображения по поводу необходимости создания сырьевой базы и новых рынков. Также и в колониальном вопросе партия не могла отрицать очевидного. Эта динамика становится вполне наглядной, если посмотреть как на всеобщий процесс национализации, так и на изменившуюся и требующую реформ колониальную политику после 1907 г. Даже патерналистские идеи воспитания «отсталого» местного населения и некоторых расистских теорий не были чужды некоторым членам партии. Между тем, насколько сильно было это реформистское крыло, хорошо отражает тот факт, что Г. Носке, негласный «колониальный друг» и даже в некоторых буржуазных кругах «колониальный министр», отодвинул на второй план своего конкурента социалиста Г. Ледебура в качестве спикера и специалиста в рамках фракции по колониальному вопросу. Сам А. Бебель еще раз подтвердил высказанное им в начале декабря в Рейхстаге мнение, что колониальная политика

сама по себе не является преступлением, ее вполне можно проводить под предлогом «окультуривания» местного населения. Принимая во внимание немецкую деятельность в Циндао, которую социал-демократия отвергла не из-за попытки коммерческой экспансии, а по причине насильственных действий немецкого руководства на этой территории. Во время Первой мировой войны социал-демократия открыто выступала за колонии. После того как Г. Носке, не долго до окончания войны, потребовал часть Африки, главной задачей социал-демократов стали призывы к возврату колоний и борьба за честь немецкой репутации в колониальном вопросе после падения кайзеровской Германии в 1918 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ерусалимский А. С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. – М. : Изд-во академии наук СССР, 1948. – 768 с.
2. *Anderson Pauline Relyea.* The Background of Anti-English Feeling in Germany, 1890–1902. – Washington : American University Press, 1939. – 382 p.
3. *Bernd Hans Dieter.* Die Beseitigung der Weimarer Republik auf “legalem” Weg durch die DNVP: Die Funktion des Antisemitismus in der Agitation der Führungsschicht der DNVP: Dissertation. – Aachen–Nordrhein-Westfalen : FernUniversität Hagen, 2004. – 431 S.
4. Deutsches Historisches Museum. Deutschkonservative Partei. – URL: www.dhm.de/lemo/html/kaiserreich/innenpolitik/dkp/index.html
5. *Eckart Kehr.* Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894-1901: Versuch eines Querschnitts durch die innenpolitischen, sozialen und ideologischen Voraussetzungen des deutschen Imperialismus. – Bremen: Europäischer Hochschulverlag GmbH & Co. Kg, 2014. – 480 S.
6. *Gründer Horst.* Christliche Mission und deutscher Imperialismus: Eine politische Geschichte ihrer Beziehungen während der deutschen Kolonialzeit (1884–1914) unter besonderer Berücksichtigung Afrikas und Chinas. – Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 1982. – 444 S.
7. *Günther List, Karl Holl.* Liberalismus und Imperialistischer Staat: Der Imperialismus ALS Problem Liberaler Parteien in Deutschland 1890–1914. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht in Göttingen, 1975. – 176 S.
8. *Lorenz Ina Susanne.* Eugen Richter. Der entschiedene Liberalismus in wilhelminischer Zeit 1871–1906. – Husum: Matthiesen Verlag, 1981. – 264 S.

9. *Schröder Hans-Christoph*. Sozialismus und Imperialismus: Die Auseinandersetzung der deutschen Sozialdemokratie mit dem Imperialismusproblem und der 'Weltpolitik' vor 1914. – Hannover: Verlag für Literatur und Zeitgeschehen, 1968. – 226 S.
10. *Stern Fritz*. Gold und Eisen. Bismarck und sein Bankier Bleichröder. – Frankfurt: Ullstein, 1978. – 754 S.

УДК 323.2(470)

И. Л. Шершнёв

канд. полит. наук, доц., доц. каф. политологии ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: ishershnev@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ АКТИВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

В статье раскрываются основные тенденции активизации общественной дипломатии в российской внутренней политике на основе анализа ежегодных докладов Общественной палаты Российской Федерации.

Ключевые слова: общественная дипломатия; неправительственные организации; внутренняя политика.

Shershnev I. L.

Candidate of Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Political Science in the Institute of International Relations and Social-Political Science, MSU

TRENDS OF PUBLIC DIPLOMACY ACTIVATION IN RUSSIAN DOMESTIC POLICY

The article investigates basic trends of public diplomacy activation in Russian domestic policy based on the analysis of annual reports of the Civic Chamber of the Russian Federation.

Key words: public diplomacy; nongovernment organizations; interior policy.

Степень влияния институтов гражданского общества России и их общественной дипломатии на процесс принятия и реализации решений в различных сферах жизнедеятельности общества и государства проявляется неоднозначно, остается крайне недостаточной и далеко не определяющей. Сказываются неразвитость гражданского общества, неготовность его членов к солидарным действиям, неотработанность механизмов взаимодействия государства, общества и бизнеса, отсутствие государственной программы развития общественных инициатив и другие факторы.

По мнению руководителя Россотрудничества К. И. Косачёва, в российском обществе пока нет реальной самоорганизации и нужно выстраивать конструктивный диалог общества с властью, соблюдать солидарную ответственность за происходящее. Он считает, что «ключевая проблема России – в слабости государственных

и общественных институтов. Это порождает последствия: коррупцию, неэффективность законов и судов и пр.» [5]. Ссылаясь на западный опыт, он отмечает: «почти каждый европеец состоит в каком-нибудь объединении. Есть мощные профсоюзы, экологические, антивоенные и правозащитные движения. Труд и капитал садятся за стол, чтобы выработать тарифные соглашения. Экологи создают парламентские партии» [5].

Вместе с тем, потенциал общественной самоорганизации, общественной дипломатии является весьма значительным. Отмечается осознанное стремление людей к объединению на основе общих интересов. Участие граждан в профессиональных, социальных, культурных, местных, экспертных, неформальных и иных сообществах позволяет им совместно выработать цели той или иной деятельности и достигать их, соединять свои усилия и вовлекать в общественно-полезное дело другие общественные структуры, а также привлекать представителей власти и бизнеса.

Проведенный нами контент-анализ ежегодных докладов Общественной палаты Российской Федерации [3], де-факто являющийся ведущим институтом гражданского общества России, позволил выявить основные тенденции активизации общественной дипломатии во внутренней политике. На основании нашего исследования можно выделить следующие области деятельности общественности, неправительственных организаций и граждан во внутриполитическом процессе: общественный контроль; общественная экспертиза; налаживание и поддержание нормальных межнациональных отношений; противодействие коррупции; укрепление местного самоуправления; благотворительность; модернизация; экономика; экология; социальная политика; образование и наука; совершенствование правовой базы.

В документах Общественной палаты РФ достаточно полно и обоснованно раскрыты названные области деятельности, включающие в себя элементы общественной дипломатии. Мы использовали основные положения этих документов для выстраивания общей линии проявления гражданской активности в сфере общественной дипломатии за период 2005–2013 гг. При этом приводит аргументацию Общественной палаты РФ, стремясь подчеркнуть ее официальный характер.

Общественный контроль. Взаимодействие институтов гражданского общества и власти осуществляется по линии складывания

системы общественного контроля в стране, основу которой составляют такие институты гражданского общества как общественные палаты, общественные советы, общественные наблюдательные комиссии всех уровней, некоммерческие организации. Они являются не только переговорными площадками для обсуждения жизненно важных проблем, но и служат цели обучения актива НКО необходимым знаниям в области права, управления и т. д., что способствует выработке грамотных решений в области контроля. Кроме того, появляются примеры неинституциональной активности граждан в осуществлении контрольных функций.

Взаимодействие органов государственной власти с институтами общественного контроля и некоммерческими организациями – один из важнейших факторов развития гражданского общества и общественной дипломатии в России. В процессе этого взаимодействия налаживаются доверительные отношения между ними, достигается взаимопонимание, создается благоприятная атмосфера для выполнения по согласованию с субъектами гражданского общества функций контроля над государственными, общественными, предпринимательскими структурами; осуществляется общественная экспертиза законопроектов; создаются площадки для широкого обсуждения социально значимых проблем, осуществления общественно-дипломатической деятельности.

Общественная экспертиза. За последние пять лет заметно проявил себя институт общественной экспертизы как на федеральном, так и на региональном уровнях, в деятельности которого, как правило, используются приемы и методы общественной дипломатии. Общественная экспертиза направлена на повышение качества и эффективности принимаемых решений в финансовых, бюджетных, земельных и имущественных вопросах. Она создает институциональные препятствия для коррупционных проявлений и сговора.

Развитие института общественной экспертизы жизненно важно для налаживания отношений, укрепления доверия между обществом и властью. Поскольку НКО не наделены правом законодательной инициативы, то основным форматом их участия в законотворческом процессе является общественная экспертиза законопроектов. Она осуществляется через экспертные советы при министерствах и ведомствах, а также при комитетах Государственной Думы и Совета Федерации, Общественной палаты РФ путем участия в общественных слушаниях и других мероприятиях.

В стране пока не создан эффективный механизм учета предложений и участия экспертов третьего сектора в повседневной деятельности органов власти. В условиях экономического кризиса и в свете принимаемых властью и предпринимателями антикризисных мер наиболее значимой задачей является институционализация общественной экспертизы деятельности властных органов и бизнес-структур, налаживание действенной и устойчивой обратной связи с ними со стороны гражданского общества, в чем, собственно, и находит свое выражение общественная дипломатия.

Общественный мониторинг и оценка. Проведение мониторинга и оценки необходимо для проектов, задействованных в сфере внутренней политики. Мониторинг и оценка позволяют обеспечивать подотчетность организации перед населением. «Проведение периодических оценок может помочь усовершенствовать исполнение, поскольку можно получить полный обзор достижений проекта и направления его работы (исходя из данных мониторинга) и выработать рекомендации для внесения изменений в свете полученного опыта» [1, с. 23]. Мониторинг и оценка помогают выполнять коммуникативную функцию, так как могут предоставлять заинтересованным лицам необходимую информацию [1]. Особую роль общественный мониторинг приобретает в период экономического кризиса.

Степень консолидированности позиций представителей трех секторов (государства, общества, бизнеса) выражается в достижении объективных оценок, на основе которых вырабатываются взаимоприемлемые решения, используя приемы и средства общественной дипломатии, например: о путях модернизации экономики, развития демократии, благоустройства общественной жизни и социума. Отсутствие взаимопонимания между властью и представителями других секторов ведет к росту социальной напряженности.

Межнациональные отношения. Совместное проживание носителей многих культур и языков в рамках одной страны и в составе одного российского народа – это постоянная характеристика нашего государства на протяжении всей истории. Этническое и религиозное многообразие российского народа составляет его богатство, силу, а религиозное и межнациональное согласие является условием стабильности и развития страны. Но это при условии, что все они способны договариваться между собою. Использование общественной дипломатии открывает возможности для сохранения достоинства народов и культур.

Особое значение имеет деятельность этнокультурных объединений и национально-культурных автономий в РФ, где проживают представители многих народов. При участии этнокультурных сообществ в некоторых субъектах Федерации подготовлены в контексте общественной дипломатии соглашения о гражданском мире и согласии между органами государственной власти и национальными общественными объединениями, разработаны региональные целевые программы поддержки этнокультурного развития. В России исторически сложилось доброе взаимопонимание и сотрудничество между основными религиями и этническими группами. Такие отношения следует сохранять, используя общественную дипломатию. Общественная дипломатия должна связать общество и государство в поиске адекватных ответов на вызовы радикального национализма и экстремизма.

Миграционная политика. К задачам государственной миграционной политики РФ, в решении которых необходимо участие субъектов общественной дипломатии, относятся следующие положения Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. [4]. В ней сделан упор на содействие развитию в обществе культуры межнациональных и межрелигиозных отношений, формирование у мигрантов и принимающего сообщества навыков межкультурного общения, противодействия ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости. Важным также является положение Концепции о создании условий для адаптации и интеграции мигрантов, включая их обучение русскому языку, правовое просвещение, информирование о культурных традициях и нормах поведения, защита их прав и свобод, обеспечение социальной защищенности, формирование конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом.

Противодействие коррупции. Основопологающим условием решения задач модернизации России, повышения эффективности ее внутренней и внешней политики на сегодняшний день является преодоление коррупции. Это национальное, приоритетное направление деятельности гражданского общества, общественной дипломатии.

Общественная палата РФ в 2011 г. представила Президенту России Доклад об эффективности, проводимых в РФ антикоррупционных мероприятий и участии институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики, в котором сформулированы рекомендации по повышению эффективности борьбы с коррупцией [2].

Общественная дипломатия может и должна принимать активное участие в борьбе с коррупцией и взяточничеством. Если государству надлежит принимать и реализовывать необходимые законодательные, политические, административные решения, то общественная дипломатия должна поставить перед собой цель формировать антикоррупционный фон и культуру, соответствующую общественной атмосфере нетерпимости к проявлениям коррупции, организовывать повсеместные дискуссии, изобличающие факты коррупции, создать условия для референдума и заключения национального антикоррупционного договора.

Укрепление местного самоуправления (МСУ). Традиционно гражданское общество наиболее активно действует на уровне местного управления. Именно на местном уровне граждане решают насущные задачи организации своего жизненного пространства. Здесь вырабатываются микромоделли гражданской самоорганизации и взаимоотношений муниципальных властей и граждан. Насколько эти отношения гармоничны и насколько граждане способны договариваться в вопросах обустройства своего дома, подъезда, улицы и города – от этого во многом зависит авторитет и сила гражданского общества всей страны.

Несмотря на то, что местное самоуправление в России находится в стадии становления, есть ряд примеров конструктивной гражданской активности на местном уровне, диалога с муниципальными властями, которые необходимо пропагандировать и активно перенимать.

Благотворительность. В русле общественной дипломатии все более активно проявляется благотворительная деятельность населения. Данная тенденция является, безусловно, позитивной. Вовлечение граждан в благотворительную деятельность посредством общественной дипломатии должно стать одним из главных приоритетов гражданского общества России. Помощь в развитии данной тенденции способны оказать общественные организации; СМИ, которые могут распространять информацию о возможностях благотворительности, приложении своих усилий и об опыте такой работы; компании, поддерживающие добровольчество своих сотрудников; государство, разрабатывая соответствующее законодательство на федеральном и региональном уровнях.

Состояние благотворительной деятельности в России требует активизации механизмов самоорганизации участников

благотворительной деятельности, а также саморегулирования благотворительных организаций на принципах партнерского взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества.

Модернизация. Реализация заявленного руководством России стратегического курса на системную модернизацию всех сфер жизнедеятельности страны и переход к инновационному развитию требуют консолидации усилий государства, гражданского общества и деловых кругов. Об этом свидетельствует общественная экспертная дискуссия, развернувшаяся вокруг проблемы модернизации, выявившая принципиальное различие подходов по ряду ключевых позиций: образ желаемого будущего, модель и характер модернизации – опережающий или догоняющий, механизмы ее реализации, уровень вовлечения общества в модернизационные процессы.

Сегодня Общественная палата РФ выступает интегратором работы общественных советов при государственных учреждениях, отвечающих за реализацию политики модернизации. Она, используя методы общественной дипломатии, вовлекает институты гражданского общества в процессы модернизации российской экономики и других сфер жизни страны, содействует формированию идеологии и конкретных направлений модернизации, ведет широкую информационно-просветительскую работу и осуществляет экспертную деятельность, позволяющую проводить модернизацию на высоком качественном уровне.

В этом плане важную роль призвано сыграть создаваемое электронное правительство, развитие в нем интерактивной составляющей, проведение электронных форумов, тематических дискуссий и других форм общения, где граждане могли бы взаимодействовать с властью.

Экономика. Россия, пережившая мировой финансовый кризис, стоит на пороге нового финансово-экономического потрясения. В этих условиях институты гражданского общества, их общественная дипломатия способны стать одним из эффективных инструментов его консолидации, содействия реализации антикризисных мер, предпринимаемых государством, бизнес-сообществом, модернизации экономики и других сфер жизни. Участие граждан в деятельности некоммерческих организаций может стать важным элементом стратегии их адаптации к складывающейся кризисной ситуации. Вполне возможен

рост волонтерства в системе НКО за счет привлечения добровольцев к выполнению общественно-полезных функций.

Экономика сегодня формирует рынок труда и состояние производительных сил в России, по-новому позиционирует роль профсоюзов в общественной жизни России, наполняет иным содержанием проблематику защиты прав трудящихся, заставляет создавать инструменты разрешения трудовых споров. Все эти вопросы постоянно должны быть в фокусе внимания институтов российского гражданского общества, например трудовые отношения в целом ряде системообразующих отраслей находились на грани конфликта. Общественная дипломатия могла бы оказать существенную помощь в их разрешении.

Экология. Общественная дипломатия содействует сохранению экологии живых систем и рациональному природопользованию, поддержка которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны. Она способствует созданию условий для внедрения экологически безопасных производств, поиска перспективных источников энергии, формирования и реализации государственной программы по созданию стратегических запасов минерально-сырьевых ресурсов, достаточных для обеспечения мобилизационных нужд РФ и гарантированного удовлетворения потребностей населения и экономики в водных и биологических ресурсах.

Социальная политика. Общественная дипломатия призвана участвовать в решении социальных проблем, куда входит деятельность в таких сферах, как образование, наука, культура, поддержка здорового образа жизни, защита природы, борьбы с наркотизацией и алкоголизацией общества.

Экономический кризис будет способствовать активизации позиции граждан по защите собственных прав. Поэтому работа организаций, оказывающих правовую помощь населению, а также правозащитных институтов в целом, может стать востребованной и получить поддержку населения. Одновременно во время кризиса возрастет необходимость взаимопомощи населения, но, скорее всего, будет использоваться не столько финансовая поддержка, сколько другие формы помощи. Поэтому потребуются усилия действующих НКО по организации такой взаимопомощи. Для этого необходимо

способствовать активизации общественной дипломатии, способствующей солидарным действиям и вовлечению в работу организаций, отдельных инициатив. В этой связи на повестку дня выносятся вопросы о выработке государственной программы содействия развитию общественных инициатив и ее планомерной реализации.

Образование и наука. Общественная дипломатия актуализирует общественное участие в управлении образованием и оценке его качества, а также защиту прав потребителей образовательных услуг в случаях их ненадлежащего качества. Для этого она консолидирует образовательные сообщества. В последние годы проявляется тенденция объединения учителей в виртуальные сетевые, профессиональные объединения. Это новый элемент гражданского общества, обладающий собственной коммуникационной площадкой, доступом к мировым образовательным ресурсам, поддержания диалога и обеспечения взаимопомощи.

Положительной тенденцией является рост профессионализма в среде общественных организаций, что благоприятно сказывается и на осуществлении ими общественной дипломатии. Отсюда повышенное внимание к экспертному потенциалу НКО и готовность к сотрудничеству с ними государственных органов и бизнес-структур. В этом плане в качестве площадок общественной дипломатии хорошо зарекомендовали себя общественные приемные, которые оказывают консультативную помощь жителям, представителям местного самоуправления, неправительственным организациям, осуществляют работу с обращениями граждан.

Совершенствование правовой базы. Правоприменение играет большую роль в отношениях власти и общества. Современное государство должно обеспечивать существование единого правового поля на всей территории страны, равенство всех перед законом. Без законодательной регламентации не может быть полноценно реализована общественная дипломатия, такая ее функция как общественное обсуждение предлагаемых властями проектов и решений, в том числе законодательных инициатив. Общественные дебаты и дискуссии будут эффективными и результативными, только если при их организации и проведении в полной мере соблюдать принципы прозрачности, равнодоступности, представительства всех заинтересованных сторон. При этом уровень представительства органов власти должен быть достаточным для выстраивания ответственного диалога.

Исследование развития общественной дипломатии показало, что в последние годы отмечаются тенденции активизации общественно-дипломатической деятельности на всех направлениях российской внутренней политики. Наиболее активно она проявляет себя в вовлечении институтов гражданского общества в процессы модернизации различных сфер жизнедеятельности. Общественная дипломатия участвует в разрешении межнациональных, межконфессиональных, межкультурных конфликтных отношений, устранении таких опасных явлений как мигрантофобия и кавказофобия, противодействии экстремизму, терроризму, коррупции. Позитивной является тенденция вовлечения граждан в экологическую деятельность страны; в широкую информационно-просветительскую работу; в экспертную деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бейквел О.* Совершенство процесс развития: Практическое пособие по мониторингу и оценке. – М.: INTRAC, 2004. – 121 с.
2. Доклад об эффективности, проводимых в Российской Федерации антикоррупционных мероприятий и участия институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.oprf.ru/files/dokument2011/dokladantikorrupsiya.pdf>.
3. Ежегодные доклады Общественной палаты «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации» за 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.oprf.ru/documents/1151/1897/>
4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/15635>
5. *Косачев К. И.* Выступление на международной конференции «Демократия на постсоветском пространстве: 20 лет спустя» Прага, 11–12 сентября 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rs.gov.ru/sites/rs.gov.ru/files/vystup_kosachev_praha_2012.pdf